

ISSN 0868–5819

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

*Журнал Московской городской организации
Союза писателей России*

Основан М.П. Погодиным в 1826 году при участии А.С. Пушкина.
Возобновлён Московской писательской организацией СП РСФСР
в 1990 году

№ 2
2023

Главный редактор:
Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ

Ответственный редактор:
Марина Анатольевна ЗАМОТИНА

Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5
Контактный телефон: 8 (495) 697-00-60
e-mail: glukozza2010@yandex.ru

Уважаемые коллеги! Просьба присылать материалы в электронном виде с фотопортретом и краткой биографической справкой автора. Редакция не вступает в переписку с авторами и не рецензирует присланные произведения.

Общественная редколлегия:
М.А. ЗАМШЕВ, Ю.Н. БОГДАНОВ,
Н.А. КАРТАШОВ, В.Н. КРУПИН,
М.М. ПОПОВ, В.А. ПРОНИН,
В.В. СОРОКИН, А.П. ТОРОПЦЕВ,
А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, В.Г. ФРОЛОВ

Подготовка к печати: Издательство «У Никитских ворот»

Вёрстка: У.Д. Иващенко
Корректурa: В.И. Русаков

Тираж 400 экз. Заказ № 2644

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 015738 от 19.02.1997 г.

Учредитель и издатель: Региональная общественная организация
«Московская городская организация Союза писателей России»

ISSN 0868–5819 «Московский Вестник», 2023, № 2

© Редакция журнала «Московский Вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора. <i>Иван Голубничий</i>	5
--	---

СТИХИ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

Ирина Ракша Экипаж машины боевой.....	8
Никита Брагин Над окоёмом вечного покоя	15
Владимир Янов Донецкие рассказы.....	26
Наталья Чистякова Исцеляйся, Россия... ..	53
Владимир Фадеев На реке.....	62
Александр Андронов Мы бредём по извечной дороге... ..	86
Виктор Фролов Лёха.....	98
Виктор Кашкин Научи покаянию, Господи... ..	110
Анатолий Пуклич Рыжий вор-спаситель	120
Инееса Ильина-Фёдорова Учусь любить, прощать, терпеть... ..	126
Анна Барина Русалка подземной реки.....	137

Инна Мухина	
От стихов светлеют лица... ..	157
Марина Завьялова	
Два рассказа	163
Тамара Потёмкина	
Геометрия Лобачевского.....	171
Геннадий Киселёв	
Вильям Шекспир отдыхает.....	200
Любовь Земная	
Белая ворона.....	213
Борис Катковский	
Поэт свободен в мыслях и словах... ..	226
Лариса Фелисион	
Рассказы	233

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Марина Замотина	
О чём мы мечтали?	244

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Юлия Сорокина	
Это что за чудеса?!	252
Евгений Калачёв	
Змеиный браслет.....	261
Евгений Цуков	
Три рассказа про Женьку.....	275

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Современность породила много спорных представлений, одним из которых является мысль о неизбежном постепенном исчезновении из обихода традиционной бумажной книги и вообще бумажных носителей текста как таковых. И для этого вроде бы есть определённые основания: интернет даёт возможность получать информацию (в том числе и художественного характера) в электронном виде; хранение литературы таким образом становится не в пример более удобным и компактным; сам процесс чтения с монитора является более комфортным, поскольку не обусловлен объёмом текста (иными словами, читая, например, большой роман, человек не обременён необходимостью носить с собой тяжёлую книгу). То же самое можно сказать и о литературных журналах: электронный формат сокращает и ускоряет путь произведения к читателю, упрощает проблему наполнения номера издания, расширяет потенциальную читательскую аудиторию до беспредельности и т.д. Всё это убедительно, потому что очевидно и рационально. Так что же, бумажные книги и журналы действительно обречены на исчезновение? Действительность пока никак этого не подтверждает. Книги и журналы неизменно пользуются интересом читателей, существуя параллельно с новыми возможностями и оставаясь неизменными факторами классической, традиционной культуры бытия. Книга и журнал – это не только текст, это некая материальная форма выражения человеческого духа, имеющая неизъяснимое обаяние и представляющая неизбывный интерес для читателей, независимо от возраста и социальной принадлежности. Особенно это утверждение имеет отношение к художественной литературе.

Многие литературные издания сегодня перешли на электронный формат, но при этом сохраняют традиционный, бумажный. Этому есть причины. Не секрет, что каждый автор,

даже самый современный и продвинутый, любит подержать в руках номер журнала со своими произведениями, ощутить, так сказать, их реальность. В то же время, журнал – это не просто собрание текстов, он сам по себе – концептуальная художественная акция, самостоятельное произведение литературы. Будучи зафиксирован навсегда в прочные материальные формы, он является необратимым творческим действием, за которое отныне несут ответственность перед читателем не только авторы, но и редакционная коллегия. В этом есть живой нерв, обобщённая духовная эмоция. Поэтому бумажные литературные журналы будут продолжать жить. Да, тиражи сегодня не те, что в благословенные советские времена, и круг читателей не столь обширен, как хотелось бы. Но та функция (или миссия), которую выполняют эти издания, принадлежит им и неотторжима от них.

Сегодня, когда литература и искусство во многом перешли на позиции медийного шоу-бизнеса (зачастую независимо от идейной направленности), особенно важно поддерживать литературный процесс, мотивированный творчески, сохраняющий и поддерживающий преемственность отечественной литературной традиции. Журнал «Московский Вестник» даёт возможность писателям не только публиковать свои произведения, но и знакомиться с творчеством своих собратьев по перу, не поддавшихся искушениям суетной эпохи и занимающихся творчеством в соответствии с высоким призванием. Стихи, проза и критико-литературоведческие статьи, опубликованные в журнале, представляют современную российскую московскую литературу в её стилевом и содержательном многообразии.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

**СТИХИ, ПРОЗА,
ПУБЛИЦИСТИКА**

Ирина РАКША

Ирина Евгеньевна Ракша – известная русская советская писательница, член Союза писателей СССР и России, кинодраматург. Окончила сценарный факультет ВГИКа. Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор более 50 книг прозы (в том числе переведённых на многие языки мира). Автор сценариев документальных и игровых фильмов.

Лауреат ряда государственных и общественных наград, медалей и орденов.

Её именем в 1995 г. Институт Астрономии РАН назвал планету Солнечной системы № 5083 – «ИРИНАРА», в честь достижений писательницы в области искусств.

Живёт в Москве.

ЭКИПАЖ МАШИНЫ БОЕВОЙ

Новелла

Мой папа-танкист вернулся после войны живой и здоровый. Он был даже не ранен. Но для меня война открывалась как бы с другой стороны, с тылу. Именно через Москву, через наше Останкино все демобилизованные возвращались на родину, разъезжались по домам. Ехали и летели, летели и ехали дальше. С запада на север, на юг, на восток. По родным сёлам, городам, посёлкам, местечкам, по всей необъятной нашей стране. И все проездом, транзитом через наш дом... Пересадки, покупки билетов на электрички, поезда, самолёты. И очереди, всюду очереди, даже в воинские кассы...

И все они жили у нас. Кто день, кто два, а кто и неделю.

Сколько разных гостей видела я в нашем Останкино – однополчане отца, друзья, друзья друзей, да и вовсе незнакомые люди. Причём из разных родов войск: лётчики, пехота, артиллерия... Мама стелила им спать на диване в столовой. А порой, когда много, и на полу, на полосатом ватном матрасе... И тогда в квартире начинало остро пахнуть войной (как в блиндажах и окопах) – куревом, потными гимнастёрками, твёрдой кожей ремней-портупей, кобурами без пистолетов, парой костылей, поставленных в угол, вонючими портянками и сапогами, снятыми у входных дверей. И моя гостеприимная мама кому-то что-то даже стирала, что-то гладила. И всё это сохло, развешанное по форточкам и подоконникам (чтоб во дворе не украли). Моей сердобольной маме всегда хотелось отправить героев Победы к их семьям пригожими, с гордо звенящими на груди медалями-орденами, с блестящим золотом погон и звёздочками на плечах. И эти счастливые дембели (которые поутру разлетались от нас навсегда) в прощальном скромном застолье, где порой блестела банка сгущёнки или тушёнки – их подарок из армейского пайка, нескладно, но дружно пели под мамин аккомпанемент любимые

армейские песни: «Артиллеристы, Сталин дал приказ! / Артиллеристы, зовёт Отчизна нас! / Из сотен тысяч батарей / За слёзы наших матерей, / За нашу Родину – огонь, огонь!» (в моей памяти эти песни живы, словно отпечатались на всю оставшуюся жизнь).

* * *

В дверь негромко так, осторожненько постучали, когда я была дома одна. Я замерла, бросив игрушки. Мне было запрещено открывать дверь посторонним. И вообще «кому бы то ни было», когда родители на работе. А это был как раз тот самый случай.

Папа, вернувшийся с фронта, работал теперь по специальности инженером сельхозмашин в сельхоз-министерстве в центре Москвы. Это был угол Садового кольца с Орликовым переулком. А мама поехала на трамвае из нашей окраинной дыры, из Останкино, «в город», на Мещанскую улицу. В «приличный дом», давать урок музыки на фортепиано «приличным детям».

В дверь опять постучали. Уже настойчивей.

– Кто там? – всё-таки спросила я тихонько.

Женский голос ответил:

– Скажите, Ракши здесь проживают?

– Здесь. Только их нету дома (обманывать старших мне тоже было запрещено).

– Мы к ним в гости приехали из Твери, – это был уже густой мужской голос. – Я с твоим папкой на фронте был. Однополчанин. Воевали вместе.

Я совсем растерялась. Что делать?

А из-за двери слышалось:

– Открой нам. Я его друг, механик-водитель танка. Поддавашкин... Дядя Федя.

А может, и правда, открыть? Всё-таки друг, дядя Федя. Не какой-нибудь серый волк или вор... И я, помедлив, всё же открыла.

Передо мной на пороге стояла небольшая невзрачная женщина с очень большим животом. А за её спиной высокий дядька с палкой. Он почему-то держал широкую руку на её хрупком

плече. Это была странная, необычная пара. И как я поняла – он был слепой, а она, вероятно, ждала ребёнка.

...До прихода родителей я была сама не своя. Всё напряжённо думала, что меня, конечно, непременно накажут. Это уж ясно – накажут. Или просто отшлёпают, «выдерут, как сидорову козу» или в угол поставят. Ведь сто раз было говорено – «не открывай никому». Но, как ни странно, за шумом радостной встречи, за возгласами и разговорами взрослые про меня словно забыли.

– Неужто ты это, Фёдор? Живой!

– Так точно, товарищ гвардии лейтенант, живой. И, как видите, не один, с женой. Да ещё прибавления ждём.

– Ну, молодец, молодец гвардеец, разыскал...

– Да. Вот, выбрались из своего захолюстья, – вставила словечко жена-тихоня. – Федя сказал, давай съездим сейчас, а то потом уж не до этого будет...

И тут отец, понизив голос, деликатно спросил:

– А как без глаз-то приспособился к жизни?

Но гость обрадовано оживился:

– А как же иначе-то, командир? Мы же гвардейцы! Теперь я укрепляю советскую кооперацию. Корзины плету из лозы. А из ольхи всякую мебель. Разные кресла дачные, – и заразительно рассмеялся. – Вяжу даже веники. Расходятся хорошо. На хлеб хватает.

И показал свои большие грубые ладони с тёмной выдубленной кожей:

– И сырьё дармовое. Жена вон с реки таскает. Там немерено ивы растёт.

...А про меня родители и правда на весь вечер забыли. Только спать отправили слишком рано. И мама, поцеловав меня в лоб, выключила свет и плотно закрыла дверь в спальню.

Однако мне было не до сна. Весь вечер за стеной продолжалось весёлое застолье. То взрывы смеха, то музыка, то тишина. И то и дело слышались возгласы: «А помнишь, командир?.. А помнишь, Фёдор?.. А помнишь переправу на Буге?..». Или: «А помнишь нашего заряжающего Гиви, шутника из Гори? А Лёху Рязанца помнишь?..». И эти возгласы звучали порой под

мамину музыку – игру на пианино. А тут вдруг услышала, как мама спросила: «А кого ж вы ждёте? Мальчика или девочку?». И гостья смущённо вздохнула: «Мне хотелось бы девочку. Мы и имя уже придумали. Назовём Победа». И мама обрадовалась, подхватила: «Ну, конечно, Виктория – Вик-то-рия... А если мальчик, то Виктор...» – и победно ударила по клавишам пальцами. Мама, как всегда, могла удобно вращаться на табурете между круглым столом в центре комнаты и пианино, что у стены...

А потом... А потом у меня уже слипались глаза, а я всё слушала: «А помнишь бои в Польше... под Белостоком? А сержанта Седых?..».

Ну как же им было не помнить эти кровавые бои под Белостоком, когда сгорал на глазах танк Коли Седых? Как Коля вылезал из башни, но был убит и бессильно повис на краю... А танки всё шли вперёд, всё наступали. И в грохоте гусениц горели уже и справа, и слева. И от батальона в двадцать три машины осталось только шесть. И всё-таки эти шестеро героически взяли это местечко. После артподготовки на полном ходу ворвались вместе с пехотой, бегущей следом, между танками... Но немец уже отступил. Оставил местечко. И опустевший посёлок горел. Там и сям полыхал пожарами. Густой, удушливый дым стлался над чешуёй черепичных крыш, над переулками и перекрёстками. А по пустой площади ветер гонял какие-то бумаги и документы. Одним из первых выскочил из танка, из смотрового люка, с пистолетом комбат, гвардии лейтенант. И придерживая хлопающий по бедру офицерский планшет, бросился в комендатуру. Но она тоже была пуста и разгромлена. Всюду в комнатах вонь и мусор, пепел и гарь, груды сожжённых, обугленных документов. На полу разбитая пишущая машинка. Хлопали двери и окна. Под ногами звенели гильзы, хрустело стекло.

А на площади тем временем усталые с красными лицами танкисты вылезали из грозных гусеничных машин. Кто через верхнюю башню орудия, кто через нижний люк. Стаскивали с потных голов толстые шлемофоны. Негромко, как бы нехотя, переговаривались друг с другом и с пехотинцами. И понемногу солдаты всё больше заполняли площадь. А поодаль, возле ко-

мендатуры, почему-то стояла, словно забытая, метровая алюминиевая фляга, похожая на молочную. От неё сильно тянуло спиртом. И к ней один за другим подходили победители. Окружали. С кружками, фляжками. Звякал металл о металл. И вскоре вокруг фляги собралась небольшая толпа. Каждый хотел зачерпнуть прохладной, прозрачной влаги. С устатку хлебнуть алкоголя, чистого спирта. И по очереди зачерпывали, глотали. Крякая и утирая мокрые подбородки. Но тут вдруг с порога комендатуры раздался отчаянный крик комбата: «Отставить!.. Отставить!». Он подбежал к ним и, растолкав, и сапогом со всей силы ударил по фляге. И та с грохотом повалилась, покатилась, расплывшая прозрачную «драгоценную» жидкость.

Кто-то испуганно выкрикнул: – Да это же спирт. Чистый спирт, командир!

Но комбат заорал:

– Идиоты! Это же чистый яд! – и повернулся к стоящим. – Кто пил?! Спрашиваю, кто пил?! – и шагнул к своему водителю танка – Поддавашкин, ты пил?

Тот попятился, опуская пустую кружку.

– Ну, пил...

– В госпиталь! Немедленно в госпиталь! Это же яд! Это же спирт смертельный, метиловый! Фашист нарочно для вас, идиотов, это оставил!

Но в госпитале умерли только трое: пехотинцы и сержант-наводчик «тридцатьчетвёрки»... А Поддавашкина откачали. Любимый механик-водитель Федя остался жив. Однако ослеп. Полностью. На оба глаза. И вскоре, конечно, из армии был комиссован.

И вот за стеной всё звучал густой его голос: «А помнишь...». Ну как, как же они могли не помнить страшные эти бои под Белостоком?..

...В темноте спальни я, малышка, конечно, не сплю. Из-под одеяла опускаю босые ножки. И в длинной ночной рубашонке, сшитой бабушкой из старых дедовых кальсон, крадучись по холодному полу ступаю к двери. Светлый луч из замочной скважины пронзает тьму. Я наклоняюсь к дверной этой скважине,

смотрю в столовую. Эти странные гости пируют и поют совсем неизвестную мне, грозную, военную песню:

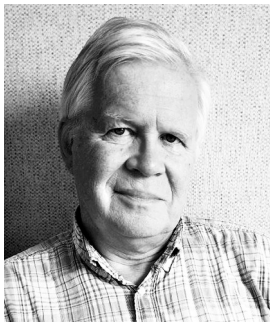
*На поле танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой,
А молодого командира
Несли с пробитой головой.
По танку вдарила болванка,
Прощай родимый экипаж.
Четыре трупа возле танка
Дополнят утренний пейзаж...*

Сколько же всего важного, нужного видела и слышала я через эту дверную скважину. Но, если сказать точнее, это было окно, распахнутое в большой мир. И этот мир проявлялся, являлся мне, как на ладони, вот за этим круглым, гостеприимным столом с его прошлым и настоящим. Он звучал в разговорах и песнях среди этих солдат и офицеров. С боями прошедших Европу, победивших фашизм. Танкистов, связистов, лётчиков, пехоты. Передо мной открывалась жизнь не только родителей и гостей, не только на войне и до неё. Передо мной была судьба всей страны, моей Родины. И навсегда врезались в детскую память мелодии – песни победы, которые нравились больше всего:

*...И доби́ли – песня в том порука –
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста, три весёлых друга –
Экипаж машины боевой!*

А когда уже далеко за полночь отец (тот самый комбат, гвардии лейтенант) открыл дверь из столовой в спальню, то увидел свою дочь-малышку. Она сидела на полу босичком, в ночной рубашонке. Её кудрявая головка была запрокинута на косяк двери. Она крепко спала. Крепко и сладко. И нежный лобик её был чист и светел.

Никита БРАГИН

Никита Юрьевич Брагин – поэт. Москвич, 1956 года рождения, член Союза писателей России. Автор двенадцати сборников стихов, в том числе: «Полночное паломничество» (2014), «Дикий мёд» (2017), «Золотые шары» (2020), лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), обладатель Гран-при конкурса «Преодоление» МГО СП России (2020). Публикуется в «Литературной Газете», газете «День Литературы», журналах «Наш Современник», «Москва», «Подъём», «Александръ» и др.

Живёт в Москве.

НАД ОКОЁМОМ ВЕЧНОГО ПОКОЯ

НЕЖНОСТЬ ПЕПЛА

Земля, ты столько бережёшь
в себе, за пазухой шинели –
сошник, подкову, царский грош,
жестянку из-под карамели –
любви и времени осколки,
кусочки драгоценных ваз,
припрятанные втихомолку
от посторонних глаз.

Родная, чёрная, прости!
Поклон твоим цветам и злакам!
Как горестно держать в горсти
тебя, наполненную прахом!
Но, чтобы память не ослепла,
и слово не сдалось огню,
в сосуде сердца нежность пепла
я мысленно храню.

Три поколения войны,
мальчишки, их отцы и деды,
что до сих пор не сочтены,
и ждут поныне день победы –
кто на высотах, кто в болотах,
кто мхом укрыт, кто муравой...
На поле боя ждёт пехота
салюта над Москвой.

Насколько лучше нас они,
настолько тяжелей утрата.
Не скажешь времени – верни,
и не услышишь голос брата.
Есть только память о родимых
и поминальные венки,
и от Рыбачьего до Крыма
бессмертные полки.

ЛЕДОКОЛ «КРАСИН»

Свежие вешние воды уносят последние льды,
время уходит молча, стирая свои следы,
тихие волны гладят выгнутый чёрный борт,
вниз по течению шумно: доки, буксиры, порт,
рваные тучи ползут пепельными хвостами.
Всё, что у времени выхватим, нашей памятью станет.

Помнишь небесно-белую полночь у Карских Ворот?
Не до красот нам было, время звало вперёд.
Вдали, в проливе Вилькицкого, ждали тяжёлые льды,
а ключ телеграфа бился дробным пульсом беды.
И слышалось в те минуты – надежда умрёт последней...
Звезде Морей отслужили неверующие обедню...

Нельзя забывать молитвы и плавить колокола.
По первой весне зеленеет выжженное дотла.
За всё, что мы покидаем, детям держать ответ,
о будущем некому думать, если памяти нет.
И память к нам обернулась и шепотом отвечала –
он больше не выйдет в море, он – памятник у причала.

В минуты горя и страха как хорошо быть с ним,
полной грудью вдыхая чистый ветер весны,
чувствовать мартовский холод, ползущий с карельских болот,
и вдруг понять – раскололся горло сжимавший лёд.
Старую сталь бортов ласкают волны весенние...
Ветер уносит годы, память приносит спасение.

СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ

На крепость камня, на лохмотья мха,
на белые пески, на чёрный уголь
поставить перекрестие стиха,
обозначая совершенство круга
Полярного. Вдыхая высоту,
в осеннем златосумрачном уборе
найти скалу – подножие кресту
меж синих губ сияющего моря.

Найти опору и окончить путь,
раскинув руки поперёк залива,
и благовест в полнеба распахнуть,
даруя многогласие призыва
грядущему – остановись, внимай!
Здесь мы рождались, жили и любили,
он наш, до горизонта, этот край,
в его красе, смирении и силе.

И по граниту трещиной укор,
когда глядишь, смолкая и старея,
на высеченный в дереве узор
священной монограммы Назорея!
Не ритуал, не символ, и не жест –
простым поклоном до земли рукою
на камне сердца воздвигаю крест
над окоёмом вечного покоя.

ПЛАТОЧЕК НА ДЕСНИЦЕ

Туда, где мох и спелая морошка,
моя душа влетает спозаранку
сквозь отворённое во сне окошко,
минуя поезда и полустанки.

Еловый сумрак без конца и края
она вбирает, раскрывая очи,
и ведьминными кольцами играя,
себе самой – и родине пророчит.

Свои слова сама не понимает,
поёт их, словно песню берендеев,
и плачет вдруг, и бьётся, как немая,
увидев над собой топор злодея.

И, соскользнув по иззубрённой грани,
плывёт к надежде паутинной нитью,
и в омутах сознаний и страданий
горит и говорит, что снова быть нам!

Что будет снег, пуховый, непорочный,
и будет смех, тишайший и легчайший,
и в сердце будет нежность многоточий,
зовущая всё дальше, дальше, дальше.

И будет как платочек на деснице
моя страна, где радуешься, плача,
где, умирая, улетаешь птицей
сквозь дым родной, смолистый и горячий!

СОЛОТЧА

Солотча милая, уснувшая в снегу
как шишка с золотыми семенами!
Поделишься со мной своими снами,
пока я твой покой постерегу?

Краса сосны и крепость кирпича
плывут косыми строчками на белом –
их тихий строй мне только что напела
заката литургийная парча.

И я спешу, родная, за тобой,
вослед изгибаю луковиц и гроздьев,
по колеям в подковах и полозьях
в твой дух – и смоляной, и зерновой!

РОССИИ

И снова говорят, что ты – была,
что капельками солнца купола
упали с неба и давно остыли,
что письма твои – одна зола,
и сам язык твой старчески бессилён.

Не стану спорить. Пошлые слова,
шуршат, как облетевшая листва,
крошатся, оставаясь без ответа.
Как в чистом поле ранняя трава,
так для моей души твои приметы –

Окошко, просветлевшее в ночи,
и теплота растопленной печи,
и солнышки блинов, и чая кружка,
и небо, где весенние грачи
кружатся над ветшающей церквушкой.

В СОКОЛЬНИКАХ

В Сокольниках, у старой каланчи,
затерянной среди стекла и стали,
пора остановиться. Помолчи
и вспомни всё, о чем тогда мечтали,
чем жили, чем томились, выживая
среди утрат, распутиц и разрух...
Теперь всё это – капля восковая
да невесомый паутинный пух.

Теперь всё это – солнечная даль
прозрачного осеннего пейзажа,
где каждый звук и каждая деталь
о радостях и горестях расскажут.
Вот лиственниц лимонные ресницы,
вот ёлочки зелёная свеча,
а где-то дальше – детская больница
и наш сынок под скальпелем врача.

Душа моя, ты светишься сквозь плач,
ты смотришь благодарно и влюблённо,
а солнышко, упругое как мяч,
румянится, смеясь сквозь кроны клёнов,
и жизни догорающие листья
на тротуаре радужным ковром,
а воробьи усердно перья чистят
и радостно щебечут – не умрём!

НЕДАЛЕКО ОТ ВОКЗАЛА

Из окон веяло майской ботаникой
берёзовых рощиц, льняных полей,
тихо позвякивали подстаканники
с орбитами звёздных кораблей.

Вслед за трелями соловьиными
репродуктор песней наполнил вагон,
музыка – маршевая, лавинная,
рванулась за стуком колёс вдогон.

Москва приближалась, утюжа масштабами
глину просёлков, сирень села,
по котлованам карабкались крабами
бульдозеры, всё обдирая дотла.

На поле, покинутое коровками,
где земля мазутом пропахла давно,
дома вставали спичечными коробками,
или костяшками домино.

А дальше – высились Гималаями
башни, прообразы грозных ракет,
и небо, звёздами их опаляемо,
соединяло закат и рассвет.

И были эти гордые образы
как шляпа взрослого – малышу,
как гиря – мизинцу, Вселенная – глобусу,
фрески сикстинские – карандашу..

Но память об этой мечте несбыточной
первым червонцем в копилку легла,
и дальнейшее детство сверкающей ниточкой
касается раненого крыла.

НАД ВОЛГОЙ

Всепоглощающая ширь
равнины и чащобы хмурой...
Сам Желтоводский монастырь
застенчивой миниатюрой
я вижу с этой высоты,
с безлесного откоса Волги,
и блещут искрами кресты
в лучах зари, по-русски долгой.

По-русски – значит, широко
и не вмещаемо веками –
туман стекает молоком
под пепельными облаками,
и одинокая душа
зовёт и ждёт, сама не зная,
кто ей откликнется, спеша
и сердце стужей пеленая.

Размеренно, как метроном –
всё совершилось, всё минуло,
над умирающим зерном
ни звёздочки не проблеснуло,
и остановлена река,
и время пятится вслепую,
и дума бьётся у виска –
как это чувство нареку я?

Вручи мне эту ширину
и подхвати движенье струга,
на стрежне разведи волну,
теченье изогни упруго,

и вниз по матушке-реке
пусть льётся песня вековая,
и крылья вёсел налегке
взлетают, гребни разбивая!

Взбежать, сорваться и взлететь
над родиной, седой и сирой,
над ветром, хлёстким, словно плеть,
и в небо, нежное как миро,
туда, где утро – навсегда,
где васильки не увядают,
туда, где вешняя вода –
воистину вода святая.

НАД ПОКОЕМ

По тихому лесу берёз и крестов
бродить одному без оглядки
и чувствовать запах могильных цветов,
прохладный и чуточку сладкий,
и слышать, как плачут осколки миров,
с тобой в резонанс попадая,
и видеть сквозь рдяный осенний покров,
что там – только клетка пустая,
что цепи истлели, а пепел остыл,
и певчая птичка взлетела,
и кружится возле темниц и светил
без памяти и без предела...

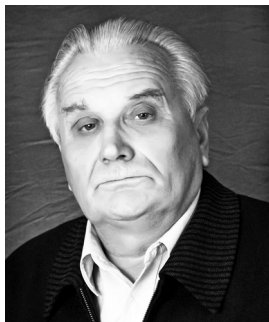
Ах, память моя, тонкий пульс родника,
биение алой аорты!
К тебе прикоснешься, а ты глубока,
как море, покрывшее мёртвых,
и глядя в тебя, начинаешь тонуть,
и в холоде смертного вздоха

НАД ОКОЁМОМ ВЕЧНОГО ПОКОЯ

на трещине льда обрывается путь,
в пучину уходит эпоха...
Былая Россия лежит в глубине,
сквозь сон безутешно рыдая,
и плач её стелется, оледенев,
как в поле позёмка седая.

Но видишь её всё светлей и святей,
заветной и горестной горстью,
и четырёхзначные даты смертей
друг друга сменяют как вёрсты,
и хочешь проснуться, и жаждешь лететь
к лазури апрельских проталин,
а в сердце поёт колокольная медь,
и счастье растёт из печали!
То родина веет весенним листом,
вдыхает берёзовым дымом,
и душу твою осеняет крестом
воздушная персть Серафима.

Владимир ЯНОВ

Владимир Станиславович Янов – прозаик. Член МГО Союза писателей России. Родился в 1945 году в г. Актюбинске Казахской ССР. В 1968 году окончил Московский геологоразведочный институт и по собственному желанию поехал трудиться инженером-геологом в Приморский край. Литературную деятельность начал с 1983 года, публикуя в городской и краевой печати небольшие рассказы и фельетоны. За 22 года издал 15 книг для детей и молодёжи: шесть повестей, два сборника рассказов. Написаны две пьесы и в соавторстве два киносценария. Публиковался в журналах для детей «Кукумбер», «Чудеса и приключения», «Детская “Роман-газета”» и в многих других. Работы Владимира Янова получили четыре Диплома Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» 2009, 2013 и 2020 и 2022 гг., Диплом сибирского литконкурса «Ковдорья» 2012 г. Диплом Гайдаровского конкурса 2016 г.

Живёт в г. Воскресенске Московской области.

ДОНЕЦКИЕ РАССКАЗЫ

СТРЕЛЯЛИ!

Андрюша Кузнецов всю свою не столь ещё долгую жизнь прожил в городе Донецке. И всю его жизнь в городе шла война. Так было в детском садике, когда в городе начинало греметь и бухать, всех детей срочно уводили в подвал. Так было в начальных классах, когда в школе звенели стёкла, тогда все классы собирались в подвале и с тревогой прислушивались к тому, что творится наверху. Вот и сейчас, когда начался учебный год, когда уже который месяц на Украине идёт специальная военная операция, а Андрюша учится уже в пятом классе, в городе по-прежнему слышны взрывы и идёт война. Мальчик привык к войне, уже вполне профессионально определял, каким боеприпасом бьют украинцы, куда метят и зачем.

Андрея разбудил далёкий разрыв боеприпаса.

– Сволочи, минами начали бросать с утра. Это по Куйбышевскому району бьют.

Мальчик полежал ещё минут пять в постели, пытаясь определить, откуда начался артобстрел.

– Из Авдеевки прилетает. Сначала бьют минами, затем начинают лупить гаубицами американскими, а завершают залпами из «Градов».

– Андрюша, ты в школу пойдёшь?

– Надо, мама. Сегодня контрольная по алгебре.

– Тогда собирайся, завтрак на столе. Иди за домами, будь осторожен. Я уже ухожу.

Дверь за мамой закрылась, замок два раза щёлкнул. Андрей встал, сунул ноги в тапочки и взглянул на часы.

– Ух ты, надо торопиться.

Он оделся, съел наспех бутерброд с каким-то паштетом, приготовленный мамой, запил чуть тёплым чаем, одел школьный ранец и вышел на улицу. День был ясный, тёплый, но уже чув-

ствовала осень. Листья на берёзках начали желтеть, бархатцы на клумбах начали прикрывать свои яркие глазки. Обильная роса легла на траву и цветы у подъезда.

«В такую погоду в лес бы сходить, грибочков набрать», – подумал мальчик, но далёкий взрыв отогнал крамольные мысли.

«Опять по Куйбышевскому району ударили».

Андрей осмотрелся, чтобы выбрать маршрут до школы. До неё было всего-то чуть более 500 метров, но надо выбрать самую безопасную дорогу к ней. По улице шли люди, торопясь успеть добраться до своего места работы. Солидно проезжали переполненные автобусы. Город оживал, но очень осторожно, с опаской. За беспечность можно дорого заплатить здоровьем или даже жизнью.

«Стреляют из Авдеевки. Потому надо идти по Университетской, прячась за домами. От мин можно успеть спрятаться, потому что они свистят при падении. А вот от “Градов” укрыться сложнее. Они воют при полёте, но нельзя определить, куда они упадут».

Мальчик пошёл по улице, стараясь держаться поближе к дому. Он уже прошёл университетский городок, как вдруг услышал гул летящего снаряда. Андрей едва успел юркнуть в пролом в одном из домов, как на улице раздался взрыв, в дыру в стене влетели дым, пыль, осколки дорожного щебня и асфальта.

«Это уже по нам лупят, и не минами, а “Градами”, – понял мальчик. – Они одиночными не бьют. Жди ещё минимум парочку».

Точно, недалеко раздалось ещё несколько взрывов. Мальчик оглядел своё убежище. Он попал через дыру в стене на кухню. Вместо окна был пролом. В потолке тоже зияла внушительная пробоина. Всё в комнате было посечено осколками, но на стене чудом уцелела фарфоровая тарелочка с изображением голубого моря, оранжевого солнца и зелёных развесистых пальм. На ней было написано золотыми буквами «Крым. Ялта».

Сейчас в Ялте тихо, – размышлял мальчик. – В море ещё купаются.

Вдруг наверху послышались шаги. Кто-то подошёл к окну на втором этаже.

«Это кто же там может сейчас прятаться? Дом давно нежилой. Люди либо дома сидят, либо на работу спешат».

Он подождал ещё немного, внимательно прислушиваясь, не летит ли ещё подарок от нацистов. Но было тихо. Мальчик собрался было уже выбираться из своего убежища, как вдруг услышал сверху приглушённый мужской голос.

– «Гром», я «Закат». Триста метров северо-восточнее. Как принял?

Ответа Андрей не услышал, но вскоре снова недалеко жакнуло.

Андрея пронзила догадка.

«Так это корректировщик. Впереди как раз здание главы области. Вот сволочь, как раз туда и наводит. А недалеко и моя школа, а сегодня контрольная. Надо что-то делать. Поднять шум, так он сбежит. Надо по-тихому».

Мальчик осторожно, стараясь не шумнуть, вылез через дыру в стене и побежал вдоль дома в обратную сторону.

«Через два дома отдел народной милиции. Надо туда срочно, пока он не скрылся».

За спиной опять гроыхнуло, но Андрея это не остановило. Запыхавшись, он прибежал к дому, где размещался отдел милиции, но дверь была закрыта.

«Что делать? Куда бежать? Но люди же здесь где-то есть», – решил он.

Он выбежал во двор и закричал:

– Люди, в доме на Университетской работает корректировщик. Его надо задержать. Люди. Надо задержать. Помогите.

Оконная рама, забитая фанерой, отворилось. Выглянул заspanный мужчина.

– Ты чего орёшь? Я с ночной смены. Что случилось?

– Дяденька, там в доме корректировщик работает. Он наводит «Грады» на администрацию. А милиции нету.

– Так, пацан, тихо, не ори, а то спугнёшь. Я мигом.

Через пару минут мужчина выскочил из подъезда уже в камуфляже и с автоматом в руках. Протянул Андрею руку.

– Семён. А тебя как?

Мальчик солидно пожал протянутую руку.

– Андрей.

– Ну, Андрюша, показывай, где шпион засел.

Андрей с Семёном вошли в дом тихо через подъезд с другой стороны. Андрей присмотрелся.

– Вот в этой квартире.

Они подошли к двери, прислушались.

– «Гром», я «Закат». Как принял?

Мужчина рывком открыл дверь.

– «Закат» значит, сейчас я тебе такую «тёмную ночь» сделаю, – взревел он, и дал очередь из автомата в соседнюю разрушенную комнату.

У окна застыл с перепуганным лицом немолодой мужчина в серой куртке.

– Оружие есть?

Мужчина отрицательно покачал головой.

– Руки вверх и шагом марш вперёд, – скомандовал Семён. – Попытаешься бежать, пристрелю, паскуда. Андрюша, пошли.

На улице на выстрелы уже собирался народ.

– Вот, наводчика прихватили, – пояснил Семён.

Народ зашумел.

– Да чего с ним возжаться. Пристрелить на месте.

Наводчик побледнел, закрутился на месте, ручками замахал.

– Я не виноват, меня заставили.

– Ладно, там разберёмся, – решил Семён. – Шагай вперёд.

Андрюша, ты молодец. Пошли со мной.

– Семён, мне нельзя, я на урок опаздываю.

– А ты в каком классе?

– В пятом А.

– В этой школе?

– Да, в этой, в 14-й.

– Раз так, беги на урок. А как твоя фамилия?

– Кузнецов.

Андрюшка побежал. Стрелять перестали. Видимо, ждали поправку от наводчика. Но тот уже на связь не выйдет. В классе старательно решали уравнение с двумя неизвестными.

– Кузнецов, почему опоздал? – строго спросила учительница.
– Так стреляли, Оксана Владимировна.
– У нас всегда стреляют. Но это не повод опаздывать на уроки. Садись, задача на доске. Решай, если успеешь.

Андрей математику не очень любил. Но старался не отставать. Задача была непростая. Он её попробовал решить, не получилось. Попробовал по-другому. С тем же успехом. И тут зазвенел звонок.

– Ну что, Кузнецов, не решил? Дома решишь, завтра принесёшь.

В это время в класс вошёл Семён, а за ним военный с бумагой в руках.

– Кто здесь Андрей Кузнецов? – спросил военный.

Андрей с недоумением встал

– Я Андрей Кузнецов.

Военный вывел Андрея к доске, поставил перед классом.

– Андрей, спасибо тебе от города и от военных. Благодаря тебе мы сегодня задержали опасного шпиона. Он наводил на наш город вражескую артиллерию. Мы знали о нём, охотились за ним, но никак не могли выявить. Теперь он арестован и предстанет перед нашим судом. А тебе за это Почётная Грамота от Администрации города и от нас, военных. Как же тебе удалось его выследить?

– Так стреляли, я и забежал в этот дом.

Семён и военный пожали Андрюше руку, вручили красивую грамоту и вышли. А Андрей остался стоять перед классом.

– Ребята, перемена закончилась, – сказала Оксана Владимировна, – Садитесь по местам. А ты, Кузнецов, тоже садись. Ну что же ты не сказал сразу, почему опоздал? За твой героический поступок и твою скромность я ставлю тебе за контрольную пятёрку. Но ты всё-таки эту задачу дома реши. Если не получится, я завтра помогу.

На большой перемене Андрюшу обступили одноклассники.

– Ну, Андрюха, ты даёшь! Как же ты шпиона поймал?

– Так стреляли, – отвечал Андрей, широко улыбаясь и крепко сжимая в руках красивую грамоту от военных.

ОПАСНАЯ ИГРУШКА

– Андрияша, сбегай в аптеку, купи валидол. Что-то у меня сердечко барахлит. С утра сегодня не стреляют. Ты быстренько сбегаешь.

– Хорошо, мама.

Андрияша взял деньги и вышел из дома. Аптека была недалеко, за углом, на Театральном проспекте. Мальчик дошёл до перекрёстка и повернул на Театральный. Он проходил мимо остановки автобуса. На ней стояли и сидели в ожидании транспорта несколько человек. Пятиэтажный дом возле остановки был уже давно сильно разрушен. Обрушенное здание обросло высоким бурьяном. Две женщины, сидя на скамейке, вели оживлённый разговор. Пятилетний карапуз в летнем джинсовом комбинезоне крутился возле них. Карапуз чем-то заинтересовался в бурьяне. Он сошёл с асфальта и что-то поднял из травы.

Андрей бросил взгляд на карапуза и похолодел. В руках у малыша заманчиво поблёскивала на солнышке пластиковым бочком некая зелёнькая безделушка.

«Это же мина-“лепесток”, – с ужасом понял мальчик. – Что делать? Пугать малыша нельзя. Он её уронит и она взорвётся. А если он станет нажимать на неё, то взрыв убьёт ребёнка», – пронеслось у него в голове.

– О, какая интересная игрушка, – ласково обратился Андрей к карапузу. – Дай мне, я покажу как она играет.

Мальш насунился и спрятал мину за спину.

– Она моя. Я сам её нашёл.

– Конечно, она твоя. Но я хочу показать тебе, как с ней играть. Давай её мне, я покажу тебе.

– Я сам, – насунился мальш. – Я знаю.

В это время мамаша обернулась посмотреть, где её ребёнок.

– Саша, иди ко мне.

Мальш взглянул на Андрея и направился к маме. Он поднял руку с миной и торжествующе показал ей.

– Вот что я нашёл.

Мама, увидев мину в руке сына, побелела лицом и в ужасе закричала то, чего никак нельзя было.

– Брось сейчас же.

Бросать мину было никак нельзя. При падении она обязательно взорвётся. Но малыш, увидев испуганное лицо мамы и услышав отчаянный приказ, послушно разжал пальцы, и мина полетела вниз. Но Андрей предвидел это. Он стремительно кинулся к мальчишке и плавно поймал мину у самой земли в ладони. Несколько секунд он лежал на траве, словно ожидая чего-то. Затем оглянулся и медленно поднялся, держа «лепесток» на вытянутых руках. Все на улице остановились и тоже смотрели на него.

На руках мальчика лежала жизнь нескольких человек. Андрей медленно отошёл от остановки, осторожно положил опасный «лепесток» на обочину дороги. К нему уже бежали военные. Они оцепили опасный участок, и через несколько минут раздался сильный взрыв в глубине сквера. Мину уничтожили. Только сейчас толпа поняла, что произошло возле остановки. К Андрею подбежала мама карапуза с мальчиком на руках.

– Мальчик, как тебя зовут? Мальчик, ты спас жизнь моему Сашеньке! Спасибо тебе! Где ты живёшь? Мы придём тебя отблагодарить.

– Смотреть надо за ребёнком, – неловко пожурил Андрей мамашу. – Мне некогда, мне в аптеку надо.

Купив валидол, Андрей отправился домой, как вдруг начался обстрел. Ему удалось спрятаться в ближайшем подъезде. После нескольких взрывов на соседней улице ему удалось перебежками от подъезда к подъезду добраться домой.

– Андрюша, ты вернулся? – встревоженный голос мамы. – Я вся испереживалась. – Купил валидол?

– Да, мама, купил.

– Там в сквере был какой-то взрыв.

– Мину-«лепесток» военные подорвали, – скромно ответил сын.

Однако вечером их отыскала семья карапуза Сашеньки. Папа и мама пришли в гости с сыном и тортом. Все сидели на кухне, пили чай и слушали рассказ о том, как Андрей спас их мальчика.

– Андрюша, как же ты не испугался поймать мину? – удивлялись все. – Ты же сам мог погибнуть?

– Я за малыша очень испугался, – оправдывался мальчик. – А вот когда я положил мину на дорогу и отошёл, вот тогда я и сам испугался. У меня задрожали руки и коленки. Но было уже поздно, – с радостной улыбкой признался Андрюша, запивая торт крепким чёрным чаем.

ПОХОД ЗА ГРИБАМИ

Субботнее утро выдалось прекрасным. После трёх дней унылых сентябрьских дождей солнце с утра радовало ярким светом и пылким жаром.

– Мама, можно я схожу за грибами? – взмолился Андрюша.

– Какие грибы, война вокруг. Вдруг опять стрелять начнут.

– Так они уже восемь лет стреляют. Что ж, теперь грибов не есть? После таких грибных дождей и при таком солнце весь лес опятами завален. На востоке они не стреляют. Я буду осторожен.

Мать вздохнула.

– Ну, сбегай на самый конец, где боёв не было. Пакет возьми побольше. Но будь осторожен. Грибов с гробами мне не надо.

– Мам, я всю жизнь на войне. Знаю, что такое мина и как её обойти. Тем более что все минные поля обозначены.

Сборы были недолги. Андрюша выбрал самый большой и прочный пакет под грибы, а в маленький положил два бутерброда с варёной колбаской и маленькую бутылочку с водой.

До конца города доехал на стареньком автобусе, вышел на конечной остановке и пошёл в недалёкий лесок. Действительно, стали встречаться опята. А когда Андрей вошёл в хвойную чащу, то нашёл несколько подосиновиков и один белый гриб-великан. Так он шёл от поляны к поляне, набивая пакет лесными щедрыми дарами.

Впереди показался неглубокий ложок.

«Там опята должны быть», – подумал он.

Андрей хотел спуститься вниз, как вдруг услышал странные звуки. Кто-то внизу работал лопатой. Мальчик осторожно выглянул из-за куста. Мужчина в камуфляже копал яму под развесистым дубом. Ему мешали толстые корни. Он обрубал их, втихую чертыхаясь, продолжал долбить лопатой, постепенно углубляясь. Мальчик оторопело думал, что ему делать. Выйти из-за куста и поздороваться? Но он не знал, что это за люди, для чего они роют эту яму. Он решил по-тихому уйти, но в это время его кто-то сзади взял за ворот.

– Ты это почему здесь подглядываешь? – спросил грубый мужской хриплый голос.

Андрей оглянулся. Перед ним стоял мужчина с густой чёрной бородой с рюкзаком за спиной. На плече у него висел автомат.

– Здравствуйте, дяденька. Я грибы собираю. Мама на ужин пожарит.

– Ну так и собирал бы. Зачем прячешься?

– Так я в ложке опять хотел поискать, а там вы работаете.

Мужчина толкнул Андрея в спину.

– Ну иди, поищи там грибочки. Нам расскажешь, кто ты, где живёшь, и что в городе делается.

Оба спустились вниз. Мужчина внизу увидел мальчика, наспирнул.

– Мыкола, ты зачем парубка привёл?

– Степан, он сверху наблюдал за тобой.

– Так шо нам с ним теперича робыти?

– Вот надо подумать.

Обратился к мальчику.

– Тебя как зовут?

– Андрей.

– А фамилия?

– Кузнецов.

– Ото Мыкола, это же русак.

– Так они тут все, кто хохлы, кто русаки, все сепаратисты.

Вот ты Андрей за кого? За русню, или за нас?

– Так мне ещё рано об том думать. Я ещё только в пятом классе учусь, – решил отпереться Андрей.

Мыкола погрозил пальцем.

– Не юли. У нас с детского сада дети про батьку-Бандеру поют.

– Так они других песен не знают, – парировал мальчик. – А зачем вы наш город бомбите?

– Так вы нас бомбите, а нам шо робыти?

– Русские по военным бьют, а вы по городу. У нас в классе двух девочек убили. Они из школы шли, так их еле-еле по частям собрали.

– То война, – мрачно сказал Степан. – А вы наших пленных пытаете.

Андрей разозлился.

– Да кто их пытает? Они у нас в городе завалы разбирают. Сытые, одетые, весёлые.

Мыкола насторожился.

– А чего они таки весёлые?

– Да потому что в живых остались. Многие обратно на Украину не хотят. Говорят, что их обратно на убой погонят. А они за «артиста» погибать не хотят.

– Шо, так и говорят?

– Так и говорят, – осмелел мальчишка. – Русские их кормят, не обижают, за работу платить обещают.

– Да ты шо? – изумился Мыкола. – И платить будут?

– Да, рублями.

– Мыкола, ты меньше слухай. Он тебе такие байки щас напоёт.

Мыкола согласно покивал головой.

– Так то ясно. Слухай, Андрий, а шо в городе про нас гутарят?

– А что про вас говорить. Проклинают. Восемь лет бомбите нас за то, что мы хотим говорить на своём языке.

– Ага, – спохватился Степан. – А все, кто говорит у вас поукраински, сидят в СИЗО.

– Какое СИЗО? – удивился Андрей. – У нас можно говорить на любом языке, хоть на китайском, хоть на польском.

Степан что-то вспомнил, нахмурился.

– Мыкола, нам дело делать надо. Что с пацаном делать?

– А шо с ним делать? Хай грибы собирает.

Степан сурово взглянул на Андрея.

– Вернёшься в город – сообщишь о нас?

– А что вы тут делаете?

– То не твоё дело. Отвечай, да или нет.

– Вы что, схрон готовите? После вас придут бандиты и нападут на город? Конечно, сообщу в комендатуру.

– Тогда мы тебя здесь пристрелим.

– За что? За то, что я защищаю свой город?

Мыкола бросил взгляд на напарника.

– Степан, не журишь. Хай пацан идёт себе по грибы. А нам всё равно надо место менять. Схрон засвечен. Через пару дней вернёмся и заложим в другом месте.

Степан рассвирепел.

– А мне надоело мотаться по лесам зазря. Заложим здесь, а пацана возьмём с собой в заложники.

– Никуда я не пойду. Мне домой надо, к маме.

– Пойдёшь, иначе пристрелю, – рявкнул бандит. – Мыкола, закладывай груз.

Мыкола стал выкладывать из рюкзака мины, снаряжённые магазины, взрывчатку в пластиковой упаковке. В это время в лесу раздался женский крик.

– Вася, где ты?

– Здесь я, – отозвался мужской голос в другой стороне.

– Не уходи далеко.

– Только этого Васи нам и не хватало, – буркнул Степан. – Пристрелим его, так схрон засветим.

Он почесал затылок.

– Уходим, Мыкола. Собирай груз обратно. Делаем ноги.

Посмотрел на Андрюшу.

– Повезло тебе, пацан. Иди к маме. Про нас молчок.

Бандиты быстро сложили груз обратно в рюкзаки и тихо растворились в подлеске. Андрею уже расхотелось собирать грибы. Он пошёл на голоса и вскоре вышел на грибников. Пожилые люди шли по лесу, смотря под ноги в поисках грибов.

– Здравствуйте, – поздоровался Андрей.

– Здравствуй, мальчик, – ответил мужчина. – Много грибов собрал?

– Да есть кое-что, – ответил мальчик. – Далеко не заходите. В лесу диверсанты бродят.

– Ну вот, – ахнула женщина. – Я тебе говорила, Вася, что не время по лесам шляться.

– Да мы уже набрали грибочков. Пошли домой, – решил мужчина.

Так группой грибники вернулись в город.

О диверсантах в лесу Андрей тотчас сообщил военным. Те прочесали лес, но никого не обнаружили. А через несколько дней он увидел у комендатуры Мыколу. Он стоял под охраной в ожидании транспорта.

– Мыкола, здравствуй, а где Степан?

– А, это ты, пацан, – обрадовался встрече диверсант. – А Степан на mine подорвался на следующий день. Захватил я его в лесу и подался в город.

– Ты сам сдался?

– Я решил, что лучше буду завалы разгрести, чем умирать за поганого «артиста». А тебе спасибо, что рассказал мне правду. А грибов набрал?

– Да, мама пожарила, очень вкусно. А ты молодец. Правильно решил. Так и сам живым остался, и городу пользу принесёшь. Люди спасибо скажут.

ПЕЧАЛЬНАЯ БАБУШКА

Во второй половине дня Андрей как-то оказался на окраине города. Всего в десятке километров отсюда был передний край, где войска стояли друг против друга и были готовы убивать врага. Оттуда слышались автоматные очереди, взрывы снарядов, рёв боевых машин. Здесь тоже многое напоминало о войне. За крайними домами виднелась линия окопов. А на границе зелёнки за городом были видны щиты с крупной надписью «МИНЫ».

Мальчик стоял на остановке и ожидал рейсового автобуса. Он обратил внимание на одинокую сгорбленную старушку, тихонечкодвигающуюся на окраине города. Автобуса всё не было. Старушка уже вышла из города и стала двигаться по направлению к «зелёнке».

«Куда это бабушка направилась? – недоумевал Андрей. – Дело к вечеру. Грибов сейчас маловато. Дождей уже неделю не было».

Между тем, бабушка уже подходила к «зелёнке». Андрей занервничал.

– Да куда её несёт? Там же мины!

Старушка приблизилась к щиту со зловещим предупреждением, обошла его и двинулась напрямик на минное поле.

– Она что, читать не умеет? – изумился мальчик и кинулся к неуклонно приближающейся к смерти бабушке.

– Стойте, там мины! – кричал Андрей.

Бабушка услышала крик, остановилась и оглянулась. Увидев бегущего к ней мальчика, она подняла правую руку вверх и отрицательно помахала её в ответ.

– Стойте, бабушка. Туда нельзя. Там мины.

Бабушка остановилась и смиренно стала дожидаться бегущего к ней мальчика.

– Бабушка, куда вы отправились? Там же минное поле, – запыхавшийся от бега Андрей взял старушку за руку. – Там смерть!

– Мальчик, так я туда и иду, – спокойно ответила старушка.

– Так вы погибнете!

– Я этого как раз и хочу.

Андрей опешил от её слов.

– Вы хотите умереть?

– Да, мальчик. А зачем мне жить?

Андрей совсем не был готов ответить на её вопрос.

– Так все хотят жить. Вот и вы – живите, пока можно.

– Ты прав, мальчик. Пока можно. А мне уже нельзя.

– Но почему? – только и смог сказать Андрей.

– Люди живут для чего-то или для кого-то, дорогой мальчик.

Как тебя зовут?

– Андрей.

– Да, Андрюша, я прожила долгую жизнь, и всё это время у меня была цель. Я учительница русского языка и всю жизнь передавала моим ученикам свою любовь к нашей родной речи. Но я уже очень стара, плохо вижу и не могу работать с детьми. У меня была семья, любимый муж, замечательный сын, прекрасная невестка и чудный внучек Вовочка.

– Так и живите в старости и в радости.

– Мой Вася был шахтёром, бригадиром. Но начались бомбёжки, и его убило на шахте, когда снарядом разрушило шахтную клеть во время подъёма смены. Он упал вместе с клетью на глубину двести метров со всей сменой.

– Бабушка, это ужасно.

– Да, Андрюша, это чуть не убило меня, но у меня был сын Серёжа. Он был настоящим мужчиной и ушёл воевать за Донбасс. Вот уже скоро год, как я похоронила вместе с городом своего сына. Это уже почти убило меня. Но у меня была чудесная сноха Алёна с моим внуком Вовиком. Я решила жить ради них. Но на прошлой неделе американская ракета упала на рынок и убила мою Алёнушку вместе с моим внуком. Это, Андрюша, совсем убило меня. Мне стало жить незачем и не для чего. Зачем мне платить пенсию, людям заботиться обо мне, когда я не хочу жить? Мне тяжело много ходить. Но я всю неделю готовилась к этому походу. Я узнала, где минные поля расположены близко к городу. Узнала, как туда добраться. Я уже пришла туда, куда стремилась и готова принять смерть. Может, там, за чертой я снова встречу с моим Васей, с сыном Серёжей, снова обниму невестку Алёнушку и зацелую внученька Вовочку. А здесь – зачем мне жить? Только забот людям добавлять. А у них и без меня достаточно проблем. Поэтому, Андрюша, я очень тебе благодарна за твоё беспокойство, но я уже решила и позволю мне пройти дальше и умереть.

Андрей был сражен этим тихим, но твёрдым желанием смерти. Но этого нельзя было допустить. Мальчик лихорадочно думал, как ему спасти этого замечательного человека, который потерял смысл и желание жизни.

– Бабушка, я очень сочувствую вам. Такие потери могут сломать дух любого человека. Но я думаю о том, что сейчас идёт жестокая война за жизнь, за нашу жизнь. Наш враг того и хочет, чтобы нас запугать, чтобы всех сломать и лишит жизни. Поэтому надо жить назло врагу, чтобы увидеть нашу Победу. И ещё, бабушка. Вы хотите уйти из жизни? А вы подумали о том, кто же тогда будет посещать могилы вашей семьи? Вы бросаете своих близких одних. Они этого вам не одобряют.

Бабушка взглянула на Андрея, присела на поваленную берёзку и тихо безнадежно заплакала. Андрей взял её за руку.

– Бабушка, скоро автобус подойдёт, пойдёмте. Я вас провожу.

Старушка плакала, тихо причитая:

– Как же я об том не подумала. Кто, как не я, будет ухаживать за моими родными могилками? Кто будет листву убирать, фоточки протирать, весной цветочки поливать? Старая я дура, грех какой задумала.

Она благодарно взглянула на мальчика.

– Бог тебя, Андрюша, послал мне, чтобы грех великий не совершить. Спасибо тебе, мальчик.

Андрюша взял бабушку за локоть и вместе с ней двинулся к остановке автобуса. Он проводил бабушку до самого дома.

– Бабушка, я буду к вам заходить. Живите спокойно. Скоро мы освободим всю область от врагов, и по нам перестанут стрелять.

Бабушка перекрестила мальчика на прощанье.

– Береги тебя, Боже. Спасибо, Андрюша. Ты для меня теперь как внук будешь.

Добирался Андрей домой опять перебежками от дома к дому, от подъезда к подъезду. Снова стали бить по городу из тяжёлых орудий. Где-то полыхнуло пламя.

ГУМАНИТАРКА

– Андрюша, сегодня в нашем Доме Культуры в 3 часа дня будут выдавать гуманитарную помощь, – сказала мама. – Вот тебе

мой паспорт и твоё свидетельство о рождении. Займи очередь и получи, что будет в пакете.

После уроков Андрей пообедал холодным супом, взял большой пакет и отправился к Дому Культуры. Там уже стояла очередь из двух десятков человек. Мальчик занял очередь за женщиной в серой кофте. Перед ней стояла девочка лет двенадцати в стареньком розовом платьице.

В три часа дверь в ДК открылась, людей стали впускать внутрь по пять человек. Оттуда люди выходили довольные, с коробками и пакетами. Андрей терпеливо стоял в общей очереди, оглядывая собравшуюся толпу. Наконец и его впустили вовнутрь в следующей пятёрке. Вошла и девочка в розовом платьице. Андрей наблюдал, как она вынула из пакета какие-то бумаги и отдала строгой властной женщине, проверяющей документы.

Женщина просмотрела бумаги и вернула их обратно.

– Не положено, – сказала она. – Следующий.

Девочка со слезами на глазах стала что-то доказывать. Но проверяющая была непоколебима.

– Гумпомощь выдаётся только местным по прописке. Приезжим надо обратиться в Администрацию и оформить бумаги.

Когда подошла очередь, Андрей по паспорту мамы получил большой пакет, расписался в ведомости и вышел из помещения. Между величественными колоннами стояла маленькая девочка в розовом платьице и тихо плакала. Слезы двумя ручейками бежали по её бледным щёчкам. Мимо проходили довольные люди с доверху набитыми продуктами пакетами. Андрея это очень задело.

– А почему тебе не дали продукты? – спросил он.

Девочка подняла глаза, шмыгнула носом:

– Мы беженцы из Песков. Мама учительница. Нас эвакуировали прямо из школы в самый последний момент. Мы ничего не успели взять с собой. По дороге нас солдаты покормили, а сейчас мама с братиком двух лет осталась в больнице. Братик заболел, у него температура. А мне ничего не дали.

Слёзы снова побежали по её щекам. Андрей возмутился. «Как так, людям есть нечего! А им отказали. Ещё братик заболел».

– Тебя как зовут? – неожиданно спросил он.

– Оксана, а братика Лёнькой.

– А меня Андреем. Вот что, Оксана. Так дело не пойдёт. Пойдём со мной.

Он решительно взял девочку за руку и с ней вошёл в зал, где продолжали выдавать продукты. Растолкав очередь, обратился к командовавшей выдачей продуктов женщине.

– Почему вы отказали этой девочке в выдаче гуманитарной помощи? Ей с мамой и больным братиком есть нечего. Они беженцы из Песков.

Женщина нахмурилась.

– Мальчик, да мне не жалко. Но я не имею права. Каждый пакет с продуктами надо подтверждать документами. А приезжие должны обратиться в городскую администрацию, где их поставят на учёт и помогут с жильём и питанием. А если я выдам продукты без документов, то меня накажут. И правильно сделают. Помощь всем нужна, и голодных кругом хватает.

Она развела беспомощно руки. Андрей молча повернулся и с девочкой вышел из здания.

– Поехали в администрацию города.

Две остановки проехали на автобусе.

– А отец твой где?

– Папу снарядам убило у нас в Песках. Он был пожарником, приехали тушить пожар от бомбы, а украинцы повторным залпом всех накрыли, – тихо вымолвила Оксана.

– Ладно, не плачь, мы отомстим за всё этим сволочам, – тихо обнадёжил девочку. – И за папу, за Пески, и за наш город.

В Администрации города было тихо. Дежурная на входе сказала, что регистрация закончилась и что все уже ушли.

– Уже пять часов, рабочий день закончился. Приходите завтра.

Андрей повернулся к девочке.

– Оксана, ну ничего уже не поделаешь. Завтра с мамой приходи сюда и оформляйтесь, как беженцы. Ты с мамой где договорилась встретиться?

– Она с Лёнькой будет ждать меня у больницы.

– А ночевать где будете?

– Не знаю.

– Поехали к твоей маме.

Молодая симпатичная женщина с мальчиком на руках ожидала Оксану у входа в поликлинику. Увидев девочку, вздохнула с облегчением.

– Оксаночка, слава Богу, вернулась. Ну, получила что-нибудь?

– Да, вот вам дали. Я помог донести, – вмешался в разговор Андрей, отдавая пакет. – Оксана, я пошёл. Запишись в четырнадцатую школу. Там ещё встретимся. А мне пора. Меня тоже мама ждёт.

Оксана непонимающе взглянула на мальчика.

– Андрей, как же так?

– А вот так. Держи хвост пистолетом, – сказал мальчик, подмигнув девочке и зашагал домой.

Мама вечером спросила:

– А что было в гуманитарке?

– Мам, а мне не хватило. Сказали, что в следующий раз.

– Андрюша, но в паспорте есть отметка о том, что продукты выданы, – удивилась мама. – Вот дата стоит.

Пришлось Андрею всё рассказать маме. Про девочку Оксану, про маму с больным Лёнкой, и что им не выдали продукты. Но мама не обиделась.

– Ну и правильно. Мы-то дома. У нас и денег есть немного. Что-то купить сможем. А они беженцы. В незнакомом городе, без денег и жилья, да с приболевшим ребёнком. Молодец, Андрей. Садись делать уроки, а я пока картошку пожарю.

КАТЮША

На третьем уроке где-то далеко бабахнуло.

– Вот сволочи, по Куйбышевке бьют, – ругнулся шёпотом Андрей.

– Вчера там в церковь попали, батюшку ранило, – ответил Артём.

- Когда у них снаряды закончатся?
 - Да никогда. Им боеприпасы американцы и англичане пароходами через Одессу возят.
 - А чего мы эти пароходы не топим? – удивился Андрей.
 - Нельзя их топить. Это НАТО. Но по телеку сказали, что снаряды уже заканчиваются у самого НАТО.
 - Лишь бы они у нас не кончились.
 - У нас не кончатся. Россия большая, там их столько по складам напрядано.
 - Кузнецов и Голубев, перестаньте шептаться. Задачу решили?
 - Решили, Зоя Ивановна, – ответил Андрей.
 - Тогда давайте сюда, я проверю.
- Андрей заглянул в тетрадь друга. Там решения не было.
- Зоя Ивановна, я немного допишу решение, чуточку осталось.

Пододвинул тетрадь поближе к другу и принялся изображать, что что-то тщательно дописывает.

– Списывай скорее, – прошептал Артёму. – Сейчас Зоя заберёт.

Артём начал списывать решение задачи. И в этот момент грохнуло уже совсем рядом.

– Вот это да, – прошептал Андрей. – Это уже совсем близко. Пиши скорее. Нас сейчас в подвал погонят.

Тут грохнуло уже по полной. Задрожали стены, зазвенели стёкла. В среднем окне стёкла лопнули и побежали трещинами. В коридоре послышался скорый топот.

- Младшие классы в подвал уводят. Артём, списал?
- Последняя строка осталась.

В классе открылась дверь и показалась учительница географии Ирина Глобусовна.

- Зоя Ивановна, вы что сидите? Срочно все в подвал.
- Всё, скатал, – прошептал друг. – Побежали.

Класс спешно спустился в подвал, переоборудованный в бомбоубежище. Раньше здесь размещался школьный склад для всякой всячины. Теперь всё лишнее из него вынесли, полуподвальные окна заложили мешками с песком, а помещение уста-

вили длинными низкими скамейками, на которых размещались все, кто успел. Кому мест на скамейках не хватало, садились, где стояли. Кто на батареях отопления, кто на узкие подоконники. А самые догадливые раскатали старые полотна с лозунгами и отлёживались на них.

Но сегодня мест хватило всем. Многие не пришли, опасаясь участвовавших обстрелов, кто-то уже эвакуировался из города. Андрей с Артёмом разместились со своим классом на двух скамейках у входной двери.

– Давайте продолжим контрольную, – предложил Артём. – Что время терять зря?

– Голубев, не шути так, – отозвалась Зоя Ивановна. – В классе надо было быстрее у Кузнецова списывать.

– Неправда, – в шутку возмутился Артём. – Это Кузнецов у меня списал.

– Знаю я вас, кто у кого списывает, – парировала Зоя Ивановна.

И тут бабахнуло по-настоящему. Взрыв раздался совсем рядом. Сквозь щели в деревянной двери в подвал влетела пыль, с потолка в подвале полетела штукатурка, одно окно в подвале лопнуло и вниз потекла струйка песка из рваного мешка. В наступившей тишине слышался лишь шорох сыпавшегося песка на газету на полу. Тут раздался взрыв такой силы, что в потолке разошлись бетонные плиты перекрытия.

– Это они специально по школе бьют, – раздался сквозь звон в ушах голос завуча, Николая Васильевича.

– Это 155-й американский калибр, – сказал Андрей.

– Гаубица 777. В народе прозвали «Три топора», – добавил Артём.

Девчонки притихли, прижались друг к другу.

– Сейчас нас убьют, – пропищала Нинка Сорокина.

– Ой, мамочка, а я в классе тетрадь с контрольной забыла, – вспомнила Рая Горбатенко.

– Не беспокойся, мы её тебе в могилку положим. Там допишешь, – мрачно пошутил кто-то.

– Нельзя так шутить, – пожурил завуч.

Опять жажнуло совсем рядом. Было слышно, как в мешок с песком на окне ударил осколок и остановился со слабым шипением. Песок был влажный от дождей. Девчонки совсем скисли. Они заревели в голос, одна за другой, запричитали, захохотали. Старшие классы сидели с каменными лицами. Притихли и учителя.

Вдруг в этой истеричной тишине раздался мальчишеский чистый голосок.

*Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой....*

Это было так неожиданно, среди паники, слёз и причитаний вдруг послышалась любимая песня. У девчонок на лицах выразилось крайнее удивление.

– Андрей Кузнецов, – зашептали они. – Вот даёт.

А Галя Тимошенко, староста класса, вдруг смело подхватила:

*Выходила, песню заводила,
Про степного. сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла...*

У сидящих в подвале засветились лица, улыбки побежали по скамейкам. Над всем подвалом вдруг взвилась песня и вышла на улицу, заглушая грохот разрывов и свист осколков.

После «Катюши» спели «Тёмную ночь», затем девчонки затянули «Во поле берёзка стояла», потом весело, по-хулигански спели про Костю-одессита.

Сеанс хорового пения испортил завуч Николай Семёнович, который вдруг заявил:

– А бомбить-то перестали. Возвращайтесь в классы.

Взрывы действительно прекратились.

– Фашисты устали. Снаряды-то руками подносят.

– Да нет. Это наши контрбатарейщики вмешались. Теперь вместо «Трёх топоров» три тонны металлолома, – шутили ребята, расходясь по классам.

А после уроков девчонки обступили Андрея.

– Кузнецов, а ловко ты придумал про песни. Мы и забыли про бомбёжку. А с чего ты вдруг решил запеть?

– Со страху, – честно ответил Андрей. – А как запел, сразу коленки перестали дрожать.

– Ну, тогда каждый налёт петь будешь, – решили в классе. – Будешь главным запевалой.

– Вот если налётов больше никогда не будет, вот тогда мы как запоём всем классом, всей школой, всем городом, – сказал Андрюша. – На весь мир запоём.

– Да, – согласились девчонки. – Так и будет после нашей полной и окончательной Победы.

СОСЕД

В школе всех предупредили, что обстрелы могут идти весь день, чтобы сразу бежали домой и не высовывались. Когда Андрей пришёл домой, сразу начались неприятности. В кранах не было воды, а в квартире не было электричества. Мальчик отрезал себе кусок батона, запил его холодным молоком и сел на диван почитать книжку. Но тут позвонила мама и сказала, что воды не будет дня два, чтобы в три часа, когда к дому приедет водовозка, он набрал два ведра воды в запас. Около трёх во дворе загудела водовозка, собирая людей. Все, кто мог, поспешили с банками, вёдрами и баками вниз.

Андрей занял очередь за соседкой с четвёртого этажа. Очередь двигалась не быстро. Кто набирал два ведра, а кто – четыре, а у кого-то был бачок на все полсотни литров. Но постепенно и он подошёл к раздаче, налил полные два ведра и потихоньку, не плеская, понёс их домой. По дороге он заметил, что дедушке из соседнего подъезда, набравшему два небольших ведра, очень тяжело их нести.

«Надо помочь старику», – решил мальчик.

Он отнёс свои ведра к себе домой и вышел снова. Дедушка остановился у своего подъезда и отдыхал. Люди шли мимо него, но никто не хотел ему помочь.

– Дедушка, давайте я вам помогу. – обратился Андрей. – Я свои ведра уже отнёс.

Дед обернулся, взглянул на Андрея, хмуро ответил:

– Спасибо, я сам.

– Ничего, я быстро.

Мальчик легко поднял оба ведёрка и двинулся к подъезду. Дед пожал плечами и двинулся за ним. На третьем этаже дед открыл дверь своей квартиры. Андрей зашёл в квартиру, поставил ведра и огляделся. Очень простенькая обстановка, плита и стол возле окна.

– Дедушка, а вы один живёте?

– Да, один.

Андрей кое-что знал об этой семье. Здесь жила нормальная семья. Дедушка работал на шахте, его жена тоже где-то работала. У них было двое детей, сын и младшая дочь. Когда началась война, его сын и дочь уехали в Киев, жена умерла от болезни, и дедушка остался один.

– Дедушка, – спросил Андрей, – а администрация вам помогает?

– Нет.

– А почему? Вам должны помогать, как одинокому больному человеку.

– Спасибо, пенсию платят.

– Так с деньгами надо ещё в магазин сходить.

– Хожу, как без этого.

– Так давайте я к вам заходить буду. Если, что надо, куплю.

– Не надо. Тебя заругают.

– За что? – удивился Андрей.

– Меня не любят.

– Почему?

– Мои дети в Киеве. Сын за Украину воюет.

– А, вот в чём дело? – понял мальчик. – А что же так?

– А как? В школе у них был учитель истории. Так он всё за Украину. Москалей ненавидел. Вот они и послушались.

– А вы сам, дедушка, за кого?

– Да я что? Я своё отжил. Мне и те, и другие будут пенсию платить.

– Дедушка, они уже девятый год нас бомбят. А за что?

– Они бомбят нас, мы – их.

– Они нас начали бомбить за то, что мы говорили по-русски, – начал сердиться Андрюша. – А мы лишь огрызались в ответ.

Дедушка посмотрел на мальчика.

– Ты чего сюда пришёл? Учить меня политграмоте? Иди домой и читай книжку про Тимура и команду.

– Эту книгу я прочёл ещё в третьем классе. До свидания! – отрезал Андрей и вышел из комнаты.

– Вот вредный дед, – возмутился он. – Его бомбят, а это ему нравится.

Тем не менее, Андрей иногда заходил к соседу, несколько раз, когда старик совсем неважно себя чувствовал, ходил в магазин за продуктами.

Возвращаясь из школы, Андрей встретил вредного соседа на пути из магазина. Он с большим трудом шел по тротуару, перекладывая пакет с продуктами из руки в руку.

– Дедушка, здравствуйте, давайте я вам помогу.

Старик посмотрел на мальчика и протянул ему пакет.

– Здравствуй, Андрюша. Помоги деду. Что-то сегодня мне опять совсем нехорошо.

Они медленно отправились домой. В квартире старик положил пакет на стол, тяжело сел на стул у окна.

– Андрюша, ты видел моего сына?

– Конечно, мы же соседи по подъездам. И дочку вашу видел. Такая красивая.

– Вчера мне позвонили из комиссариата и сказали, что мой сын сдался в плен. Обещали привезти его сюда сегодня.

Андрея обрадовала эта новость.

– Дедушка, так это же хорошо. Он остался в живых. Если на нём нет крови, его отпустят. И вы будете жить с сыном.

– Андрияша, я помню своего сына очень уверенным в себе, помню его одержимым борьбой за свободу Украины, своей Родины. Сейчас я понимаю, что ему стоило сдаться в плен своим противникам. Это уже другой человек, переломанный пополам.

В это время в дверь зашли двое. Первым зашёл военный в форме, а за ним вошёл молодой человек с серым лицом и опущенным в пол взглядом. Военный обратился к старику:

– Николай Васильевич Серов?

Дед в ответ кивнул головой. Военный продолжил:

– По решению военного комиссариата мы доставили к вам вашего сына, Серова Александра Николаевича. Как добровольно сдавшемуся в плен ему разрешено до суда жить по своему прежнему месту жительства. Он обязан еженедельно отмечаться в военном комиссариате. Средства для проживания необходимо получить в администрации города.

Военный отковырял и ушёл. Всё это время молодой человек стоял, не поднимая глаз. Едва за военным закрылась дверь, сын поднял взгляд на отца.

– Здравствуй, отец. Я вернулся один и вот таким.

Старик подошёл, обнял сына.

– Спасибо тебе сын, что ты живой. А где Оксана?

– Отец, Оксану убили. В Киеве она вступила в тероборону и стала патрулировать город. В одну из ночей она пропала, а на следующий день её нашли в одном из разрушенных подъездов. Объявили, что её убили русские диверсанты.

Александр помолчал.

– Я решил отомстить за сестру и пошёл на фронт. Я с яростью и ненавистью стрелял в русских. А во время редких передышек неожиданно узнал, что мою сестру убил отъявленный уголовник, которого выпустили из тюрьмы. Я с этим гадом служил в одной роте. Во время одной из атак я убил его и сдался в плен. Меня будут судить, отец.

– Сын, пусть будет, как будет. Ты жив, это главное. Оксаночка была светлой девочкой.

Старик опустил голову, помолчал и продолжил:

– Ты отомстил за неё, и бог не осудит тебя за это. А земной суд мы выдержим.

Александр заметил Андрея, тихо стоявшего у двери.

– А ты чей, пацан?

– Это соседский мальчик. Он помогал мне.

Александр подошёл к мальчику, пожал ему руку.

– Спасибо, малец. Отец слабый у меня. Но теперь нас двое, будем жить. Заходи в гости.

Андрей вышел. Он был рад возвращению соседского сына.

– Деду будет легче. Вот он как засветился весь от радости.

Но самому Андрею было не до радости.

– Сколько ещё вот таких обманутых воюют против нас на фронте. Когда мы победим и они узнают правду, им будет очень стыдно и горько. Но это если они доживут до нашей победы, и если их не накажут за их жестокие грехи.

Наталья ЧИСТЯКОВА

Наталья Дмитриевна Чистякова (Мазалецкая) – поэт. Родилась в Вологде. По окончании Вологодского политехнического института уехала к месту службы мужа на Украину. В дальнейшем служила в Москве, в Костроме, в Калужской области. Прошла действительную военную службу в рядах РВСН (1992–1994). Первое стихотворение написала в 12 лет. К стихам вернулась в возрасте замечательного знания жизни. Член МГО Союза писателей России, Международной Ассоциации писателей и публицистов (МАПП), Культурного Центра им. А.И. Фатьянова, вице-президент Клуба писательниц «Московитянка» при Центральном Доме литераторов. Автор 7 поэтических книг, литературных статей, редактор-составитель ряда поэтических сборников. Автор двух уникальных Всероссийских проектов: Антологии восьмиистиший современной лирики «БЕСКОНЕЧНЫЙ СВЕТ» (вышли 3 книги серии – 2011, 2015, 2020 гг., 4-я в работе), книги «ИВАН» (130 поэтов России и ближнего зарубежья). Лауреат ряда литературных премий.

Живёт в г. Балашиха Московской области.

ИСЦЕЛЯЙСЯ, РОССИЯ...

* * *

Я брожу в золотом лесу.
Здесь мгновения сыплются листьями.
На ладонях легко несусь
Небо вечное,
Небо чистое.

И такая в душе благодать!
Пахнут травы осенние ладаном.
Словно это мне только и надобно,
Чтобы осень смиренно принять.

И внезапно в просвете река
Просияла серебряным крошевом.
Здесь проворнее птички зуйка
Век за веком сплавляется в прошлое.

СОЛОВЕЙ

За духмяною калиной
Старосветский соловей
Песней дивною, старинной
Сладко потчует людей.
Неприметная пичуга
К микрофону вновь встаёт,
И одна на всю округу
Ночью душною поёт.
Про далёкую чужбину,
Про житьё-бытьё на ней.

Как поёт из-за калины
Одичавший соловей!
И Россия слышит это,
И не спит в слезах она.
У певца и у поэта
Жизнь одна, и ночь одна.

НЕОБОРВАННАЯ НИТЬ

Дочерям

Там былинными ветрами веет,
Там, где волок да волок в пыли.
Над болотами солнце добреет,
Наливается силой земли.
Оживает мечта кружевницы
Из преданий, видений, времён.
Мне узор неожиданный снится,
Нить тяну – разрывается сон...
В Белозерье –

чего не бывает!

Белозёры солгать не дадут:
Над водою ладья пролетает,
Словно месяц двурогий, и...

тает,

А над парусом чайки поют.
Если б слышали вы песни чаек!
Так поют, что заря молодая
Раскраснелась и рдеет с тех пор,
И от нежности слёзы глотая,
Не надышится духом озёр.
Лишь тебе и поведаю тайну:
Я с мелодией светлой в ладу,
В свой узор осторожно вплетаю,
Необорванной нитью плету.

* * *

Ах, скорые мои года –
На полустанке поезда,
Притормозите на рассвете.
Одoleвает маета,
И выросли, конечно, дети.
Но как хотелось бы и мне,
Чтоб зеркало чуть-чуть солгало
И в зазеркальной глубине
Морщинок не отображало.
Пусть кто-то скажет, что года
Свои оставили приметы.
Ну что ж – невелика беда,
Я не сержусь на них за это.
На сцене жизни нет конца,
Покуда в детях продолженье.
Они от первого лица
Свои играют представленья.
Дрожу, как новичок-дублёр,
Не разобравшись с новым текстом,
И, как искусный дирижёр,
Руководжу своим оркестром.

ЖИВОЕ ВРЕМЯ

Время пропало. Взглянула вокруг:
Было ли – не было, нету.
Где потеряла? Найти недосуг.
Слепо блуждаю по свету.

То за собой замечает следы,
То проявляется резко.
– Стой, забытое, не уходи,
Кто за цветной занавеской?

Мама тревожно смотрит вослед,
Крестит и шепчет в дорогу.
Мне б оглянуться, родная, в ответ,
Знать: навсегда – значит, к Богу!..

Время ли синею птицей летит? –
К небушку вскинула руки.
Сказка ли, присказка, а впереди –
Вот оно, живенько – внуки.

* * *

...Старый дом глянет в сердце моё...

Александр Блок

Здесь криком кричит моя память,
И все горизонты видней.
Здесь губы томятся сильнее
По самому милому: «мама».

И солнечный зайчик из тени
Крадётся поближе к печи.
Кот прыгнул ко мне на колени,
Как маленький трактор урчит...

И всё-то до боли родное,
До радости светлой – своё.
И если есть в мире святое,
То это отцово жильё.

Не ведаю, что будет дальше.
Душа припеклась навсегда
К печурке, где солнечный зайчик
И так далеки холода.

ЗОЛОТАЯ

*И почему там даже воздух схож
С дыханьем матерей полузабытых?*

Павел Васильев

На земле, не такой уж большой,
Знаю я уголочек укромный:
Только там отдыхаю душой
Под вечернюю звень колокольни.

Как с деревьев слетает листва,
Всё – залётного ветра потери.
Там и мамочка-мама жива,
И вот-вот постучит в наши двери!

Словно вновь из родного угла
Хлебным духом пахнёт, пирогами:
– Вот, ребятки, для вас напекла.
– Золотая, испей чаю с нами!

И восходят из сердца слова,
Прогреваясь, как в стоге солома.
А без памяти кто мы,
Ну, кто мы?
Ни жива – без неё – ни мертва.

ПАСХА

А вчера ещё не пели,
Плащаницей пеленали,
В небеса с мольбой глядели,
Верой темь отодвигали.

А сегодня – Воскресенье!
И поют земля и небо
Песню пахоты весенней
О дождях и ливнях хлеба.

СНЫ

Всё тот же сон, живой и давний...

Михаил Кузмин

Никогда не была в Италии.
И что мне до её бытия?
Я сама разберусь едва ли,
Мне привычней в ромашках поля.

Из эфира планеты в мареве,
С дуновением ветерка,
Полуостров я вижу маленький
Наподобие сапога.
Народилась в краю я валенок –
Ну какие тут сапоги!
И росла не на пицце жареной,
Уплетала я – пироги.
Вкусны корочки хлеба Родины.
Словно раньше жила,
Вновь живу.
Кто же знает: во сне – где бродим мы?
– Там, на лодочке, я ли плыву?
Я ли девочка в платице плисовом
Клетку с птичкой держу на весу,
А она так поёт неистово,
Словно жизнь прожила в лесу?
Дивный сон берегу намеренно,
Как жемчужную нить в ларце.
Вновь живу, если мне отмерено,
В ледяном, в лубяном дворце...

Я сама разберусь едва ли,
Мне привычней в ромашках поля.
Никогда не была в Италии...
Или всё же я там была?

* * *

Пылят по земле печенеги.
В округе не видно ни зги.
Но будут моря, будут реки,
И будут на свете враги.

Пылят по земле печенеги...
И сколько их полчищ окрест...
Но есть у Руси обереги:
Молитва, и вера, и крест.

ОТЦУ

Поминальный августовский день.
Для других – ничем он не отмечен,
А меня сейчас накрыла тень,
И на сердце опустился вечер.

Оттого в прощальной тишине
Больно сердцу, полному любовью,
Так мучительно, так больно мне
К твоему склоняться изголовью.

На слова с тобой скупа была,
О войне расспрашивать не смела.
Я тобою только и жила,
А ушёл – и я окаменела.

НА ВЕСЕННЕЙ ДОРОГЕ

Исцеляйся, Россия,
Ради внуков своих.
Верю, есть в тебе сила
На двоих, на троих,
Богатырская сила,
Что с былинных времён
Над собой возносила
Славу русских знамён.
Заживляй свои раны
И корней, и ветвей.
Пусть опорой станут
Нам твердыни церковей.
На весенней дороге
Ты в трудах и в бою.
И Герой встанет с Богом
На защиту твою.

Владимир ФАДЕЕВ

Владимир Алексеевич Фадеев – поэт, прозаик. Родился в 1954 году в г. Лыткарино Московской обл. В 1977 году окончил Московский энергетический институт, кафедру «Атомные электрические станции». Много лет работал на энергетических установках в системе «Средмаша». Педагог-историк, художник. Член Московской городской организации Союза писателей России. Автор

более полутора десятка книг, в том числе трёхтомника прозы «Повести 80-х. Время безвременья», романа-эпопеи «Возвращение орла» (Гран-при Московской литературной премии-биеннале 2022 года в номинации «Большая проза»), повести «Остров ССО» и девяти сборников стихов. Лауреат премий Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова.

Живёт в Москве.

НА РЕКЕ

Рассказ

Наговорившись за день, река стала умолкать: продолжительные аплодисменты волн, во всём согласных с утомившимся, из последних сил дующим ветром, оборвались, неуверенный ропот несколько раз донёсся с разных сторон, но уже ничем не был поддержан, потом услышалось несвязное лопотанье – то ли полусонных, не понимающих, о чём они лопочут, стариков, то ли младенцев, научившихся делать губами всего два звука; потом шёпот, уже по берегу, по листьям ив и берёзок с рябинками, сбившихся в рощу чуть поодаль, и, наконец, всё стихло, – деревца чуть насторожились, а сама вода застыла в давно ожидаемом ей раздумье над каким-то простым и вечным вопросом. Наступил тот самый момент для любования, когда всё в природе предстаёт в спокойной нетронутости, когда наивно кажется, что освобождаясь от пачкающего проникновенья, смешения равных только самим себе чистых красок, суть вещей обнажается и становится идентичной видимым своим образам.

Москвич и Дед сидели на крутом берегу.

Москвич, ладный русоволосый парень, свесил с обрыва ноги и впитывал тёплую тишину. На лицо его наплывали, таяли, перетекали друг в друга, как разноцветные огненные блики на плохо раздутых углях, начала чувств: полубозначенная улыбка чуть заметным движением бровей превращалась в задумчивость, но ей не становилась, потому что, замерев, брови выражали уже печаль; взгляд на ту, далёкую излучину реки – и из печали вырастало ожидание, а оно, едва задымившись временем, осознавало себя уже надеждой, которая случайно сгорала на шальной искорке удовольствия. Шальная искорка горела дольше всех, – Москвич успевал посмотреть на себя с другого, такого же высокого берега, увидеть себя, в модном камуфляже, гладко врисованным в благодать наступившего весеннего вечера, услышать в реке человеческое – аплодисменты, ропот, ло-

потанье, набрать полную молодецкую грудь приторного, слегка разбавленного прохладой воздуха и, значительно задержавшись на вершине вдоха, шумно выдохнуть: «хорошо!».

Дед сидел рядом на корточках. Он не понимал в созерцании, в реке видел только реку, потому что всё знал о ней. Он был мал и сухощав, в больших резиновых сапогах, в телогрейке, в засаленных рукавах которой наполовину спрятались широкие, с узловатыми корявыми пальцами кисти рук. Глаза, хоть и блестели невысыхающей слезой, были тусклыми, в уголках губ собралась и подсохла белая пена – Дед постоянно шевелил губами, точно рассказывал невидимому слушателю какую-то длинную скучную историю, в которой он был прав, но обижен, в которой нет конца – одни повторения, и которую ему уже просто нельзя не рассказывать, потому она уже не просто история, а сама жизнь. Нет, иногда ненадолго губы замирали, Дед как будто начинал слушать сам, и тогда в движение приходили морщины лба: они или медленно разлетались в стороны, как старые совы, или, наоборот, грудились у переносицы, выдавливая своей тяжестью из-под дряхлых век круто солёную водицу.

Тишины у весеннего вечера всего несколько минут – дневные хлопоты кончились, а ночные исполнители ещё не начали своих концертов, выдерживая паузу.

Река застыла, и теряющие яркость небеса с редкими перьями высоких, вольно раскинувшихся облаков отразились в её литом зеркале. Москвич увидел, как, притаившаяся до этого за волнующейся шторкой ряби, открылась бездна. Ненастоящая, она влекла и пугала, казалась живой, во всяком случае – живет, много красивее и глубже старого-престарого неба, родившего её. Разом исчезло и тугое тело воды, исчезли мошки, на лету срывающие с него свои капельки-глоточки, и рыбы носы, тыкающиеся мошкам навстречу с той стороны, и лучистые плавники, и широкие, сильные рыбы хвосты. Остались две птицы, там, в низине. Москвич вспомнил, как в детстве после недолгой грозы в лужах на асфальте плавали пухлые облака – глубоко-глубоко! Так глубоко, что до замирания сердца было страшно наступать в них. Он ещё думал тогда: почему, когда высота переворачивает-

ся, рождается страх? Правда, страшно было только одно мгновение – вера в ненастоящее не может быть долгой – но сколько в этом мгновении умещалось чувства! Целое мгновение верилось: сделай шаг – и полетишь в эту бездну. Не просто верилось, а кто-то живой подталкивал в спину, тот, кто обязательно на эту секунду уберёт из-под лужицы асфальт и разверзнет тартарары... Мурашки по коже.

– Ух, глубина! – сказал он, отклонившись от обрыва.

Дед расцепил корнеобразные пальцы, поправил кепчонку.

– Не, тут не глубоко, – в воде он видел только воду и сейчас будто оправдывался за это и оправдывал реку, – если б в другую сторону поворачивала, от нас, тогда подмыло б. А то, видишь – кусты... – Дед не помнил своих детских луж.

С чистого неба упал сотрясающий грохот, Дед вздрогнул, молча посмотрел в пустоту над головой.

– Самолет... барьер перешёл.

– Перешёл, – повторил со вздохом Дед, обиженно покашливая в сторону грохота.

Москвич улыбнулся, потрепал деда по плечу, поднялся. Высокий. Стройный. Молодой. Ещё раз заглянул в бездну, которой не было, и пошёл к машине.

«Москвич» синел досадной кляксой на ещё не набравшей силу нежной зелени. Он смотрел большими круглыми глазами на людей и не видел их. Ни обрыва, ни реки, ни дальнего красного заката.

На поляну со старым кострищем, поближе к берегу, из машины переносились вещи: рюкзак с резиновой лодкой, широкий мокрый мешок со снастями Деда, полчаса назад вытащенными пустыми из Прорвы, туго увязанную, запрятанную в брезент кипу других снастей, отдельно связанные удочки и спиннинг, пакет с финской лесочной сетью, пакет с продуктами, пакет с тремя пачками соли, большой аккумуляторный фонарь, котелок, сковорода, топорик, топор, болотные сапоги (были сразу надеты), приёмник ВЭФ с начавшей ржаветь дарственной нашлёпкой «За ударный труд в ИССО...», два надувных матраца, спальник, ворох тёплой одежды, упаковку

баночного пива, зелёную сумку, призывно позвякивающую стеклом и ещё, ещё...

– Сколько понавёз – на одну-то ночь!

– Всё сгодится.

– Ночи не хватит всё сгодить... рыбачить некогда будет.

Москвич посмотрел на деда, потом на кучу вещей – оценивающе, но лишнего ничего не увидел. Стал готовить лодку.

Дед поднял с земли топорик, взвесил на руке, провёл большим, сплюснутым на конце пальцем по лезвию, положил.

– Тебе, – не поворачивая головы, сказал Москвич.

– Ну? – снова поднял топорик, теперь осторожно, словно тот был стеклянным.

– Ты же просил.

– Просил, просил, – Дед просил об этом каждого, кто приезжал к нему рыбачить, и уже привык, что городские просьбы не помнят. Оживился, – видишь, мне большой топор тяжело по полдня таскать, я ведь уйду... – и в который раз рассказал о стариковской работе – заготовке черенков, – вот угодил, добрый подарок... – споткнулся – а вдруг не подарок? Нехорошо сказал, положил на место. «Разговорился! – в сердцах махнул рукой, – ну и...». Опустился на корточки, стал наблюдать за действиями Москвича, топчущего «лягушку». Привычно зашевелил губами, то и дело вспугивая со лба морщины.

Понесли снасти и лодку по овражку – единственному полному сходу к воде. Осмотрелись.

Тишина повисла на волоске – освобождающие звуки сумерки поднялись до обрыва, хлынули в луга.

– А хорошее здесь место? – Москвич недоверчиво повернулся.

– Хорошее! – живо отозвался Дед и утвердительно ткнул в воду полусогнутым пальцем, – самое место для нереста! Берег крутой, а не глубоко, всё кусты. Лучшее по всей реке, до самой Волги. Тут и песок есть, и тихо. Сюда и с ребяташками хорошо... есть у тебя?

– Сын есть, да не про нашу честь... а рыба-то?

– На челну всегда сюда за плотвой выгребал. Теперь, брат, не осилить. – «Чёлн» он склонял по-своему.

- Что ж не слышно? Может не время
- Самое время. Шебуршит, слу..!

Москвич затаился.

Живая вода сумерек текла по зелёному миру, невидимыми тёплыми лапами освобождая истомившиеся голоса. Прозрачность сгущалась, приобретала тон дорого, чуть подкрашенного ультрамарином стекла, и по этому стеклу легко и упруго полетели звуки: серые вздохи большой птицы – «у-ух-хо», пауза и снова – «у-ух-хо», игольчато, но тоже бесцветно, просыпался из рощицы частый писк маленькой, закричала чёрно-белыми спускающимися ступеньками ещё какая-то птица – так, словно вдалеке кто-то заводил деревянные часы: «тр-р-р, тр-р-р, тр-р-р, тр-р-р, тр-р-р...» потом, перламутрово, деловито прожужжал майский жук, разом, как по команде невидимого дирижёра, изумрудным крошевом зазвенела армия цикад, неровным рядом буро-зелёных пузырей старательно вступили лягушки, и надо всем этим разноголосьем в писаной остороверхой каретке лихо прокатился соловей.

– Соловей, – проговорил Москвич (больше из птиц он никого не узнал). Слушал, покачивая головой, будто собирался высказать мудрость, недоступную Деду.

Дед понурился.

– Лучшее во всей реке место, до самой Волги... – продолжал защищать реку Дед.

– А рыбнадзор тут как?

– Этой реке я рыбнадзор, – Дед хотел рассказать, что оба егеря его знают и никогда не обидят, да столько слов...

– Может ты – Пан?

– Не... а до пенсии бригадиром – был.

Справа, в полузатопленных кустах, раздался всплеск. Москвич вздрогнул, настороженно напрягся. Всплеск повторился. Забыв о мудростях, Москвич невольно подался в ту сторону корпусом, сделал шаг. Ещё в двух местах вода пошла кругами, и вот плюхнулось прямо под ними, у самого берега, потом ещё, ещё...

– Самое что ни на есть время!

– Так что ж мы стоим? Вперёд! – Москвич спихнул на воду лодку, вытряхнул на корму из мешка дедовы мерёжи, – сам свои поставишь, или сплавать с тобой?

Дед отмахнулся: «Сам!», и ступил одной ногой в лодку. Резиновое дно прогнулось, достало до песка. «Как на якоре...» Вылез, забрёл подальше от берега, снова ступил, черпнул сапогом – еле удержался.

– Разве это лодка? – заворчал громко, опускаясь на колени в пляшущей под ним резиновой калоше, – блин коровий... с него разве что установишь? Эх, дрожалая! Знать бы – на челну приплыл...

Москвич протянул ему два коротеньких весла, усмехнулся.

– Плыви, плыви. Ной...

– Я не ною, что ж.

«Однако, ручищи у него!» – посмотрел свои белые ладони, обернулся. Лодка кружилась волчком, Дед глухо ругался.

Дальше Москвич всё делал быстро. Снял чехол, развязал тесёмки. Когда стянул с торцов связки резинки, она распалась на дюжину скрученных и перехваченных другими резинками экранов. Раскрутил один, встряхнул перед собой, осмотрел, потрогал рукой сетку тонкой лески, натянувшуюся между деревянной рейкой-поплавком и металлическим прутом-грузилом. Удовлетворённо чмокнул – отличный экран! Шесть сотен ячеек-ловушек. «На каждую сотню по рыбке, да на шесть, да на двенадцать...». Любил подсчитывать предстоящий улов, подсчёты, в отличие от рыбалок, всегда бывали успешными и согревали тот уголок в душе, где совсем ещё недавно кустились мечты, нежились в пёстрых одеждах надежд любовь... добавляли азарта, страстности, а часто и той особенной жадности, которая лёгкими липкими нитями опутывает рыбаков, в обычной жизни людей простых и нежадных. Прибавилось проворности.

Деду, изредка поглядывавшему с воды на берег, казалось, что Москвич взялся с кем-то наперегонки. Подумал: «Не со мной ли?» – и продолжил свою тихую ругань, лодка не слушалась. Дед любил рыбачить один, никогда не торопился, точнее, в действиях своих никогда не выбивался из ритма разговора, ко-

торый постоянно вёл сам с собой, разговор же был нетороплив. А сейчас заспешил. Втыкал в твёрдое дно короткий кол, мочил при этом чуть не по локоть рукава, пускал в воду крыло, потом одно за другим сбрасывал кольца и пытался отплыть, чтобы растянуть курик. На челне всё это проделывалось легко и споро, на «резинке» же не давалось никак. Спешил – хуже. «И ведь не пьяный», – что и было обидно.

Москвич зашёл в высоких сапогах до ближайших торчащих кустов, высоко поднятой рукой плавно размахнулся и бросил. Экран не перехлестнулся, не перекрутил лишнего в полёте, прут-грузило шлёпнулся в воду первым, параллельно берегу и ровно потянул за собой лесочную сетку и рейку. Москвич огляделся, пожалел, что никто не видел классного броска. Верёвку закрепил в кусте под водой.

Когда привязал последнюю верёвку и вернулся к месту, где лежал пустой чехол, Дед ещё плавал. Как ни старался выгрести, течение снесло лодку метров на сто вниз, и ещё один курик лежал на корме.

Участившиеся всплески, очень похожие на взволнованные, радостные голоса, веселили, подгоняли в Москвиче кровь, и он еле сдержался, чтобы тут же не проверить первый экран.

Ещё раз сходил к машине, вытащил из багажника трак и железяку поменьше – и для сети всё готово.

Растянулся на спине, подминая великим своим телом молодую мягкую мураву. Долго шарил глазами по небу, отыскал-таки, и, ничего больше не желая, стал пускать в звёздочку струи синего дыма и наблюдать, как упрямо она выныривает из-под игрушечных облаков.

Отстрелил окурок в сторону, дым уплыл, и бирюзовая капелька, одиноко дрожащая над миром, оказалась вдруг настолько близкой, что захотелось взять её рукой и покатать на ладонке – ладонь даже зачесалась, вообразив себе обжигающие, хрупкие иголки небесного светляка.

Открылась волшебная дверца, и в неё осторожно, как со-вестливая хозяйка в комнату отдыхающего с дороги капризного гостя, снова входили цвета, запахи, звуки.

Стайка неонов застыла в толще, не доплыв до самого неба. Окаатило густым черёмуховым настоем – и опять вспомнилось, теперь давнишнее, отчётливо, до ямочки над уголком губ, до запаха волос. Вернулись соловьи, птицы, птички, снова жуки закружили вокруг берёзовых свечек, окружили, оглушили стрёкотом насекомые, хором в мегафон спрятанного в поле пруда заорали лягушки – все старались что было сил, но не заглушали друг друга. Вот слышно, как кто-то быстро прошуршал лапками по прошлогодней листве. Остановился, поспеел, зашуршал дальше, уже не так торопливо, будто боялся разминуться в густой траве. Затих. И точно! С другой стороны, навстречу, такие же лапки затопали по сухим листьям.

Стремительная ломаная линия возникла перед глазами... никогда раньше не видел летучей мыши.

Комары и мошки тесно роились вокруг свисающих нитей невидимых приманок, другие комары с агрессивным писком всё чаще садились на лицо и руки, вздрагивающие, не привыкшие к прикосновению к ним чужого живого.

Где-то очень близко тонюсенько призывала невеличка, как ни всматривался, не увидел.

«Хорошо-то, господи!»

Дед, наконец, приплыл. Снял телогрейку, рубашку, принялся отжимать рукава. Несвежая майка низко повисала на худых костлявых плечах. Руки ниже локтей казались одетыми в грубые тёмные перчатки, такого же тона короткий острый галстук залип на груди.

– Костерок бы...

Москвич быстро поднялся. Мельком взглянул на бледное, в частых синих жилках тело, не заметил на нём ни мурашек, ни комаров, удивился: «Меня б давно загрызли... родственник он им, что ли?». Усмехнулся сравнению – раздетый дед и вправду походил на комара. Достал из вороха мохнатый красный свитер с высоким узким горлом.

Дед отмахнулся: «Ещё чего!».

– Одень, согреешься! Тёплый, чистый.

– Не по телу такая тюрьма, не вытерпеть, – и добавил, – старую кровь шерсть не возьмёт, уж греть так греть.

Москвич спохватился. Спустился за водой и, немного поколдовав в двух бутылках, подал деду полстакана и кусок сухой колбасы.

– А себе?

– Давай, давай, грейся, я успею.

В двух дедовых пальцах стакан показался игрушечным. «Никаких пропорций, клешни, а не руки...».

– Ладно. А это мне не угрызть... хлебца дай... Ну, будем жить.

– Будем, будем, куда ж мы денемся.

Дед крикнул.

– Крепкой... Куда, куда... туда, – кивнул почему-то на реку и лукаво, так Москвичу показалось, подмигнул.

Когда затрещали старые головёшки и зашипела принесённая половодьем доска, Дед придвинулся к огню пристраивать мокрые рукава. Он уже зашевелил губами, воображал, что рассказывает Москвичу поучительную историю из жизни старого солдата, а Москвич разлёгся на прежнем месте, пробуя охватить недавнее настроение, для чего сунул в зубы очередную травинку и, закрыв, чтобы лучше слышать, глаза, стал осязать молодую ночь, томящуюся песней и криком: всё, что было живого, доказывало друг другу, и все вместе – какому-то неведомому божееству своё право на существование в этом зыбком, но прекрасном мире...

Выплюнул зелёную жижу, шумно и счастливо вздохнул – «Жизнь!» – и как бы в волнении, закурил. Закрыв ладонями уши – открыл. Закрыв – открыл.

– Надо же! Сравнить-то с чем, не знаешь, – и уже обращаясь к Деду, – а у нас только коты по подъездам орут... давай, Дед, выпьем за это.

Дед не понял, за что, но отказываться не стал.

– Ну, за это...

– Ведь – жизнь! – продолжал вдохновенно Москвич, – в чистом виде. Голенькая! Ты послушай, послушай! Самому закричать охота.

Выпили.

Затянувшись глубоко в последний раз, Москвич опустил руку с окурком к земле. Меж высоких травинок, по глиняным комочкам-взгоркам спешила на охоту жужелица. Остановилась перед жарким глазом, подобрала ножки. Москвич поднёс окурок ближе, залюбовался крошечным красным отсветом на блестящем чёрном панцире. Чему-то улыбнулся, в который раз что-то вспомнил, унёсся к этому воспоминанию, а глаза невидяще, непомнящее смотрели, как рука прислонила окурок к маленькой спинке, как вскинулся крылышками и задымился жучок.

– Где сетку лучше поставить?

– Сетку? Вона, за травкой.

– Не вижу что-то травки.

– Так не выросла ещё.

– Ну ты даёшь! Как же за ней поставить, когда её самой ещё нет?

– Дно-то пощупай. За травкой с метр будет полого, а потом круто вниз. Вот наверху, над ямой-то и ставь, перед травкой. Сетка-то высока?

– Метр-полтора.

– Ну-ну, за травкой аккурат ей место. Только в русло не свали, в глубине сейчас не будет.

Москвич отплыл, трак на корме.

– Тут? – крикнул с воды.

– Так пощупай!

«Пощупай! Чем – пощупай?».

Течение сносило, пришлось снова выгребать, пока выгребал, отдалился от берега. Трак ушёл уже в глубину уже метра на два, дна не было.

– Куда уплыл-то? Ближе, ближе к травке-то.

«Где он её видит, чёрт речной?!».

С третьего раза ткнулся в неожиданную мель.

– Во, по краюшку и пускай.

Опустил трак на дно и медленно по течению стал вымётывать полотно сети из мешка. К другому низу привязал приго-

товленную железяку, кверху – пенопластовый буёк и поплыл к берегу.

На этот раз вместе с половиной стакана отрезал Деду мягкой колбаски, тот откусил, положил рядом.

«Хороший парень, не жадный», – думалось старику.

Москвич, поправив костёр, снова разлёгся, раскинув руки. Ему было хорошо, вольно бродили в нём редкие гости – светлые, не замазанные зряшней суетой чувства.

– А знаешь, Дед, сколько до этих звёзд?

Дед посмотрел вверх, точно там было сейчас такое, чего он не видел раньше. Смутился: звёзды и звёзды. Он жил на земле.

– Далёко.

– Далёко, ух как далеко!.. А мы вот тут... – Москвич никак не мог найти слов, слова, чтобы закрепить им переполнявший его восторг, обозначить его маяком, репером своих бывших и будущих переживаний, – разве не чудо – такой оазис в чёрном холоде? Чудо! Мы этого не замечаем, мы в камнях, а вы... не понимаете. Привыкли и не понимаете. Вот беда.

– Бывает, – отозвался Дед. Он хотел снять промокший сапог, но опасался, что Москвич пристанет с шерстяными носками, которые появились из кучи вместе со свитером.

– Жизнь! Ты, Дед, хоть понимаешь, что она такое?

– Известно – жизнь.

Москвич оживился – спирт достаёт быстро.

– Вот ударь со всей силы по асфальту кувалдой – только руки отшибёшь, а травинка – взглянуть не на что! – проламывает. Почему? Живая. Жи-ва-я!.. Откуда сила? В чём? В жизни. А понимаешь, что это такое? Не человечья, это тоже, конечно, но вообще – жизнь?!

– Известно, – ответил Дед, снимая-таки сапог.

– Известно! – передразнил Москвич, – а между тем ни черта никому не известно. Загадка. Чудо. Привыкли, что она есть, что она имеет свойство продолжаться сама по себе, и расслабились в этой привычке, задеревенели.

– Бывает, – согласился Дед, отжимая носок.

– Бывает, а не должно бы! – Москвич заговорил азартнее, – понимаешь: против мёртвого асфальта жизнь – сила, но против самой жизни – беззащитна, вот что страшно! Если жизнь и исчезнет, то только в самоубийстве. Понимаешь, Дед?

– Зачем исчезнет? Пусть будет, хотя куда ж от смерти. Вот я тебе случай расскажу..

– Да не про нашу с тобой жизнь речь, что наша жизнь – тьфу, жалко, конечно, тоже.

– Жалко... воевали, воевали... – необходимо обиделся Дед.

– Ты хоть понимаешь, что не одни мы – жизнь? Вокруг нас – жизнь, всё, что не камень – жизнь. Да и камень – тоже жизнь, только медленная. Океан жизни, а люди его возьмут и... – он резко рубанул по воздуху рукой.

– Небось не возьмут... а и возьмут, не нам решать.

– Небось!..

– Про себя думай, чего за всю жизнь... Мы ж не виноваты.

– Потом суда не будет, ни правых, ни виноватых. А сейчас, раз ты человек – значит, виноват, жизнь – штука нежная, как шар воздушный на игле, или упадёт, или лопнет, своим же весом... Потом суда не будет... сейчас её пестовать нужно, поддерживать во всякой мелочи, приучать себя к мысли, что ты – последний корешок, за который она может зацепиться, за тобой – пропасть... – спирт в Москвиче горячился, волновался, нервно взмахивал его руками и дрожал голосом.

«Во проняло парня...», – уважительно думал Дед.

В траве зажужжал майский жук, только что выдрался из земли, собрался взлетать, трава мешала. Москвич всмотрелся в травяные джунгли. Жук неуклюже продирался в поисках свободного для взлёта места. Вот – остановился, сосредоточился, как бы задышал взволнованно, с каждым своим жучиным вздохом всё шире и шире разводя двойные крылья, накачивался, и был у него такой вид, словно собирался чихнуть. Накрыл его ладонью как раз тогда, когда тот, откинув медным лбом последнюю травинку, уже взлетал. Посмотрел на свет костра, какие усики.

– Самэц, – и положил в спичечный коробок с несколькими оставшимися спичками, – утром на головля попробую.

Вспомнив про рыбу, поднялся

– Ну, пойдём проверим?

– Что – проверим? – не понял сразу Дед, – утром поднимем... Проверим... это река, не рыбный магазин, – заворчал он. Ему было хорошо.

– Ладно прибуднаться, – Москвич сходил в машину за полиэтиленовым пакетом, включил радио.

«Вот незадача», – Дед почесал под кепкой, влез в мокрый сапог.

Женский голос из приёмника перекрыл соловьёв:

*«Это жизнь, которой в мире нет предела,
Это песня, что с собою вдаль возьму,
Это значит, мы с тобой помолодели
На одну, ещё одну весну!»*

«Ещё весны на три, бог даст, помолодею, да и...», – Дед вздохнул.

Расправив высокие сапоги, Москвич забрёл под первый куст, нащупал шнур, потянул.

«Рыбак... утром бы проверили... чего воду цедить...» – присел у воды на корточках.

В глубине как будто блеснуло светлое. Москвич поднял экран и победно обернулся: три плотвицы застряли в лесочных путях. Они ворочали хвостами, словно ещё продолжали упрямо плыть куда-то. По очереди – под жабры, крепко, так, что пальцы соединялись в рыбьем теле – протаскивал вперёд. Набитые икрой и молокой, животы застревали, цеплялись брюшными плавниками. Руки стали жёлто-багровыми от икры и крови.

– Вот черти, обгадили!.. А ты говоришь – магазин! Лови!

Второй экран был пуст, зато в третьем, четвёртом и пятом вместе попало с десятков рыб, в шестом и седьмом по одной, а в каком-то из оставшихся – сразу шесть штук.

Москвич чмокал от удовольствия:

– А ты говоришь – магазин. Ну-ка... – взял у него пакет, взвесил на руке, – килограмм под пять! Пошли накатим, заработали.

А Деда встряхнуло чувство обидное, похожее на «грабят!». Впору снова было обидеться, не мог понять – на что. Ну, ловит и ловит, дай бог. Или завидно? В мерёжи столько и за всю ночь может не попасть. Нет, не в зависти дело, неприязнь шевелилась глубже и делала Москвича похожим на кого-то иного, да где разобраться, на кого. Говорил сосед-рыбак: не приваживай москвичей! «А не буду больше с ним пить» – решил дед и через минуту забыл об этом...

– Да что мы всё колбасой... я тебе, Дед, сейчас такой закуску приготовлю!

Но костёр погибал. Москвич взял топор и направился к берёзовому колку. Тут было уже совсем темно, почувствовал себя неудобно, кто-то смотрел в спину, кто-то смотрел! Ходить искать сушняк не стал – страшно, быстро нарубил с краю охапку живых и почти бегом вернулся.

«Что за чёрт!»

Сырые берёзки гореть не хотели. Дед качал головой.

– Сейчас, – налил в консервную банку бензина, подложил под охапку, чиркнул спичкой, – у меня сгорят!

Огонь вспыхнул ярко, забрызгав жёлтым два разных лица, машину, ближние деревца, а в метре за ними, только и ожидавшая этого огня, сразу вспыхнула тьма – точно из засады выскочила ночь.

Дрова заблестели проступившим через кожу соком, зашвистели, зашипели, извергая из себя вместе с жалобами и проклятьями свою деревянную душу.

– Сейчас... такой закуска... что твоя колбаса!..

«Моя...».

Появилась сковорода, пачка масла, деревянная ложка с длинной ручкой, нож с рукояткой из козьего копытца. Языки пламени дерзко воспаряли вверх, изо всех сил стараясь оторваться, но только лишь это им удавалось, сразу исчезали, таяли бесследно в прозрачной струящейся темноте. Отрывались и гасли, словно пытались что-то объяснить своим танцем смотрящему на них человеку. Отрывались и исчезали. Отрывались и исчезали.

– Пусть чуть прогорят, пойдём-ка еще посмотрим. Бери пакет.

Дед послушно поднялся.

Почти в каждом экране опять торчало по рыбке.

– Не магазин! А ведь ещё вся ночь впереди, сетка, мерёжи твои...

«Мои...».

Рыбу высыпали в одну кучу около костра, на траву. Пузатая, с ободранной чешуёй плотва изредка бессильно шлёпала хвостами. Дед, переловивший великое множество рыбы, сейчас жалел её и даже корил: «Что ж вы, не видели, куда лезли? Лежите теперь...».

И тут же ругал самого себя: «Не желай зла, пусть себе ловит», – но снова злился, не зная толком, не понимая, на что – незаметно разругался сам с собой.

Москвич сортировал, отбирал икрянок.

– Самэц, самэц, баба... ну, ну, не брызгай, не твоё уже... Кобелёк, баба, баба... кобелёк, хоть полы циклевать, чисто наждак!..

Потрошить спустился вниз. Чёрная вода, разбегаясь от его ног, горстями швыряла звёзды в разные стороны: туман, закрывший другой берег рыхлым серым занавесом, под ногами был незаметен.

Полупьяно бубнили каждый своё.

«Иди сюда, голубушка, иди... у, сердитая, всё, отсердилась...».

«Легко даётся, нехорошо это... отчего? Вкусом не похужеет... – Похужеет!.. – совсем из ума выжил!.. Я вам ещё покажу!..».

«Иди сюда!..».

«Я, старый солдат... а рыба-то не ваша!..».

«Знатная будет жарёжка!..».

«А не стану с ним больше пить...».

А когда Москвич открыл пиво, Дед неохотно, но банку взял – невидаль, питьё почти заморское, когда ещё... Москвич крутил приёмник, быстро чередовались, наползая друг на друга, трагический женский голос, лёгкая музыка, визги и просто шум.

Из банки Дед пить не умел, чмокал, пиво текло за ворот.

Москвич готовил место под сковороду.

– А как представишь себе, что всё в тартарары разлетится!.. Это не просто ведь умирать от старости, хотя тоже, наверное, страшно... Страшно, Дед?

– Чего ж страшно? Неохота... а то и охота...

– Не страшно! Потому и не страшно, что в душе всё на месте, неохота, но в душе всё на месте, потому что она всегда умнее человека... Ты в бога веришь?

– На кой он мне?

– Это правильно, – Москвич уселся поудобнее. В его опьянении наступала стадия, когда он казался себе самым умным на свете, мысли грудились – не в голове, ещё где-то до головы, на входе в неё, и говорить надо было быстро, чтобы не было пробки. – Смотря, правда, что считать богом, а что душой. Строго – и души ведь никакой нет. Нет? Нет! Однако, старому человеку, у которого внуки умнее уже его молодого, но похожие на него и лицом, и повадками, умирать легче, чем молодому, живого следа за собой не оставившему. И тому, кто успел книгу написать, умирать легче, чем тому, кто мог бы написать, а не написал. И в битве за общее дело погибать легче, потому что всё, спасённое тобой – твоё! Душа это хорошо знает, а если она знает, значит она – есть! Понимаешь?

Дед почти и не слушал, но закивал и даже поднял руку, желая добавить что-то своё – про битву («воевали, воевали...»), – но Москвич сказать ему не дал.

– Они все не совсем умирают, они оставляют подобию свои, которые по внутреннему существу – они сами и есть, – говорил он, обо всех других, к кому смерть может иметь отношение, – Понимаешь? Чем тебе не бессмертие души? То есть она не только есть, она ещё и бессмертна. Прими ещё в ум, что дети и книги – не всё, это просто самые близкие к нам капельки жизни, капельки в море жизни, которое всё – остающиеся после тебя родственники. Всё это, – он театрально развёл руки в стороны, – и есть твоя бессмертная душа. Бессмертная... А поскольку ты – больше душа твоя, чем ты из мяса и костей, то, выходит, ты и бессмертен. И – ты, и все.

Дед ничего не понял и хотел возразить, рассказать про смерть, он видел её достаточно и отлично знал, что никуда ей не деться, и особенный случай, когда познал её изнутри и оттого как бы сроднился с ней, что ли, во всяком случае, от себя её не отделял, и поэтому, конечно, не боялся. В сорок втором он задавил руками немца, так случилось в той каше. Стрелять – стрелял много. Попадал? Пулю спрашивать надо, а она, дура, что скажет? А вот руками, вот этими самыми... тёплая шея и пушок вместо щетины... Да ведь он и сам ещё не брился тогда! Суеверно поклялся тогда никому не рассказывать и всегда всем рассказывал, потому как чуял, что тот, от кого хотел скрыть, узнал сразу, потому что он сам и решает, кому жить, кому умирать – дедовы только руки, а тутошние не при делах. И сейчас хотел рассказать, но, лишённый слова, поглотился более близкой обидой и теперь, с помощью пива и спирта отчаянно ругался с зятем, которого не знал, тихо корил единственную дочку и пытался неуклюже вынежить что-то ласковое для единственной внучки, которую ещё и не видел и – так уж складывается – не увидит. Дочь вышла на Кубань, сама не едет, ему до Кубани – что до этих звёзд. И старуха всё больше к вину, не поедет, не привезёт. Поднял брови, чтобы скорее через глаза выкатилась снова нашедшая его печаль.

– Нужно нам заново учиться любить жизнь, в каждом её проявлении, чтобы не... – из костра, звонко треснув, вылетел уголёк в сторону вещей, Москвич проводил его взглядом, – так и сжечь может, бывали, знаешь, случаи... Заново!

Свет костра бегал по желтой икряной россыпи, и казалось, что это сами по себе движутся каждая из тысячи икринок, пытаясь выбраться за чугунный край, и пульсируют тонюсенькие кровяные жилки на невидимой плёнке.

Приладив сковородку на угли, Москвич принялся мешать в ней деревянной ложкой. Икра, словно возмущаясь, потрескивала, но не могла прострелить своей же толщи.

- Может, мерёжи поднимем? Полны, наверное...
- К бесу... утром... разом...
- Попьём теперь пивка!
- Не, не хочу...

– Да не здесь, в Москве попьём, через недельку-другую.

– Москва – далеко.

Москвич спохватился – несолёно. Долго рылся в продуктовом мешке, выбросил на траву с десятков разных пакетов и баночек, наконец посолил, попробовал, причмокнул:

– А ты говоришь – колбаса!

Нелегко выпив очередные полстакана, Дед наклоном непослушной уже головы и выпячиванием губ воздал напиток, но от икры отказался. И от колбасы, не из принципа, еда теперь никакая не полезет, теперь только пить, и сегодня до упора, и завтра, если будет что, и ещё дней пять, пока не выветрится, а теперь не выветрится, лето началось – рыбаки сами нальют, а отдыхающим свою рыбку продать или поменять. Летом жизнь: лови да пей, пей да лови... Подумал было попросить кусок для старухи, у неё тоже зубов не было, но, когда начал было уже просить, решил не просить. «Ну их!..».

Москвич, оставшись со сковородой один на один, умолк и усердно заработал челюстями – с таким средоточием, должно быть, древние пожирали горячие сердца и печёнки добытых животных, а то и врагов.

– Зря не ешь, пища богов, – только и сказал он, когда в сковородке осталось совсем чуть-чуть.

Дед с трудом поднял навстречу голосу голову, неожиданно строго, почти свирепо выкрикнул в три приёма:

– Ц-цыц!.. мы ещё по...воюем!.. – и снова уронил голову на грудь. Мысли всё хуже и хуже держались в его голове, едва успевал вырывать из чёрного тумана похожие на них слова, как они забывались. Пытался вспомнить, о чём только что думал, но забывал и об этих попытках. Какое-то время новые, неизвестно откуда бравшиеся соображения, забредали в размякший мозг, но также, как предыдущие, вяли на языке.

Москвич сначала прислушивался к бормотанию старика, но, не разобрав ни слова, махнул рукой.

– Всё... немного надо! Вояка...

Отложил сковородку, задумался, усмехнулся. Нащупал за спиной стакан, налил, выпил. Понюхал ломоть хлеба, непонятно

кому сказал «то-то!» и доел икру. Несколько минут сидел, глядя на гаснущий костёр: красные, жёлтые, синие и фиолетовые всполошки облизывали умирающие угольки и крепко держали за глаза смотрящего на них человека. Горожанин не выносит долгого смотренья на костёр в одиночку – грусть, сначала лёгкая, приятная, разрешающая понимать и любить многое из не замечаемого в будничном обыкновении жизни, вливается в него ушатами, тяжелеет, густеет, обволакивает холодным дымом всё, что минуту назад было приятно, любимо, он до озноба начинает чувствовать своё одиночество, и вдруг ему становится страшно себя самого, от грусти – ни следочка, угрюмая тоска смотрит в упор, касаясь лба жёсткими, колючими бровями, и нет никакой возможности даже зажмуриться – красные, жёлтые, синие и фиолетовые всполошки не выпускают из своего плена...

– Дед, а Дед?.. – шёпотом вскрикнул Москвич, оторвавшись от гаснущего огня. Ответ ему Дед, он не знал бы, о чём его спрашивать, но Дед молчал, если не считать словами в никуда пускаемые пузыри бормотанья, – фу ты, чёрт! – и тряхнул головой.

Наваливалась темнота. Круг сужался, блёк, уставшим, смирившимся зверем топтался по кругу свет. Москвич взял топор, но долго не решался переступить границу, лишь когда чернота, победив, стала прозрачной, он быстро, почти подбежал к леску и стал рубить ближайшие деревца. Старался не смотреть вокруг и не прислушиваться, как бы чего не увидеть и не услышать... Не хотелось признаваться, что страшно. Пошатываясь, с зелёной охапкой вернулся к костру. Обрубил ветки. Заваленный, костёр сразу почернел. Пробовал дуть, искры вылетали снопами и тут же отмирали.

Дед тихо раскачивался, мыча и сжимая огромный чёрный кулак.

Москвич плеснул бензина. Пламя взметнулось вверх быстро, словно опомнилось, и осело, не оставив следа.

– Ну и подыхай! – махнул рукой и перешёл на другую сторону. Тронул Деда за плечо, – пойдём, Дедуля, посмотрим, как там наша рыбка! – сказал нарочито бодро. Сап и мягкое шлёпанье запененными губами было ему ответом.

Пошёл к берегу один, но в воду не полез – с реки веяло холодом. Вернулся к костру, откупорил банку пива, выпил её в два приёма. Тряхнул головой, взял пакет, спустился вниз и всё же забрёл. Заставлял себя думать о постороннем, но мысли теснились одна мрачней другой. То казалось, что в чужой, маслянистой воде есть кто-то, коварно подстерегающий, готовый в любой момент схватить за ногу, за руку, броситься прямо из воды в лицо и изуродовать, если не погубить совсем; а то чудилось, что кто-то другой, молчаливый, осторожный ходит по берегу, вокруг костра, заглядывает в машину, в сумки и пакеты, мыском острого сапога переворачивает сковороду...

Выскочил на берег и снова ступить в маслянистую, прилипшую к песку чёрную воду не решился. По спине пробежал озноб, уже не от холода, сознавался: страшно... «Чего? Чего?! – заговорил с собой. – Водяного? Русалки испугался?». Попробовал засмеяться – не получалось, и от неудачного смешка, от жалко оборвавшегося своего хриловатого голоса стало ещё неуютней, почти жутко. Казалось, он один на всём свете держит на плечах навалившуюся на него ночь. Опять вспомнил, вспомнил, что так нехорошо было ему лишь однажды, когда он очнулся ночью один в чужой квартире, долго не решался включить свет, а когда решился, не мог отыскать выключатель – именно тогда сделалось необъяснимо страшно, точно кто-то стоял за портьерой и молча наблюдал за его бессильными попытками выбраться из тьмы. Это молчаливое тяжёлое наблюдение!.. А когда свет все же включил, увидел себя в своей комнате.

Где его искать сейчас, выключатель? Крадучись, пугливо прислушиваясь к своим шагам, Москвич подобрался к костру, шёпотом бранясь, морщась и содрогаясь допил остатки спирта и притулился рядом с Дедом, дожидаясь, когда пройдёт наваждение, когда хмель поборет, подомнёт под себя или растворит страх.

Всё вокруг было враждебным и безжалостным.

Клубясь и хмуясь, поднялся над обрывом туман и, как несметное вражье полчище, хлынул на высокий берег.

Москвич скинул с костра сырые колья, сгрёб в кучу угли, подул. Тщетно. Бросил поверх колбасную обёртку – она обмякла,

съёжилась, почернела, но тоже не загорелась. Пошарил по карманам, достал спичечный коробок, пристроил его между угольев и снова подул. Коробок вспыхнул, воздел две жёлтые с острыми белыми пальцами ручонки, зацепился было ими за положенную сверху головёшку, но не удержался, сорвался, догорел внутри себя взрывами оставшихся спичек и... испустил хитиновый дух.

Вдруг обнаружил, что стало тихо: ни птиц, ни лягушек, ни шорохов в траве. Тишина, туман и собственная неподвижность закручивали какую-то зловещую пружину. Остановить, не дать ей сорваться. Делай что-нибудь!

Затормошил Деда. Тщедушное тельце его затряслось в сильных руках Москвича и немо опало. Замычал, вскочил и, стараясь как можно больше производить шума, побежал к воде. Плева и громко матерясь, один за другим вытаскивал экраны, давил железными пальцами рыбы головы, продирал и продавал рыб сквозь рвущиеся лесочные ячеи, отчаянно швырял, брызгая кровью, икрой и молоками, трупики на берег, не запоминая куда и сколько бросил.

Чёрная, похожая на громадную руку коряга ткнулась Москвичу в ногу. Он вскрикнул. За ледяной волной испуга накатилась волна слабости и гулкая тошнота согнула его пополам. Почти касаясь носом смотрящей на него многими глазами воды, скрежещущий зубами человек стал изрыгать из себя с клёкотом и болью. Отражая далёкий свет, по воде расплзались мутные зловонные круги; тысячи бывших жизнинок, вытягиваясь в мёртвый караван, поплыли вниз по течению.

«На деды курики...» – зачем-то подумалось трясущемуся Москвичу.

Опустевший, обессиленный, с позеленелым нечистым лицом, падая и срываясь, он выбрался на высокий берег и рухнул на кучу своих вещей... Когда отдышался, что-то произошло в мире, какой-то нарыв, тревоживший небеса, лопнул. «Барьер, барьер...». Страх как не бывало, даже удивился: чего в этой славной ночи можно было испугаться? Как будто вместе с икрой выблевалось из нутра нечто, умевшее бояться. В груди установилась ровность, остатки тошноты и гадость во рту – такая

мелочь в сравнении с недавней жутью, как будто мир решил для себя что-то принципиально важное, и тяжело было само это решение, а осуществить его, привести в исполнение можно уже спокойно, без взаимного надрыва.

Москвич огляделся, словно впервые всё здесь видел, и все следующие движения его были спокойны и автоматичны. Прямо из реки напился, сколько смог, и ещё раз прочистил желудок. Потом достал из бардачка металлическую фляжку, развёл две трети стакана, проглотил без настроения и закуски, правда, после этого минут пять сидел, тупо глядя в землю, слушал, как отреагирует нутро. Принялось. Взял новый пакет, фонарь и собрал всю недавно раскиданную по берегу рыбу, в этот же пакет сложил пойманную до этого, тяжело покачал улов на руке. Остался доволен.

Присмотрелся к Деду. Пьяный, тот сидел в прежней позе, руки на коленях, и если б приподнять ему голову, что б мог наблюдать – чисто Пан.

Пока подкачивал лодку, вернулся хмель, но теперь в нём не было мути. Поплыл к сети, холодно прикидывая, сколько могло зайти в этот тридцатиметровый коридор. Поплавок отыскал быстро, поднял полотно сети и услышал рукой, как оно нервно ходит. В букете мелких дёрганий различил сильные редкие рывки, похоже – щука, запуталась ближе к другому краю. Щука, другой крупняк в тридцатку запутается вряд ли. Спокойно стал выбирать рыбу, бросая её в лодку же, под ноги. Не считал, больше десяти штук – считают уже на килограммы, а было больше. Когда добрался до края, руки заоченели, камуфляж был мокрый, хоть выжимай – неудобно всё же одному: и подтягиваться против течения, и выбирать, верхнюю бечеву иной раз приходилось держать зубами, но это было в радость, нормальная работа. Щука сидела в самом нижнем, около трака, углу. Через тёмную воду угадывалось рядом с ней несколько плотвиц, за ними она и кинулась, накрутила на себя сеть, сначала на пасть, потом на все плавники и, наконец, узлом перехлестнула образовавшийся карман. Для щуки – обычное дело. Сколько мог, подтянул, плотву вынул в воде, но с зубастой так не получалось. Надо было поднимать трак. Пожалел, что поленился привязать метра

три отвода, чтобы груз не мешал работать с сетью, теперь нужно было либо затаскивать трак в лодку, либо быстро сработать на весу, но всё равно понесёт.

Перегнувшись через борт, оторвал трак ото дна. Свободной рукой нижнюю бечеву накинул на резиновую уключину – трак повис, опасно наклонив лодку, верхнюю бросил себе на плечо, чтобы было удобней выпутывать, несколько ячеек зацепил за пуговицы – растянул. Взял щуку за глаза и стал срывать с пасти путаницу. Осталось сделать несколько разрывов, но тут рыбина рванулась особенно сильно, зубы врезались в пальцы. Инстинктивно дёрнувшись, Москвич потерял равновесие, и нижняя бечева соскочила с уключины. Трак пошёл на дно, и было бы это не страшно, если бы лодку без якоря не снесло с мели – груз рванул вниз и Москвич, не удержав равновесия, бухнулся в воду. Пальцы, пуговица на рукаве, пуговица на груди, сам же и нацепил, погон – держали новый улов крепко, и лишь несколько секунд, пока не намокла и не отяжелела одежда, пока не заполнились водой сапоги, Москвич пытался схватиться за скользкий мокрый бок лодки, потом, уже медленно погружаясь, он судорожно рвал зацепы, одновременно сбрасывая камуфляж, но сеть в этом месте уже собралась комом и каждое движение пленника только усугубляло дело, теперь он цеплялся всеми хоть чуть-чуть выступающими частями тела и деталями одежд. А трак неумолимо скатывался в бездну; для Москвича его рывки и дёрганья такой же, как и он, обречённой рыбы слились в последнее озарение: нет никакого трака, нет никакой щуки и вообще ничего не было и нет, кроме властной руки того, все-сильного, тянущего его к себе из глубокой детской лужи...

Дед, не открывая глаз, забормотал – наверняка что-то правдивое, правильное, но недоступное пониманию, и ещё через минуту затих снова.

Трепетно навстречу туману всё же пахнул живой ветерок, и совсем скоро после этого недоверчивый голос подал соловей.

Из-за реки ему отозвался другой...

Александр АНДРОНОВ

Александр Николаевич Андронов – поэт. Родился во Владимирской области. Член МГО Союза писателей России. Автор семи поэтических сборников.

Награждён Золотой Есенинской медалью, медалями И.А. Бунина и А.А. Брусилова.

Лауреат премии им. Ярослава Смелякова. Лауреат международного поэтического конкурса «Золотое перо Руси»

2021 года в двух номинациях. Член-корреспондент Академии поэзии.

Живёт в Москве.

МЫ БРЕДЁМ ПО ИЗВЕЧНОЙ ДОРОГЕ...

О НАСТОЯЩЕМ И БЫЛОМ

Остыли прошлые дороги,
Дней оскудела череда,
И жизни подводить итоги
Позвали мысли и года.

И вновь мелькает в этом вихре,
Прошедших лет былая стать:
Мы к детству доброму приникли, –
Не дотянуться, не достать...

Небес белёсых промокашка,
Изгиб заснеженной реки.
Мальчишка деревенский – Сашка,
На детских валенках коньки.

Там юность выткалась красиво
Среди деревьев и холмов,
Наивной молодости сила,
И полудетская любовь.

С отцом о будущем беседы,
Двух поколений вечный спор.
Будили Родины сюжеты
Воображения простор.

Там ветры ждали у порога,
Манила верная звезда.
Вела в грядущее дорога,
Звала в грядущее мечта.

НА ЗАВАЛИНКЕ

Козью ножку махоркой набью,
И с весенней душой набекрень
Я рукой помашу соловью,
Что повадился в нашу сирень.

На завалинку сяду, в тенёк,
Отдохнуть, погружаясь в весну.
Бог послал благодатный денёк, –
Расслабляюсь, смотрю в тишину.

За околицей вижу, вдали,
Изумрудный туман над рекой.
Зелень просится в краски земли,
Снег постылый утёк на покой.

На колени кота посажу, –
Рыжим солнышком душу согреть.
Я ему о весне расскажу,
Буду гладить и в небо смотреть.

ДО СВИДАНИЯ, ДЕРЕВНЯ

Заболела деревня, лебедою-травою
Заросли все тропинки вдоль забытых домов,
Разбрелися деревья вдоль дороги гурьбою,
И ночами привычных не слышать петухов.

Ни людей, ни скотины, все поля опустели,
И назойливым лесом вновь взялись зарастать,
И лугов разнотравье, как венки на постели,
Вновь, косы не изведав, вдруг начнут увядать.

Умирает деревня, и пустые глазницы
Провалившихся в землю почерневших лачуг
Удивленно взирают, как залётные птицы
На прогнивших заборах коротают досуг.

Крыш хребты надломились, и, упав на колени,
Как в нелепой молитве деревенским богам,
Незавидные судьбы людских поселений
Завершают свой подвиг на радость врагам.

Говорю: «До свиданья, дорогая деревня!».
Верю, землю оставит разрушительный тлен,
И весною священной деревенька смиренно,
Как савраска, встряхнётся и встанет с колен.

ОТКРОВЕНИЯ ЗИМЫ

Вечерком из дома на мороз –
Бодрость духа необыкновенная.
В снег шагнул – и будто в зиму врос,
Окунулся в тайну сокровенную.

Вдох до дрожи, воздух ледяной,
Сладкой детской памятью напоенный.
Ты застыл под тихую луной
Созерцаньем мира успокоенный.

Звёзды удивительно чисты.
Под покровом неба предзакатного
На просторах зимней красоты
Ожиданье чувства безвозвратного.

Вечер, печки, лёгкие дымки
Будоражат образы бесценные.
Памяти сугробы глубоки
В вечном разговоре со Вселенною.

Ты застыл, и будто сам не свой,
Сопричастный царству белоснежному.
Погружённый в зиму с головой,
Обращённый к космосу безбрежному.

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

А.С. ПУШКИНА

Твои стихи – твоя забава,
Твоя пленительная рать.
Господь им предоставил право
Земными судьбами играть.

Их строк высокое движенье
Дарует вечную судьбу.
Они войдут как откровенья
И в храм, и в ветхую избу.

МУЖИЧОК

Отвари потихоньку картошку,
А селёдки ржавой бочок
И с лучком да капусткою плошка,
Намекнут: «Отдохни, мужичок».

Посиди, отдохни, горемыка,
Коль весна от села далеко.
Снег по крышу, завьюжило дико,
По деревне идти нелегко.

И морозы стоят не на шутку,
Да избушка не держит тепла.
Часто топишь, погрелся минутку,
Утром – будто в чём мать родила.

А потом ты смолишь «Беломором»,
Притулившись у печки, в углу,
Вспоминая с безмолвным укором
Лихолетье, навет и хулу.

Сквозь слепые, промёрзлые окна
Развалюхи почти нежилой.
Смотришь ты своим взглядом поблёклым
На Россию, покрытую мглой.

ЗА СЕЛОМ

За селом белым-бело, –
Заметелило.
В тучки солнышко ушло, –
Не поверило.
Снег, молочною рекой, –
Сказки бабушки.
А дороги никакой,
Вот и ладушки.

Мир, покой и тишина,
И томление.
Белоснежная страна,
В отдалении.
И забвенья острова, –
Это Родина.
Под сугробами трава,
Куст смородины.

Уходить давно пора,
Да не хочется.
Лечь снежинкой до утра,
Не ворочаться...
Завтра солнышко взойдет,
Мгла рассеется.
Все недоброе уйдет,
Разумеется.

И ПОЕДУ ТУДА...

В вешнем месяце марте
Проложить я хочу
Путь неблизкий по карте
В край забытых лачуг.

В край далёкого детства,
Где над крышей звезда.
Вот появятся средства,
И поеду туда.

Где ни лоска, ни стати,
Ни пиров на костях.
Где придётся некстати
Дома жить, как в гостях.

Где убита беспечно
Предков наших земля, –
Заплутавшийся вечер
На заросших полях.

Где, от мыслей оглохнув,
Провожая зарю,
Ветки чертополоха
Я тебе подарю.

СТАРЫЙ ДОМ

Дом деревенский, счастливое детство,
Наших родителей добрых наследство.
Он, покосившись, стоит одиноко,
Ждёт, что приедут к нему издалёка.

Сгнило крылечко, забор завалился,
Старый колодец крапивой покрылся.
Русская печка грустит одиноко –
Годы проходят без всякого прока.

Лето пришло, приезжают детишки,
Взрослые люди, набившие шишки.
Дом веселеет, дом оживает,
Люди солидные в детство впадают.

Снятся им прошлого сны золотые:
Вот они дети в годы святые.
Кружка парного, скрип половицы,
Крик петуха – деревенской жар-птицы.

Вот они молоды, силушки-силы,
Сеяли, строили, травы косили,
А вечерами – баян голосистый,
И расставанья на зорьке росистой.

Лето прошло, гости вновь уезжают.
Дом погрустневший им это прощает.
Слёзы дождя по стеклу пробегают,
Сыростью пахнет. Дом замирает.

О РОДИНЕ МАЛОЙ

Я иду по земле,
И шумят надо мною деревья,
Ветерок-самодур,
По трепещущим листьям бежит.
Я люблю этот край,
Эту землю и эту деревню,
Этой жизни ручей,
Что над камушком мелким дрожит.

Здесь мой дом, соловьи,
Здесь закаты мои и рассветы,
Здесь истоки мои,
Здесь погост, где родные лежат.
Здесь начало пути,
Детства сладкого тёплое лето,
И частицы души,
Где бы мне ни случилось бывать.

Я уехал давно,
И не часто сюда приезжаю,
В постоянном плену
Обязательных сроков и слов.
По-другому живу,
По-другому судьбу принимаю,
Постоянство в одном –
Беззаветная эта любовь.

Через жизнь пронесём
Нашей родины малой тревоги,
В верном сердце храня,
Притяжение насиженных мест.

Жизнь – своим чередом,
Мы бредём по извечной дороге,
Заставляет идти,
Вера божья да собственный крест.

ЕСЛИ ГОРИТ СВЕЧА

Осень, лета зелёные
Сгнули навсегда.
Чувства не утолённые
Не притупить годам.
Тлеют дымки отечества –
Прошлого не унять,
Сумерки мира вечного
Не поворачишь вспять.

Крутится шарик, вертится,
Ввинчиваясь во тьму.
Вновь в Воскресенье верится,
Снова бредёшь к Нему.
Бездною растревоженный,
С горя иль сгоряча,
Хочется в невозможное
Если горит свеча.

НОЧЬ И ЗВЁЗДЫ

Ночь и звёзды, чего уже боле,
Над трубой молодая луна.
И по чьей-то неведомой воле
Крепко спит во дворе тишина.

Грёзы сладкие вверх воспарили
Из поникших и тёмных лачуг.
Петухи на насестах застыли
В окружении сонных подруг.

Спит бурёнка в хлеву, спит собака,
Спит антоновка в старом саду.
Спит берёзка на дне буерака,
И камыш в задремавшем пруду.

Лишь луна, потихоньку плутая,
По уснувшим уже небесам,
Полегоньку лучи посылает
Деревенькам, полям и лесам.

Только звёзды, блестя и сверкая,
Неизбывную тайной маня,
Не спеша в этот мир добавляют
Добрых снов, красоты и огня.

ЗА ОКОЛИЦЕЙ

Такая даль, что звон в ушах,
Такой простор, что нет границы.
Лишь слышно: крыльями шуршат
Над миром птицы и зарницы.

Благословленье высотой,
И, будто в детстве, сердце бьётся.
Знакомой песнею простой
Петух далёкий отзовется.

МЫ БРЕДЁМ ПО ИЗВЕЧНОЙ ДОРОГЕ...

И, воспаривши над собой,
Влекомый ветром восходящим.
И воздух, за крылом свистящий,
И неба купол голубой.

Блестит церквушка в стороне,
Где небо сходится с землёю,
Где лес зелёною струёю
Сбегаёт вниз к речной волне.

В кустах укрылись берега, –
Речушка мелкая петляет.
Соломы свежие стога
Янтарным сполохом сияют.

На горке сосны и песок,
И детских сказок отголоски.
Пространство делит на полоски
Сквозь тучки луч наискосок.

Мысль прикоснуться к чистоте
Вновь гонит на поля родные,
Чтоб силы черпать в красоте
Исконных мест глуши России.

Виктор ФРОЛОВ

Виктор Геннадьевич Фролов – прозаик. Родился в 1947 году. Во времена СССР обеспечивал деятельность столичных научных институтов. С началом «перестройки» ушёл в частный сектор, на руководящих должностях участвовал в создании и работе производственной фармацевтической корпорации. В середине 2000-х вернулся на государственную службу, откуда вышел на пенсию.

Автор десяти прозаических книжек, многочисленных публикаций в литературных журналах, альманахах, сборниках, газетах. В 2021 году в издательстве «Российский писатель» вышел трёхтомник его сочинений. Член Правления Союза писателей России и Московской городской организации СПР, советник государственной гражданской службы третьего класса.

Живёт в Москве.

ЛЁХА

Рассказ

Постанывая, Лёха выкарабкался из подпола и уселся перевести дух, свесив ноги в тёмную прохладу лаза. Ещё, как ему казалось, совсем недавно – какой-то годок тому назад, эти семь ступеней самодельной лестницы он одолевал единым махом, без одышки и боли в суставах.

«Да, верно, права Капочка – совсем в тираж выхожу!» – горестно вздохнул и согласно покачал головой, вспомнив услышанные ненароком обидные слова.

...С Капитолиной Петровной, или Капочкой, как за глаза называл он её с первых дней знакомства, их связывали долгие добрососедские отношения. Эта видная молодящаяся женщина появилась на их улице четверть века тому назад, и он, тогда новоиспечённый вдовец на шестом десятке, сразу положил на неё глаз. Вызнать, «кто такая», у соседей по переулку не составило труда – тут каждый на виду.

Многого выяснить не удалось, но то, что рассказали, обнадеживало. До переезда в их городок дамочка проживала в каком-то «закрытом» поселении в Сибири, где работала инженером на вредном производстве. Потому рано вышла на пенсию и вскоре перебралась сюда к сыну, которого вырастил и воспитал без её участия отец, служивший в здешнем арсенале. Почему так сложилось, никто наверняка не знал. Предположения бытовали разные, одним словом, кто на что горазд.

Что до Лёхи, то ему пришлась по душе версия, предложенная Валентиной, ближайшей соседкой и доверенной подругой Капочки, какой она сделалась вскоре после знакомства этих во всех отношениях достойных дам.

Так вот, согласно толкованию подруги, едва вступавшей во взрослую жизнь, Капе на танцевальном вечере в доме культуры приглянулся командированный в составе группы военно-сбороч-

ной бригады молоденький офицер в звании лейтенанта, пригласивший её на вальс. Под воздействием быстрых танцев, дурманящей нежности рук и горящих глаз статного кавалера у неопытной и излишне доверчивой девушки закружилась голова. Сама толком не сознавая, как оно вышло, после выпитого в номере служебной гостиницы бокала «Шампанского», Капа расслабилась и не воспрепятствовала натиску молодого человека. Результатом её безрассудной покладистости явились беременность и рождение сына, которого девушка, по требованию родителей, всплакнув, оставила в больнице при выписке из родильного отделения. Отец же ребёнка проявил себя человеком чести. Получив дошедшее кружным путём известие о случившемся, приехал свататься, но получил «от ворот поворот»: его личность не вписывалась в планы непростого по меркам городка сообщества родни Капитолины. Оформив необходимые документы, молодой офицер забрал сына и отбыл по месту службы. В дальнейшем ребёнка он растил в одиночку. Привести в дом мачеху отец не решился.

Мальчик подрос, окончил семилетку, затем отделение перевозок и управления движением местного техникума железнодорожного транспорта. В армии отслужил по специальности, а вернувшись, устроился маневровым диспетчером на станцию. С женитьбой не спешил, что тревожило отца, который на себе познал: нельзя мужику одному, неправильно это. Однако жизнь взяла своё, и наконец-то встретилась хорошая девушка-сиротка из своих, деповских. Дело шло к свадьбе, но не срослось. Всё, казалось бы, складывалось ладно, ан, повернулось иначе. Молодой диспетчер крепко повздорил с начальством, перенервничал, и на людях у него случился приступ падучей. Прибывшие по вызову коллег медики определили его в областную больницу, откуда тот вышел с диагнозом, ставившим крест на продолжении работы по профессии, и неблагоприятным прогнозом.

Проживавший по соседству старый заслуженный доктор, прошедший войну, откликнулся на просьбу потрясённого свалившейся на них бедой отца. Вникнув в суть выданных при выписке из стационара документов, он покачал головой и посоветовал набраться мужества. Его мнение совпало с выводами

лечивших молодого человека медиков: следовало готовиться к ускоренному злокачественному течению недуга.

Так ни разу и не навестившая своего суженого невеста за время его болезни куда-то исчезла. По словам подруг, она сочла для себя неподходящим тратить свою молодую жизнь на то, чтобы нянькаться с полоумным, скоренько уволилась из депо и тихо уехала из города.

Отец, к тому времени дослужившийся до майорского чина, вышел на пенсию и все годы, остававшиеся до скоропостижной смерти от сердечного приступа, случившейся в канун празднования пятидесятой годовщины победы над фашистской Германией, сосредоточился на попечении сына. Будто предвидя скорый конец, он отослал в далёкую Сибирь первое и единственное письмо, которым, сухо и деловито обрисовав плачевное состояние здоровья сына, попытался пробудить материнские чувства.

Прониклась ли состраданием Капитолина при известии о болезни её нежеланного отпрыска или с досадой отмахнулась от полученного послания – не ведомо. Факт то, что эта зрелая женщина, так и не присмотревшая достойного спутника жизни, при первой возможности уволилась с непыльной должности инженера-нормировщика в конструкторском бюро, с лёгкостью распорядилась оставшимся от родителей имуществом и объявилась наследницей подворья давно ею забытого, но вдруг напомнившего о своём существовании любовника. Обустроенный быт, как и благоприятный климат Среднего Поволжья, пришлись ей по натуре.

Больного тридцатилетнего сына Капитолина восприняла в качестве обременения к доставшемуся ей хозяйству и, вынужденно общаясь, опасливо наблюдала его с неприязненным любопытством. Освоившись на новом месте, женщина проявила напористость, сдала сына в интернат соответствующего профиля и благополучно о нём забыла.

Как оказалось, поддержание порядка в крепко налаженном хозяйстве отставного майора требовало постоянного рачительного труда и догляда, к чему Капитолина не имела ни склонности, ни навыков. Тут-то она и обратила взор на шустрого

белобрысого мужичка, что, проходя под её окнами, всякий раз сбавлял шаг и глазел в её сторону. На курносом, с приоткрытым щербатым ртом одутловатом лице пьющего человека читались любопытство и желание вступить в общение.

Невзначай Капитолина справилась о незнакомце у соседки Валентины, с которой она вскоре после приезда снизошла до более чем с другими доверительных отношений.

– Да это Лёха! – рада была посудачить на чужой счёт соседка. – Недавно овдовел. Мужик он хоть и не шибко образованный, но умелец. На обувной фабрике работает механиком по оборудованию.

– Выпивоха, должно быть?

– Да, не больно чтоб! Так, выпивает, как все.

– Ну, все-то, допустим, по-разному! Кто по праздникам, а у кого праздники каждый день.

– Нет, Лёха точно не пропойца.

– Считаешь, можно к нему обратиться, по хозяйству помочь?

– Можно, можно! И запросит по-божески.

– А это мы поглядим! Будет за что, можно и заплатить. Как, говоришь, звать-то его? Алексей, а дальше?

– Да кто ж его знает! Все Лёха да Лёха кличут, ему и привычно.

– Как-то неудобно получится – Лёхой звать, как-то странно чужого человека без отчества. Всё-таки не молод уже, лет под семьдесят, должно быть.

– Ошибочка ваша, Капитолина Петровна! – рассмеялась Валентина, – пятьдесят седьмой ему пошёл, верно знаю!

– Вон оно как! Да быстро тут у вас народ изнашивается, – вздохнула Капитолина. – Ладно, пусть тогда Лёхой и ходит!

* * *

Лёха даже встрепенулся всем телом от неожиданности, когда рядом с ним, взвизгнув, растворилась калитка в глухом заборе, и в проёме возникла крупная женская фигура. Подведённые глаза незнакомки на ухоженном, обрамлённом крашеными каштано-

выми локонами лице с лёгким прищуром, изучая, откровенно оценивали его.

– Мужчина, если вы не слишком спешите, можете на минуту задержаться?

Грудной с придыханием голос не вопрошал, а предполагал подчинение. Лёха застыл на месте с вытянувшимся от удивления лицом:

– Это вы мне? – бормотнул он, застыв на месте, и повернулся в сторону говорившей.

– А то кому же ещё, на улице кроме нас с вами никого не видно! – удивилась женщина.

– Вообще-то я на работу, – замялся Лёха. – Но на минутку, это всегда пожалуйста.

Ответил, и сам удивившись охватившей его робости, на пару шагов осторожно приблизился к калитке.

– Я ваша новая соседка. Зовут меня Капитолина Петровна, – представилась женщина. – Вам же, как мне объяснили, привычнее, когда вас именуют Лёхой. Так ведь?

– Да видите, сызмальства так пошло, – приняля почему-то оправдываться мужчина.

– Пошло, так пошло! Не станем рушить традицию. Я, собственно, вот о чём с вами хотела поговорить. Живу, как вы, возможно, заметили, одна. Потому время от времени мне необходима помощь по хозяйству. Приглашать кого попало мне бы не хотелось, а вас рекомендовали как народного умельца, будто бы вы на все руки мастер.

– Кой в чём кумекаю, это верно!

– Ну и прекрасно. Надеюсь, Лёха, вы не откажете мне в помощи!

Имя собеседника женщина как-то по-особенному выделила голосом, произнеся напевно, с растянутой «х», чуть ли не по слогам. Лёха аж зажмурился от блаженства, ладно не заурчал по-кошачьи! А Капитолина Петровна продолжила:

– Завтра – суббота, день, по всей видимости, у вас выходной. Мне бы хотелось, чтобы вы пришли и посмотрели водопровод. Трубы местами подтекают, непорядок.

– Может, на денёк отложим? У меня там на завтра кое-какая халтурка, в общем, нарисовалась, – замылся Лёха.

– Нет, мне надо завтра, – обидчиво надула губки женщина. – В воскресенье Валентина проводит меня в церковь, мы с ней заранее условились. После похода отдохнуть надо будет.

– Ладно, приду, – обречённо вздохнул Лёха.

Вечером Капитолина Петровна рассказала соседке об успешно проведённых переговорах с мастером.

– Завтра же явится мне водопровод чинить!

– Эх ты, умеете же вы, Капитолина Петровна, людей приваждать! Кому бы другому, верно, отказал бы. Мне тут Комиссариха сказала, Лёха назавтра подрядился им двигатель мотоблока перебрать. На фабрике-то жалованье задерживают, а тут такая оказия подвернулась хорошо заработать.

– А, не беда, в другой раз своё возьмёт, – с лёгкостью отмахнулась Капитолина Петровна от чужой заботы.

* * *

Раз, другой пришёл Лёха на зов властной соседки. То в одном, то в ином деле помогал устранить огрехи. Старался выполнить задачу не просто на совесть, а ещё и с превышением. На вопрос: «чем обязана?» запрашивал лишь символическую плату, на пиво или сигареты. Хозяйка, про себя усмехаясь, отсчитывала положенное и лишь приговаривала, расплачиваясь:

– Как скажешь, голубчик.

А «голубчик» уже перестал дожидаться очередного приглашения, а и сам улучал минутку в выходные дни либо мимоходом, возвращаясь с работы, навестить «Капочку», справиться, нет ли ему каких поручений. Ей же частые визиты мастеровитого общительного соседа не были в тягость. Пржнее его стеснение в её присутствии осталось в прошлом. Лёха оказался не болтливый, но толковый собеседником и забавным рассказчиком. Судя по высказываниям, читал он много, бессистемно, не

всегда верно истолковывая содержание. Оттого речи его порой поражали наивной, но потешной фантазмагоричностью.

Если хозяйка о деталях своей биографии предпочитала не распространяться, осведомляя как бы к слову, по необходимости, скупое, дозировано, то мужчина делился сокровенным без оглядки, с какой-то простосердечной радостью. По всему было видать, долгое время недоставало ему достойного наперсника, готового выслушать, понять, посочувствовать. Если дело было вечером, Капитолина Петровна ставила чай. Когда позволяла погода, они усаживались за столик на вымощенной площадке двора у крыльца. В ненастье вели разговоры на кухне.

Женщина всё о Лёхе уже знала. Как в сорок первом полтора лет отроду привезла его сюда, к дальним родственникам, тётка, материна сестра, в эвакуацию из Ленинграда. Отец воевал, а мать служила в одном из госпиталей осаждённого города. Как получили они одну за другой весточки о гибели родителей. О том, что тётка до последнего вздоха мечтала вернуться в родительский дом, но всегда что-то мешало: сперва не могла собрать необходимые средства на дорогу, потом подкачало здоровье, а в довершение всего, списавшись с выжившей в блокадное время подружкой, узнала, что и дома-то родного нет – разрушен бомбой.

Оставшись здесь, в городе, обзавелись каким-никаким хозяйством. Лёха окончил десятилетку, но учиться дальше не вышло: тётка слегла, понадобился уход. Куда тут денешься, пошёл работать. Освоил профессию наладчика, так этим делом и занимается по сей день.

Помявшись, всё-таки дал честный ответ как-то поинтересовавшейся «Капочки», отчего же он не служил в армии. Признался, что виной тому зависть к соседским ребятишкам, зимой отважно скатывавшимся на лыжах с высоченных горок. Раз отчаялся, выбрал не самый крутой склон и сиганул вниз. На его беду, накатанная лыжня вела к искусственному, из плотного снега, трамплину, прыжок с которого другим, более опытным лыжникам, добавлял лишь азарта. Неумеха упал, ударился спиной, в результате чего впоследствии развилось едва заметное в

повседневной жизни, но очевидное при медицинском осмотре увечье. К строевой службе был признан негодным.

Когда подошло время – женился. Дочка родилась. После школы девушка уехала учиться в Ульяновск и там у материнской родни осталась насовсем. Пока оба родителя были живы, какое-то общение с ними поддерживала. После смерти матери хорошо если раз в год письмоцо коротенькое черкнёт.

– Покойно с тобой, Лёха, – призналась как-то Капитолина Петровна в первые годы их знакомства. – Живу теперь, забот не знаю. И не пристаёшь, что тоже радует, – добавила она, вроде как для себя.

Лёха, глубоко вздохнув, повёл плечами, что могло бы означать: «рад бы в рай, да..., или «всяк сверчок знай свой шесток!» – да только поди, разбери, что у мужика на уме!

* * *

Четверть века – не шутка! Знакомцы, тесно общающиеся между собой столь длительный срок, вправе числить друг друга едва ли не родственниками. Именно с такими чувствами Лёха и относился к Капитолине Петровне. Конечно, ни о какой плате за помощь по хозяйству между ними давно не было и речи.

Шли годы, и вечерние их посиделки выдавались всё реже и реже. Мужчина винил в причинах этого на самом-то деле объективного процесса лишь себя самого. С закрытием обувной фабрики ему, пенсионеру, не стало нужды ежедневно проходить дважды в день мимо по-прежнему манящего Капочкиного подворья. Да и рутинные дела по собственному хозяйству почему-то стали отнимать всё больше времени. Много чего такого наметишь, суетишься, а глядишь – уже смеркается, а и половины задуманного не исполнил. Сама же мысль о жизни без повседневных забот была противна его существу.

Как-то, возвращаясь пригородным поездом из областного центра, куда ездил по направлению местного фельдшера на осмотр кардиологом, Лёха подобрал кем-то забытую газету «Сад и огород». Увлёкшись содержанием, набрёл на большой

материал о целебных свойствах аронии черноплодной, в повседневном обиходе «черноплодке». Следуя советам, посадил два куста. Сознывая, что сил на полноценное ведение приусадебного хозяйства становится всё меньше, он ежегодно по весне сокращал посадки. Плодовые деревья вырубал, а огород в конце концов забросил окончательно. Но кусты черноплодки берёг и плоды рачительно использовал, опять-таки по газетным рецептам.

В первую субботу августа жители отмечали традиционный День города. Праздник начинался с утра официозом на центральной площади перед парадным подъездом здания администрации, а завершался уже при наступлении темноты фейерверком и молодёжной дискотекой. Лёха не любил шумных сборищ, но в этот день, который давал приятную возможность случайно столкнуться на улице со старыми знакомыми, о ком и думать забыл, непременно бродил по центральному району. Едва начинало смеркаться, он поспешал к себе на окраинную улицу, подальше от ожидаемого вскоре грохота петард и ракет. При этих звуках ему всегда вспоминался эвакуационный поезд, попавший под бомбёжку, мерещились крики испуганных людей, а по спине пробегал холодок и хотелось, как тогда, зарыться головой в спасительный тёткин подол.

Оставив позади неутомимый в праздновании центр города, Лёха с облегчением окунулся в безмятежную тишину опустевшей в этот вечер родной окраины. Проходя мимо Капочкиных ворот, он услышал за забором голоса и невольно прислушался, замедлив шаг. Было понятно, что Капитолина Петровна что-то горячо обсуждает с Валентиной.

«Пускай себе поворкуют», – дружелюбно подумал он и отправился было дальше, но долетевшая до слуха фраза больно цапнула его.

– Нет, с этим надо что-то делать. Совсем Лёха дряхлым стал! Следует прекратить с ним всякие отношения, пока не поздно. А то сляжет совсем, и нянчись с ним тогда. А кто он мне – да никто, так, случайный старикашка.

– Да как же это, – в вечерней тишине было слышно, как Валентина всплеснула руками, – он же к вам с открытой душой!
– Именно так, а не иначе! Чужая же душа – потёмки, – отрезала Капочка, ставя точку в разговоре.

* * *

Опустив крышку своего подземного хранилища, Лёха вышел из дома. Он по привычке направился было к калитке, но обречённо махнул рукой и, опираясь на палку, побрёл к обрыву, служившему естественной границей его участка. Там, у разросшегося на самом краю куста бузины, пока был в силах, он соорудил будку с широким окном, глядящим на раскинувшиеся в подгорье вишнёвые сады, на то тут, то там проглядывающие среди густой растительности разномастные крыши строений. За садами несла свои нескончаемые воды некогда судоходная река, ныне, как и вся жизнь в государстве, сильно обмелевшая. На противоположном, низменном берегу, некогда пустынным, служившем по весне приютом для кибиток и костров кочевых цыган, ныне красуется ставший национальным парком рукотворный лес, радующий глаз буйством зелени.

Это своё потаённое убежище Лёха, никогда не ходивший в плаванье, именовал «капитанским мостиком». Там, на столе перед окном, всегда лежали наготове толстая тетрадь для заметок, чистые листы бумаги и письменные принадлежности. Лёха любил размышлять, созерцая открывающийся вид, а показавшиеся интересными наблюдения, как и приходящие в голову мысли, заносил в тетрадь.

Теперь же он взялся за письмо к дочери.

«Здравствуй единственная моя доченька Ляля! Живу себе помаленьку, скриплю, с хозяйством кое-как управляюсь. Вот нынче заложил в подпол на выдержку винцо из черноплодки. Настаиваться ему предстоит долго, аж шесть годков. Уж таким рецептом приготовления поделился со мной один добрый человек на базаре, дай ему Бог здоровья! Мне-то, видать, попробовать не доведётся – не дотянет твой папка до срока, когда

оно созреет. Да пора уже и честь знать! Чать вспомните меня добрым словом, когда пробу снимать станете. А бутылочку отнеси, не поленись, от моего имени женщине одной. Живёт она на нашей улице, звать Капитолиной Петровной. Да тебе любой сосед покажет её дом...».

Тут отвлёк его, заставил отложить перо протяжный гудок тепловоза, подходящего к реке. Последнее время не часто такое случалось, потому Лёха всё своё внимание обратил на товарный состав, прогромыхавший по мосту в сторону станции.

Решив, что завершить письмо можно и позже, старый человек устало оперся спиной о стену будки, да так и застыл надолго, безотчётно следя глазами за непоседливой стайкой птиц, перелетающей с места на место над кронами деревьев за рекой. Беззвучные слезинки прокладывали извилистые русла по его небритым морщинистым щекам.

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – поэт. Член МГО СП России. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже». Живёт в Москве.

НАУЧИ ПОКАЯНИЮ, ГОСПОДИ...

* * *

Дождусь ли вновь авиарейса
До Кёркиры? Опять в страну,
Где с морем днём на солнце грелся,
Где с ночи, проводив луну,
К заутрене петлял до храма
По лабиринту мостовых.
Когда в тупик вела реклама,
Шёл, веря житиям святых.
И по молитвам Спиридона,
Когда святого навещал,
Душа пасхальным перезвоном
Парила, пав к его мощам.

* * *

Мне с Павелецкого вокзала
Плацкартных парочку ночей
До речки Псоу, что связала
Меня с Абхазией твоей.

Ты уроженка знойной флоры,
А я амурский водохлёб.
С тобою море, солнце, горы...
Мне пресная среда амёб

Дарила радости попроще,
И благодарен я тебе,
Что эвкалиптовые рощи
Случились и в моей судьбе.

Что в келье Симона молился,
Что и святым местам Камана
Намедни снова поклонился,
Что горного хлебнул тумана,

Что к башне Иверской дорога
Меня не выбила из сил,
И камни крепости здесь трогал
И Богородицу просил

Благословить, чтоб не утратил,
Не променял креста любви.
Благослови мя, Божья Мать,
Благослови, благослови.

* * *

Радужным пёсьим лаем
Гостей встречает двор,
И петушиным раем,
И панорамой гор,

Гирляндами, что свиты
Из виноградных лоз,
И кактусом небритым
В слезах вечерних рос,

Проявленной картиной –
Сиянием луны,
И звёздной паутиной
В капканах тишины...

Подрагивает веко
Во сне, когда не спишь:
Течёт по небу млеко
В селении Дурыш.

* * *

Где в синей колыбели
Мерцание лампад,
Ночного зноя трели
Сверчка или цикад,
Серьгой на кипарисе
Рождение луны,
Котом с повадкой рыси
Все норы сочтены,
Там в кляксах виноградин
Уснул абхазский двор...
И дождик из Багдади
Подкрался, словно вор.

* * *

Всё чаще, кажется, дрожит
Из-за меня в потёмках ночи
Звезда, чья жизнь моей короче,
Коль ею день не дорожит.

Всё чаще, кажется, на мне
Вина её исчезновенья,
Когда последнее свечение
Звезды погашено в окне.

Всё чаще, кажется, не спит
Медведица в берлоге ночи
Из-за меня, чья жизнь короче,
Пока рассвет не предстоит.

* * *

На вахте задремав, луна
С утра смущает пешехода,
На синей деке небосвода
Вибрирует, как бас-струна,
След самолёта, что посмел
Скитаться светлячком по свету..
– Не сам Всевышний ли, взяв мел,
Добавил штрих к автопортрету?
На всём Всевышнего рука:
В траве –
 вот серьги земляники,
Вот брачный танец паучка,
Вот Крест плывёт на облака..
И в храме Мати Божьей лики
Скорбят о нас через века.

ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

Петровский парк. Бомжи и птицы,
Тюльпаны, стриженный газон,
Фанаты, конная милиция –
Пока футбольный здесь сезон.

Петровский парк живёт иначе
Зимой, когда прозрачный лес
За дымкой облаков не прячет
Проталины седых небес.

Февраль. На сквозняке собачьем
В Петровском парке здешний пёс
Меня на пряник раскулачит,
Коль слаще снеди не принёс.

На теньях парка обозначит
Март сухожилия берёз.
Суставы ли к погоде плачут?
Капель роняет капли слёз.

В апреле лес ещё прозрачен.
В Петровском парке рдеет храм,
Где встречу мне Господь назначил,
Где припаду к Его стопам.

* * *

Научи покаянию, Господи.
Сколько раз обещался Тебе
Не жалеть о рублях, что на площади
Возле церкви дарил голытьбе.

Научи покаянию, Господи.
Разве это у храма не я
Бил поклоны украдкой на площади,
Чтоб меня не чурались друзья?

Научи покаянию, Господи.
Не стеснялся ль родного двора?
Не дружил ли с манерами площади,
Благородству поверив вора?

Научи покаянию, Господи.
Страх, с которым не ведал, как быть,
Когда видел, как женщину с площади
Жадно били, смогу ли забыть?

Научи покаянию, Господи.
Претерпел ли не Ты на Кресте,
Чтобы нищенку ту, что на площади,
Полюбил как сестру во Христе?

Научи покаянию, Господи.
Сколько раз обещался зайти
На всенóщницу в церковь на площади,
Что была у меня на пути.

* * *

Читаю Библию как будто по складам.
Здесь в родословной на себя увидел,
Что у отца по имени Адам
Сын брата своего возненавидел.

Добравшись до истоков той строки,
Где был исход еврейского народа
От берегов египетской реки,
Иду за Моисеем больше года.

С дороги, что осият сорок лет,
Дай веры, Господи, не отлучиться,
Пока ещё механика планет
За братьев дарит время помолиться.

* * *

Не то что год, не то чтобы полгода –
Хотя бы месяц без ненастных дней,
Домашними, как в новостях погода,
Обыденными ставших для людей.

Всё чаще время – только ли в столице?! –
Поникших триколоров на Руси.
Так, Господи. Мы под Твоей десницей.
По вере с нас, не по грехам спроси.

Так, Господи. Когда от года к году,
Опасливый до супостатных дней,
Жду, ёжась, как ненастную погоду,
Всё чаще их на Родине моей.

* * *

Апрельским утречком в лесу
Прохлада солнечна. Приятно
Щекой с ветвей стряхнуть росу,
Когда всё близко и понятно:
...И переключка певчих стай.
...Румянец бархатных полянок.
...И шевеление куста,
Где промышляет спозаранок
Напомнивший скворца мне дрозд.
...Стволы, влажнеющие соком,
В прозрачных платьлицах берёз.
...Всегда зелёная сосна.

Да, всюду вечная весна
С её недолговечным сроком.

* * *

Всегда бы так,
как лес вечерний
сегодня.
Тихо и тепло.
Туман берёзовый
лечебный...
Ну разве мне
не повезло,
что Бог
Россию нам придумал,

что Богом
на Руси храним,
что русским быть не передумал,
хотя примерами томим
стеснявшихся гражданством лиц,
до западных охочих Ницц
и всяческих там заграниц.
Что русским
Бог меня управил,
не хвастал бы,
коль на мели,
когда б не игроки без правил
на русском поле счёт вели.

* * *

Там, где солнца луч не трогал
Льда на мартовской воде,
Коченела утка-огарь
В неоттаявшей среде.

На часах с ней возле птицу,
Ту, что ей была родня,
Я Страстную всю седмицу
Навещал день ото дня.

И казалось – что за дело
Мне до огарёвых драм?
Их любовь меня задела
Дружбой, что не снилась нам.

Этой верности учиться
Не мешало бы и мне,
Может всякое случиться
В непогоду по весне,

* * *

*Огради мя, Господи, силою Честного
и Животворящего Твоего Креста, и со-
храни мя от всякого зла.*

Молитва

Много ли мне надо? Ручка да бумага,
Да в щепотку сложенных три моих перста,
Да нательный образ, Господи, Честного
И Животворящего Твоего Креста.

Чтоб не напугала в городе дворяга,
Чтоб не убоился на селе куста,
Огради мя, господи, силою Честного
И Животворящего Твоего Креста.

Чтобы не отстала от меня отвага
В поле у висячего над Протвой моста,
Ни на час, ни на день, а не то что на год,
Мне не расставаться бы с именем Христа.

Огради мя, Господи, силою Честного
И Животворящего Твоего Креста.
Много ли мне надо? Ручка да бумага,
Да в щепотку сложенных три моих перста.

Анатолий ПУКЛИЧ

Анатолий Анатольевич Пуклич – прозаик. Полковник запаса. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Член Союза писателей России. Родился в 1958 г. в Каменец-Подольском, Хмельницкой области, УССР. В 1975 году окончил среднюю школу № 13 в г. Каменец-Подольский. Трудовую деятельность начал на заводе «Электроприбор» в г. Каменец-Подольский. В 1976 году призван на срочную службу в ряды Советской Армии. После окончания Львовского высшего военно-политического училища службу проходил в ракетных войсках стратегического назначения: начальником клуба войсковой части, начальником клуба управления соединения, старшим инструктором по культурно-массовой работе политического отдела соединения, начальником Офицерского клуба гарнизона, заместителем начальника Дома офицеров гарнизона, начальником Дома офицеров гарнизона. Завершив учёбу в Гуманитарной академии Вооружённых Сил, проходил службу: старшим офицером отдела воспитательной работы объединения, начальником группы воспитания и культуры управления воспитательной работы Сухопутных войск, заместителем начальника отдела культуры Главного управления воспитательной работы Вооружённых Сил Российской Федерации. После увольнения в 2014 году из рядов Вооружённых Сил Российской Федерации работает заместителем начальника федерального государственного бюджетного учреждения культуры и искусства «Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе» Министерства обороны Российской Федерации.

Живёт в Москве.

РЫЖИЙ ВОР-СПАСИТЕЛЬ

Рассказ

– Да что же это в мире деется?! – вскрикнул хозяин деревенского дома Николай Героньевич, когда заглянул в чугунок, стоящий на печи, в котором должен был вариться кусок сала для будущего наваристого борща.

Перед этим он отлучился на пять минут, зайдя в светлицу, чтобы принять подарки от приехавшей из города дочери: лакомства для внучат, продукты и другие необходимые в дачном доме вещи.

Всего пять минут, – а сала нет!!! Нарезанные им лук и капуста, морковь и свёкла, и недочищенный картофель – лежали на кухонном столе нетронутыми, а сало из чугунка пропало!

Выйдя во двор к колодцу за свежей водой, хозяин заметил, что пёс Пушок и кот Рыжий смачно облизывают свои лоснящиеся от жира морды, виновато поглядывая на хозяина, один – из собачьей будки, а другой – сидя на яблоне. Николай Героньевич догадался, куда делось сало. Выругавшись своим фирменным выражением: «Вот скотыня безрога!», он позвал дочь и в красках начал объяснять ей, куда делось сало и что сделает вору, когда его поймают.

Чуть успокоившись, он вспомнил, как пару лет назад, после ухода на пенсию, приобрёл в ближайшем пригороде старинного и легендарного города Каменец-Подольский жилой дом с хозяйственными постройками, колодцем и участком земли. На участке был ухоженный сад и огород. По новой моде своё приобретение он назвал дачей. А так как его детство прошло в селе, то работать на земле не пришлось учиться. До этого Николай Героньевич, начиная с пятнадцати лет, с зимы победного 1945-го года, полвека отработал в «горячем» литейном цехе завода твёрдосплавных инструментов, где отливал корпуса снарядов и для фронта, и для армии мирного времени.

Первой живностью, которая появилась на даче, стали кот Рыжий и пёс Пушок. Появились они одновременно и крепко

подружились. Даже кушали с одной миски, а когда одного из них кто-то угощал вкусностями, то они по-братски делились друг с другом. Пушок ревностно охранял участок. А Рыжий выявлял и уничтожал мышей, совершавших набеги на дачу. Он так преуспел в кошачьей охоте, что со временем даже стал грозой местных крыс, которые изредка пробирались на дачу.

Затем Николай Героньевич приобрел милого розово-чёрного поросёночка Ваську из породы «крупная чёрная». Ваську, как и других обитателей дачи, кормили от пуза. Со временем он превратился в гиганта свинячьего мира, весом более трёх центнеров. Когда хозяин убирал сарай, где обитал Васька, то выпускал его во двор погулять. И тут проявлялась вся свинячья натура хряка.

Он подходил к собачьей будке и без зазрения животной совести съедал всё, что было в собачьей миске. Во время пиратского захвата еды Пушок забивался глубоко в свою конуру и жалобно скулил, как бы жалуясь хозяину на свинячий беспредел. А его друг Рыжий сидел на сливе для стока дождевых вод и злобно шипел на агрессора. Но это никак не влияло на поведение Васьки. Доев собачью еду, он принимался за куриную, благо, Героньевич содержал ещё и кур, а затем ел всё, что находил во дворе дачи. Уничтожив все съестные запасы, он, прижавшись к углу сарая и похрюкивая, начинал чесаться. Чесался так, что сарай ходил ходуном. И хозяин вынужден был прерывать свою работу и отгонять великана от сарая. Чтобы тот его не завалил.

Кот Рыжий был не только умён, но и справедлив! Он дико бесился, когда хозяйские «деликатесы», положенные ему и псу Пушку, сжирал ненастный хряк Васька. Вот тут-то в его котячьей башке, видимо, инстинктивно и родилась мысль решить вопрос с вкусняшками самостоятельно, раз уж хозяин не смог управиться со свинской агрессией.

В тот момент, когда хозяин вышел в светлицу, чтобы с дочкой разбирать гостинцы, Рыжий вскочил на печь, сдвинул лапой крышку и подцепив когтями сало, вытащил его из закипающего чугунка, намертво закусил деликатес в зубах и стремглав бросился в собачью будку к Пушку. В жилище друга они по-братски

поделили и съели добычу. А затем стали ждать реакции хозяев на их выходку. Конечно, реакция не заставила себя долго ждать, и кот длительное время не появлялся в доме, как будто ведал про народную поговорку «Знает плут, чьё сало съел», да и боялся очередного нагоняя от хозяина.

Прошло немного времени, и однажды ранним утром хозяин увидел у порога «кошачьи трофеи»: средних размеров крысу и четыре мыши. Они были уложены в рядок. Николай Героньевич оглянулся и увидел, что Рыжий сидит на своей любимой яблоне и внимательно наблюдает за ним, медленно виляя роскошным огненным хвостом. «Что? Заглаживаешь вину, воруяга?! Смотри у меня!» – беззлобно пробурчал хозяин. Кот понял, что до прощенья остался один шаг, и мелодично замурлыкал. Вскоре Рыжий был прощён. И жизнь пошла своим чередом.

Через пару недель дочь снова привезла на дачу различные продукты, среди которых была и любимая в семье варёная колбаса «Докторская». Как всегда, она разобрала продукты по полочкам, а колбасу уложила в кастрюлю и прикрыла крышкой. Управившись с привезённым провиантом, она пошла помогать родителям на огород.

Подошёл час обеда и Зинаида Ивановна – супруга Николая Героньевича – пошла накрывать на стол. Ко всем приготовленным блюдам осталось добавить всеми любимые бутерброды с колбасой. Однако, в условленном месте, где хранилась колбаса, её не оказалось. Крышка от кастрюли валялась на полу, а от вожденной «Докторской» и след простыл.

Зинаида Ивановна вышла во двор и увидела уже знакомую картину: Пушок, облизываясь, лежал перед своей будкой, а Рыжий, сидел на любимой яблоне и, как всегда в случае воровства вкуسنостей, виновато смотрел на хозяев.

«Вот воруяга...» – проворчала мать. Но делать было нечего, колбасу не вернёшь. Так что обедать пришлось без «Докторской».

Этот случай подтвердил опасения хозяина, что в его окружении появился настоящий матерый вор-разбойник. И воругой был безобидный и ласковый кот Рыжий.

Порою кот исчезал из дома на несколько дней, затем неожиданно появлялся, а хозяева наблюдали знакомую картину: у порога лежат «кошачьи трофеи», а виновник внимательно наблюдает с яблони и ждёт, когда ему можно вернуться домой, получив очередное прощение.

Теперь хозяева точно знали: если пропало что-то вкусное из съестных запасов – это работа Рыжего. Пришлось принять экстраординарные меры по сбережению продуктов от бесстыжего кота.

Вначале Рыжий явно грустил, особенно, когда хряк Васька внаглую объедал друзей. Но изощрённый ум и лисья хитрость Рыжего (в деревне соседи позднее называли его лисом за огненно-рыжий окрас и редкостное коварство) толкнули кота на скользкую дорожку разбоя и убийств.

Он начал таскать соседских цыплят, утят и другую мелкую живность, а затем, напрочь потеряв кошачью совесть, стал приносить вкусности из кухонь и погребов соседей. За эти проделки ему постоянно доставалось «на орехи» от окружающих, и однажды Рыжий пропал... Его долго искали хозяева, но безрезультатно. Скорее всего, кто-то из пострадавших исполнил своё агрессивное обещание – силой прекратить «кошачий беспредел».

Из всей живности дачи больше всего за Рыжим тосковал Пушок. В одночасье он лишился не только преданного и верного друга, но и главного поставщика всяческих деликатесов.

Но через несколько дней после исчезновения кота Пушок стал скулить, метаться по двору с такой силой, что порвал цепь и, схватив Николая Героньевича зубами за штанину, поволок его к калитке. Хозяин сильно удивился, но намотав цепь на руку, пошёл вслед за псом. В метрах пятистах от дома пёс громко залаял и рванул в сторону канавы. Героньевич отпустил цепь, и через минуту появился Пушок, который тащил Рыжего, схватив того зубами за загривок.

Дней за десять Рыжий, которого лечила вся семья, оклемался. Но характер его серьёзно изменился. Он перестал воровать продукты, а в гневе, когда хряк Васька лез в псиную миску,

даже запрыгивал ему на спину, пытаясь царапать и кусать наглуую свинью. Николай Героньевич тоже теперь старался не выпускать из сарая Ваську, пока Пушок и Рыжий не окончат свою трапезу.

Ну, а судьба Васьки была обычной для хрюшек: под Рождество его закололи... Пушок и Рыжий тоже испробовали свежей свинины.

Предстоящей весной Героньевич запланировал купить нового поросёнка на откорм...

Инеcса ИЛЬИНА-ФЁДОРОВА

Инеcса Яшиновна Ильина-Фёдорова – поэт, прозаик, член МГО СП России с 2010 г., член Академии Российской Литературы с 2013 г. Родилась в Москве, в Сокольниках. Окончила ГИТИС им. А.В. Луначарского, актриса театра и эстрады. Стихи пишет с детства. Автор книг поэзии и прозы: «И оживёт мой сон», «Маски», «Сны о Лемурии», «Сказки из бабушкиного сундука», «Воплощение XX-XXI», «От рая до края». Публикуется в журналах: «Великороссъ», «Московский Вестник», «Московский Парнас», в газете «Московский Литератор» МГО СП России и в других периодических изданиях. Лауреат и дипломант ряда литературно-общественных премий, в т.ч. «Форпост», «Филантроп», «Дельтаплан», «Лучшая книга». Лауреат премии им. Шарля Перро МГО СП России за книгу «Сказки из бабушкиного сундука», с вручением именной статуэтки. Отмечена многими орденами и медалями Союза писателей России и других организаций, в т.ч. орден «За вклад в литературу России XXI века» МГО СПР.

Живёт в Москве.

УЧУСЬ ЛЮБИТЬ, ПРОЩАТЬ, ТЕРПЕТЬ...

АПРЕЛЬСКОЕ

В час, когда пьянеют нарциссы...

А. Блок

Золотом нарциссовым слепящее,
Брызжет солнце радостный апрель.
Кажется беда – не настоящая,
Заглушает взрывы птичья трель.

Соки жизни в недрах просыпаются,
Из земли уходит зимний хлад,
И травинки к свету пробиваются –
Для цветенья нет пути назад.

Может, солнца свет цветком нарциссовым
Тьму рассеет, победит врагов?
Молодой апрель судом Парисовым
Первенство Весне отдать готов.

Словно по закону бесконечности,
Вызревает век от века вновь
«Яблоко раздора», дань беспечности,
Милые воюют за любовь.

И пока апрель слепит нарциссами,
Пряча под цветеньем боль земли,
Будут волки претворяться лисами,
Будут глеть сожжённые угли.

ЧУЖЕСТРАННОЕ

*Я стою как перед вечною загадкою,
Пред великою да сказочной странюю...*

Вл. Высоцкий

Наше северное небо
Не согреет чужестранца.
Может, быть, а может, небыль –
Я не знаю, но остался
В древней памяти былинной
Терпкий запах померанца.

Под холодным серым небом
Птицы вестие летают.
Не одним насущным хлебом
Люди счастье добывают.

В жарких странах за морями,
Под чужими небесами,
В дни печали и упадка
Может жизнь казаться сладкой.

Померанцевым настоем
Опьянит вино сухое,
И опустится на плечи
Подмосковный тихий вечер...

Ностальгии чужестранца
Наше небо не поможет,
Не согреет чужестранку
Наше солнце спозаранку.

Мы взрослеем, как умеем,
Жизнь ведёт дорогой длинной.
О прошедшем не жалею
В нашей памяти старинной.
Лишь плывёт печаль по небу
Узким клином журавлиным.

ТАК БЫВАЕТ

Так бывает: морозной порою
Вдруг привидятся жаркие страны,
И захочется чайкой морскою
Улететь за моря-океаны...

Вспоминая заморские дали,
Не спеши иностранкою стать.
Сад Эдемский излечит печали,
Но не сможет забвения дать.

Не раскачивай лодку удачи,
По нехоженным тропам не плачь,
По увиденным странам, тем паче,
Не грусти, память друг – не палач!

Журавлям за границею тесно,
Сколько песен весёлых ни пой,
Но вино прошлогоднее пресно,
Ностальгически тянет домой.

Ты совсем не пророк, не мессия,
Новых истин тебе не открыть,
Но глубинное слово «Россия»,
В самой райской стране не забыть.

СТИХИ КАК ПТИЦЫ

Птиц приручённых в небо отпускать...
Моя судьба, как раненая птица,
Единственна и вновь не повторится.
Другая жизнь завертит время вспять.

Уже не я. Но вот моя тетрадь,
И новые птенцы, вскормлёны хлебом,
Следят с тоской за недоступным небом,
Стремятся ввысь, чтоб падать и взлетать.

Стихи мои, пернатые птенцы,
Я вам дарю и крылья, и венцы,
Не бойтесь коршунов, живите в небесах,
Гоните прочь сомнения и страх,

Во мне живущий – следствие ошибок,
Весь опыт свой в рифмованных словах
Передаю вам. Путь тернист и зыбок.

Не все слова рифмуются в стихи,
Иные превращаются в стихии,
Бурлят и мучают в года лихие,
И отпускают на земле грехи.

ЖЕМЧУГА ДУШИ

Я жемчуг сыпала в болото,
Поверив в сказочную чушь,
Что красота спасёт кого-то,
И станет раем эта глушь.

И жемчуг сыпался послушно
Слезами ангела в ночи,
Взирали жабы равнодушно,
И филин ухал, хоть кричи.

Жемчужины в грязи мерцали,
Не оценённые зверьём,
И свет прощальный звёздам слали:
«О, неужели мы умрём?!»

Тонули, в тину погружались
Среди гнилушек и коряг,
И удивлялись, удивлялись:
«За что нас так? За что нас так?».

Не сыпьте в пустоту напрасно
Вы жемчуга своей души,
Пусть даже кажется прекрасным
Болото, спящее в глуши.

К МАМЕ

Я приеду сегодня к маме.
Она далеко: не близко – не высоко,
За неприступными стенами.
Я приеду сегодня к маме.

Скажут стены: «Привет! Не ждали!
Где твои голубые дали?»
Я поплачусь: «Вдали... отняли...
Не враги и не вороги – время!»

На душе – неподъёмное бремя...
«Мама, где ты, меня не помнишь?»
Не прошу у тебя прощенья,
Ни обиды, ни возмущенья»...

Жизнь обманывает, обещает,
Продаёт руками живущих.
Где же ты, Господь всемогущий?!
Там, где близкие отнимают,

Предают, когда обнимают,
И надежду дают живущим...
«Мама, где ты? В твоём сознание
Безысходное ожидание,

Исчезающее у двери,
Стерегущей твои потери...
Разум твой свечой догорает,
Подсознание, то, что знает,

Но молчит, охраняя тайну –
Духовник, души покаянье».
О, смятение ума и духа!
О, обман ощущений и слуха!

Не перечь суете словесной,
Чуть заметной стезе небесной...
Я приеду сегодня к маме,
Она ждет меня... за стенами.

ТЫ МЕНЯ НЕ КОРИ

Ты меня не кори за обыденный слог,
За вниманье к деталям ненужным.
Только виден на пряже любой узелок,
Словно правда, выходит наружу.

Эта песня, быть может, совсем не нова,
И она не рождается сутки,
Но крылатою птицей трепещут слова,
Убегают мгновенья – минутки.

В эту стужу ненастную зимней порой,
Под покровами ветхого фетра,
Ты мне дверь во Вселенную тихо открой,
Чтоб душа не дрожала от ветра.

Не кори же меня за неправильный слог,
За стремленье к мечте невозможной.
Видно, всё происходит в назначенный срок,
И его избежать невозможно.

ИЮЛЬ

А завтра будет день, июльский день,
И много-много света и тепла.
И нам бродить по улицам не лень,
Поскольку в этом наши все дела.

Безделя летнего желанная пора
Сродни бессонному стоянью под луной.
И по-балетному кружится мошкара,
Мы по Каретному гуляем в летний зной.

Не будет счастью простодушному конца,
Не остановит даже дождик проливной.
В зелёном мареве бульварного кольца
Мы разольёмся акварелью голубой.

На солнце высохнут одежды и цветы
И целый город обойти уже не лень,
В сиянье радости, любви и красоты,
А завтра... завтра будет день, июльский день.

НЕДАЛЕКО ОТ РАЯ

Я всё равно живу в раю!
Пусть негодую и страдаю,
В театр судьбы своей играю
И цепи новые кую.

Так часто, стоя на краю
У самой непроглядной бездны,
Я верую, что не исчезну
И песню допою свою.

Учусь любить, прощать, терпеть,
Слезами горе растворяя,
О недруге своём радеть
Совсем недалеко от рая.

ТВОРЧЕСТВО

О, Творчество! Губительная страсть,
Зараза, эпидемия, напасть.
Из-за тебя душе покоя нет,
Из-за тебя мучителен рассвет.

Вся жизнь твоим огнём опалена:
Дом без тебя не мил, любовь бледна.
Счастливей нет того, кто пьян тобой,
С крылами вдохновенья за спиной.

Вкусить желая всех земных искусств,
Не по земле хожу, а в облаках витаю,
Пишу, играю, создаю, ваяю,
И утопаю в море слов и чувств...

А в небесах немислимо горит,
Сбежавшая с земли, звезда – Лилит!

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Неотвратимо падает звезда,
Сжигая сумрак ночи ярким светом,
И уплывают в Лету города,
Лишь имена оставив в мире этом.

Людская жизнь – мгновенье на земле,
Скользнувшее тропею пилигрима,
Изменчиво, как солнце в сентябре,
Как бурная река, неудержимо.

Наш мрачный век играет страшный фарс,
В любой момент готовый к перемене.
Суровый предводитель – грозный Марс,
А Мир – как гладиатор на арене.

Благообразье маской служит нам –
Под ним легко скрываются пороки,
И всё трудней, по новым временам,
Отслеживать божественные сроки.

**КОГДА-НИБУДЬ,
В ТИШИ БИБЛИОТЕК...**

Настанет день, в тиши библиотек
И нас с тобой когда-нибудь «откроют».
Пусть тот день и за «седьмой горою».
Жесток и страшен двадцать первый век.

Опять воюет мир за миражи.
Порядком правят «кнопочные люди».
И, голову певца, как встарь, на блюде,
Несут тирану слуги и пажи.

Лишь в час затишья, между сном и явью,
Когда спадают чары колдуна,
Опять живёт великая страна,
И души радуются разнотравью,

Весенним запахам и россыпям цветов...
И время, киноленту вспять вращая,
Снимает ложной истины покров,
Украденные жизни возвращая.

Так век пройдёт, коль не взорвётся мир.
И, если человек не отупеет,
К поэзии вернуться он сумеет,
Заполнив рифмами пустой эфир.

И вот тогда, в тиши библиотек,
Проснувшийся потомок нас «откроет»,
Пусть этот день за сто седьмой горою
И безысходен двадцать первый век.

Анна БАРИНОВА

Анна Евгеньевна Баринава – прозаик, публицист. Известна как автор рассказов и очерков, ярко отразивших разлом в общественной и духовной жизни России, произошедший в 90-е годы XX-го столетия, а также фантастической и мистической направленности. Принимает активное участие в издании произведений мировой литературной классики, подготавливая комментарии и вступительные

статьи. В столичных журналах выступает в качестве специалиста-психолога, чутко воспринимающего тревоги и заботы читателей, и отвечает на них своими лаконичными, но всегда содержательными статьями и эссе.

Окончила РГГУ по специальности «семейная конфликтология». Член МГО Союза писателей России, член Союза журналистов России. Руководитель «Международной Ассоциации Независимых Исследователей».

Живёт в Москве.

РУСАЛКА ПОДЗЕМНОЙ РЕКИ

Рассказ

Он шёл по хрусткой бровке подтаявшего наста. Ноги разъезжались, а запас до обрыва был невелик – порядка тридцати сантиметров. «Не ухнуть бы!» – подумал он, придерживая болтающийся на шее «Марк-2». Пару дней назад Кристина объявила его гениальным фотографом и торжественно вручила давно валяющийся у неё без дела фотоаппарат. Снимать он не любил. Он практически вообще ничего делать не любил. Ему нравилось мечтать, и чтобы его не трогали. Прогулка по парку с фотиком – это был предлог впервые за три дня подняться на поверхность. Порой на него накатывала такая лень и апатия, что приходилось буквально за шкуру себя выдергивать. И вот – вышел... А теперь ругал себя последними словами – не хватало ещё в водопад сыграть! Он всё-таки устоял на ногах, почти отвёл взгляд от сливающегося через две трубы в подземную реку пруда, как вдруг какое-то движение привлекло его...

Прямо над низвергающимися пенными струями сидела девушка. В грубой толстовке, которая была ей сильно велика, блестящих лосинах и высоких сапогах. Волнистые белые волосы были полускрыты чёрным кашпоном. Это делало её похожей на монахиню или вдову. «Вы топиться пришли?» – хотелось спросить. Вместо этого он поднял фотоаппарат, прицелился и сделал снимок.

– Хорошо, – мягким голосом отозвалась незнакомка. – Теперь ты знаешь, что не намечтал.

Он совершенно не знал, что сказать. Незнакомка изменила позу – и он снова её сфотографировал. Так за несколько минут получился десяток разных снимков.

– Как тебя зовут? – наконец, смог выдать из себя фотограф. – Я Иван.

– Илька, – улыбнулась она.

Прозвучало так же, как журчали струи воды за её спиной.

Он подумал, человек ли она или водный дух, и снова поднял фотоаппарат, чтобы запечатлеть ускользящую красоту.

– Прощай, Иван! – спозировав для последнего снимка, она прыгнула с камня, пошлёпала прямо по водопаду и скрылась в трубе.

Краем парка, чтобы не попасться под всевидящие глаза городских камер, Иван пробрался к своей машине. Перед парковкой надел тёмные очки, надвинул капюшон, рот и нос прикрыл чёрной маской и, оглядевшись, запрыгнул в машину, быстро завёл двигатель.

Одному из немногих неподконтрольных, ему было очень тяжело выживать в городе. Другое дело Кристина: чип давал ей возможность работать, зарабатывать и много тратить, при необходимости пользуясь средним уровнем кредита, прививки открывали возможность путешествовать. Она часто звала его с собой в эту новую жизнь. Но Иван ещё помнил прошлое и не готов был отказываться от него.

Сейчас он поймал себя на мысли, что ему даже некому рассказать об увиденном в парке.

Ехать по Городу было непросто. Охота на нечипированных завершилась ещё пару лет назад: подавляющее большинство населения теперь было чипировано, и Единый Интеллектуальный Центр знал всё о каждом моменте их жизни. Этот Единый Интеллектуальный Центр заменил собой уставших от бремени власти. Теперь управлял, судил и наказывал он. А несколько тысяч прежних управленцев только получали на свои счёта деньги и числились в бессрочном отпуске, проводя время на виллах на Счастливых островах или бороздя океаны на яхтах. Где были эти острова и эти виллы, никто из чипированных не знал.

Нечипированных в Городе осталось не более нескольких сотен. Они жили в полной изоляции: не получали зарплату, не могли приобрести еду, топливо и поехать на транспорте. Однако они как-то умудрялись выживать за счёт чипированных друзей. Благодаря Кристине и автомеханику Верту, у Ивана была маши-

на, не оснащённая системой постоянного контроля – так называемым Электронным Глазом, и он мог перемещаться по Городу. Только по окраинам, потому что в центре умные камеры. Если не могли опознать автомобиль, его водителя и пассажиров, давали команду «огонь!» там же установленным лазерным пушкам...

Однако и перемещение по окраинам требовало большой сноровки. Ивану приходилось каждые пятьдесят метров поднимать с пульта номерные знаки – так, чтобы камера не могла пробить его машину по базе. Перед камерами другого типа их надо было опустить, потому что измерение скорости транспортного средства без номеров означало мгновенный набатный сигнал тревоги, – эти камеры были запрограммированы считывать угрозу терроризма. Один расчёт – и как только база отзовётся, что такого автомобиля нет и быть не может, произойдёт сигнал тревоги с вызовом карательного отряда, состоящего то ли из зомбированных полицейских, то ли уже из роботов – как их там за экзо-скелетами распознаешь? – который, если получится захватить живым, мгновенно отвезёт Ивана куда следует. А там уж ему поставят чип и сделают все необходимые прививки.

Спрятав машину за помойным контейнером, Иван подобрался к дому Кристины. Ходить нечипированным тоже надо было осторожно, потому что в любой момент мог появиться патруль с проверкой – и тогда прощай, человеческая жизнь!

Хотя какая она может быть человеческая, если ты абсолютный изгой в обществе?

Задирая голову, невозможно было увидеть вершин громадных, похожих на строения термитов, башен, в которых теперь жили обитатели Города. Собственно, в эти башни, за пару лет стремительно выстроенные компанией Шик, переселилось всё население прежде обширной страны. Освободившиеся земли продали, а население теперь блаженствовало в комфортабельном Городе. Надо сказать, большинство реально блаженствовало. Их дни были расписаны по минутам. Не осталось ни капли свободы, с которой прежде не знали, что делать. Полный контроль исключал всякие лишние мысли и сомнения. Они

жили, размножались и умирали строго по расписанию. И всё всех устраивало.

Нырря в серую пасть подъезда, Иван тоскливо оглянулся: он ещё помнит, какими зелёными и весёлыми были эти дворы, когда в них стояли пятиэтажки, как хорошо было провожать девушек до подъезда, как бренчали на гитаре в беседке, как за грубо сколоченными из обрезков досок столами пенсионеры резались в «дурака», самые продвинутые – в «очко» и «сику», традиционалисты «забивали козла», детвора носилась на площадке с мячом, крутилась на каруселях и взлетала с визгом на качелях... Сейчас на крошечных пяточках между башнями Шика – пластиковая трава и такие же деревья. Скамеек нет. Жители Города не имеют права задерживаться на улицах и собираться больше трёх.

Иван судорожно вздохнул, нажал кнопку – и лифт стал возносить его на сто тринадцатый этаж...

– Крис... – прошептал он возле серой металлической двери, ничем не отличавшейся от бесчисленного количества других таких же дверей на этаже, смотрящих подслеповато друг на друга в длинном, похожем на тюремный, коридоре.

Дверь распахнулась, и невысокая брюнетка втащила его в комнату. Она была испугана:

– Только что был обход!

– Ловят кого-то, – равнодушно отозвался Иван. – Крис, посмотри в Гонете про водных духов или нечисть.

Девушка сделала предостерегающий жест:

– Стой, не шевелись, а то тебя засекут! Жди здесь.

Иван стёк по стене прямо на пол. Опустил голову и задумался о том, как его достало это новое благополучие.

Через несколько минут Крис стояла перед ним:

– Русалка, ундина, кикимора, мавка... ничего больше не нашла! Кстати, на, ты заработал, – она протянула ему пластиковый квадратик. – Твои снимки купили сразу, как только увидели на аукционе. Я оставила себе небольшие комиссионные, а этого тебе может хватить надолго.

Иван равнодушно кивнул:

– Я еще наснимал, – и протянул ей фотоаппарат.

Брюнетка снова исчезла в другое помещение. Появилась теперь не скоро. Иван чуть не уснул, ожидая. Лицо её размякло, глаза горели:

– Вань, твои снимки – они хрустальной чистоты! Просто звенят!!! Вода звенит. Прямо слышно журчание. А эта... кто она? Мне кажется, она не человек!

Иван явственно слышал в её голосе ревность. Однако Кристина продолжала спокойнее:

– Не важно, кто она. Эти снимки стоят целое состояние. Никто уже давно не снимает ничего подобного. Я их забираю.

Иван поднял голову, уперся в нее холодными зелеными глазами:

– Нет.

– Почему? Я ж добуду нам кучу денег. Потом куплю себе место нижней чиновницы. Потом ты ещё чего наснимаешь. Куплю место средней... и так до самого верха. А потом мне вынут чип, дадут антидот – и мы сможем купить себе место на Счастливых островах!

– Крис, ты помнишь по всемирной истории «закон кастового общества»? – остановил её Иван.

Она покачала головой.

– Представители высших каст делают всё, чтобы из нижних никто не мог проникнуть к ним, – жёстко проговорил он. – Так всегда было. Много ты знаешь тех, кто, даже разбогатев в Городе, смог уехать на острова Счастливых?

Крис назвала несколько имен. Иван поморщился:

– Натуральные крысы. Но я уверен, что до островов они не доехали.

И, чтобы прекратить спор, добавил:

– Снимки я тебе отдам. Когда время придёт.

Крис потянулась к нему губами. Иван галантно приобнял её и отстранил.

Вскоре неприметная серая машинка двинулась за город. На краю леса Иван загнал её в овраг, сам прошел на опушку, раскопал кучу свежего хвороста. Под ней был люк, через который

он спустился в коммуникации. Там, внизу, у теплых труб, была неплохо оборудованная им комната. В ней стоял диван, который ему удалось спасти из разрушаемого прежнего жилья, шкаф с несколькими комплектами одежды, любимые книги... Иван прозвал своё подземное жильё Теплушкой. Когда Город был захвачен строительной компанией Шик, власти приняли закон, по которому весь старый жилищный фонд сносился, а комнаты в новых башнях могли получить только чипированные и вакцинированные. Так Иван оказался лишённым своей квартиры. Хорошо, что смог найти коммуникации, соорудить себе Теплушку и спасти кое-что из своих вещей. Шик торопился, он всегда очень торопился – и за несколько лет загнал всё население в башни. Правда, наспех построенные, кое-где они разрушились, но кто станет считать несколько сотен задавленных на фоне ликующих миллионов?!

Иван торопливо вывел снимки на монитор старенького компьютера. Русалка или ундина, или... – как там еще называла водную нечисть Кристина? – была завораживающе хороша. Невозможно было понять, сколько ей лет, к какой национальности она принадлежит, да и человек ли? Похожа вроде. Но уж слишком много в ней печальной и звонкой, как текущая вода, красоты. Среди обитательниц Города красоты не осталось. Иван предполагал, это потому, что красота не живет без свободы.

Он зарылся лицом в смятую постель, погрузился в свои вопросы без ответов, в ностальгию, в мечту... И вскоре крепко заснул.

Здесь, под землёй, он никогда не знал, сколько времени. Впрочем, как все нечипированные, выброшенный из жизни, он не мог знать время и в Городе. Только различал светлое и тёмное время суток.

Проснулся он от голода. Желудок урчал, как недовольный кот. Компаньонка по житью в Теплушке, молодая кошка-сфинкс, наоборот – молчала. Она терпеливо переносила все лишения, как будто понимала, что наверху её ждет отлов и усыпление. По законам Города, животных не имел права держать никто. Домашние любимцы – это возможно только там, на

Счастливых островах, где отдыхают в бессрочном отпуске власти. Жители Города не должны отвлекаться от раз заведённого распорядка своего труда, отдыха и обязательных хобби. Они не должны испытывать чувств, чтобы не вернуться из состояния роя к индивидуальности. «Единица – вздор, единица – ноль!», писал Маяковский. Ему, провокатору и любителю новизны и сомнительных авантюр, наверное, импонировала бы сама идея Города.

Иван пошарил по маленькому полутёмному помещению, тускло освещаемому одной единственной лампочкой, свисающей с потолка, нашёл зачерствевший кусок непонятого продукта и сунул Кошке. Она принялась грызть с хрустом. Какая разница, что это? Продукты давно все искусственные, и вкус у них одинаковый – никакой.

Пройдя по трубам с маленькой свечкой в руке, Иван дошёл до водокапа, набрал пригоршню противной теплой воды и плеснул в лицо. Есть не хотелось. Жить не хотелось. Но хотелось пойти на водопад – туда, где старый пруд сливается в подземную реку...

Потрепав на прощанье Кошку, Иван осторожно вылез наверх.

Весна вступала в свои права в парке. Снег подтаял. Водопад стал полноводнее и уже не журчал, а ворчал громко и грозно. Мокрые камни, на которых сидела вчера Илька, были пусты. Иван осторожно по скользкому уклону спустился вниз, прямо к водопаду, заглянул в трубы. Из них с рёвом вырывались пенящиеся потоки. Было совершенно непонятно, как могло уйти туда вчера живое и похожее на человека существо. Но не утонула же она!

– Илька, – тихо позвал Иван.

В отчет ничего, кроме ворчания и рева воды.

Он помолчал, потом крикнул:

– Илька! Я не уйду! Я пойду туда – в трубу. И пропаду там!
Илька, выходи!

– Тебе не надо в трубу, – раздалось насмешливо прямо у него над ухом.

Одновременно Иван почувствовал цепкие пальцы на своем плече. Куртка на нем была лёгкая, и его буквально прокололо ознобом.

– Как я тебя не заметил? – подивился он, утопая в её глазах.

Смотреть в них было страшно: они то становились настолько чёрными, когда невидим зрачок и глаза похожи на две бездны, то явственно отливали болотным зелёным, а зрачок казался треугольным, как у ядовитой змеи.

– Ты человек или привидение? – растерянно брякнул Иван.

Она тихонько рассмеялась:

– А ты?

– А я был человеком. Только я нечипированный. И теперь живу на трубах в Теплушке. Так в прежней жизни жили бомжи...

Она опустила на мокрый камень. Иван устроился рядом. После долгого молчания Илька спросила:

– Много в городе мрёт от заразы?

– Сейчас каждый день тысяч по десяти. Это если Кристине верить.

– Кто такая Кристина? Твоя девушка?

Иван промолчал. Кристина не могла быть его девушкой: всевидящий чип в её теле тотчас сообщил бы Единому Интеллектуальному Центру о близком контакте с нечипированным существом и сразу был бы вызван патруль... Однако именно Кристина помогала ему выжить и поэтому имела на него кое-какие права.

– Сначала, до всеобщей вакцинации, вирус распознал медленнее, и народ умирал, как от обычного гриппа, не больше. Но вот когда всех вакцинировали, появился новый штамм, как они говорят.

– Значит, Город Ад вымирает? – усмехнулась Илька и сразу же пояснила: – Знаешь, когда выгоняли из сносимой пятиэтажки, был вечер, фонари и рекламы зажигались. Уходя, я оглянулась и последнее, что увидела... это, помнишь, была громадная такая реклама Шика светящимися алыми буквами «Здесь будет Город Сад!!!»? Так вот: буква С не горела...

Иван закивал – он хорошо помнил этот момент. Интересно, что долгое время шла борьба: букву чинили, а на следующий ве-

чер снова неведомые бунтовщики разбивали лампочки и снова горела реклама Города Ада... Это долго продолжалось. Потом объявили, что их поймали и казнили.

– Думаю, в этом и заключался план, – продолжала Илька, – боевой вирус выпустили, чтобы всех посчитать и подчинить. Под него быстренько провели вакцинацию и чипизацию. А поскольку население надо сокращать, то могли выпустить затем новый штамм... чтобы почистить немножко...

– Не немножко, – поправил Иван, – думаю, все население Города Ада ими обречено. Ведь население ничего не производит и ничем не полезно и не нужно тем, кто на Счастливых островах. Их согнали в Город Ад, окружающие земли продали, теперь за чем они нужны – эти благополучные зеки?

– А может, штамм и сам появился – как реакция на вакцину... – размышляла Илька.

– Ты пытался сопротивляться? – вдруг спросила она.

Иван покачал головой:

– А с кем? Все были довольны. Они и сейчас довольны. Главное, за них всё решают. Больше им ничего не надо.

– Хорошо, – она тряхнула головой, отчего распространился запах дремотного левкоя, и поднялась. – Лезь за мной в трубу!

Хотя и пошел за ней, Ивану было страшно. В трубе вздымались настоящие волны, грозя поглотить их обоих. А когда Илька вдруг цепко схватила его за руку и заставила присесть на корточки, он решил, что сейчас она будет его топить, и начал отчаянно вырываться... Все страшные предания о водной нечисти пронесли в его голове.

Илька присела на край трубы – так, что воды пруда сливались над её головой, даже не намочив шевелюры, нащупала ногами что-то внизу, надавила – и вдруг полетела вниз, за руку увлекая за собой Ивана. Он охнул, больно ударился плечами о дыру и теперь с ужасом летел вниз прямо над девушкой, понимая, что при падении непременно её раздавит.

Через несколько мгновений, показавшихся Ивану вечностью, он услышал сильный плеск и сразу же плюхнулся в ледяную

воду. К счастью, ногами ударился в дно и, оттолкнувшись, вылетел, нахлебавшись, чихая и кашляя.

Перед ним на пологом берегу, усыпанном мелкими камушками, сидела Илька. С нее струилась вода. Иван, шатаясь, выбрался из подземного водоема и упал рядом с ней:

– Угробить меня хотела?

Он повертел головой. Громадная пещера, которой не было конца и края, тускло освещалась светом факелов. Вдалеке сновали фигуры высоких стройных двуногих с такими же белыми, практически светящимися, длинными волосами, как у его знакомой.

Илька молчала. Он не решался задать вопросы. К ним подошёл высокий человек, произнёс что-то. Его речь напоминала протяжный свист. Илька засмеялась и ответила таким же. Тогда человек похлопал в ладони. К нему подбежали несколько бело-волосых девушек, он посвистел. Они исчезли и вернулись с подносом, на котором покоилась огромная жареная рыба с овощами. Она источала восхитительный, но почти совсем забытый Иваном аромат натурального продукта...

Поняв, что можно есть, он едва не заплакал от счастья. Рыба напоминала осетрину. Но главное, она была настоящей. Именно рыбой, а не заменителем рыбного вкуса, к чему он уже привык на поверхности.

Пока он жадно ел, Илька неподвижно сидела рядом. Высокий гостеприимный незнакомец исчез. Впрочем, для Ивана, наслаждающегося пищей, на тот момент все исчезли.

Почувствовав насыщение, он спохватился:

– Илька, а ты... ты, что, не ешь?

– Я делаю это, когда захочу. Продолжай! – милостиво разрешила она.

Насытившийся Иван и сам понимал, что выглядит смешно. Лицо лоснилось довольством. Глаза посоловели. Сказывалось, что бессчётное количество ночей на голодный желудок на отсыревшем диване проведено в Теплушке.

Илька посмотрела на него и поднялась, сделав знак следовать за ней. Иван чувствовал непривычную, сковывающую всё

тело тяжесть. Завернув за угол пещеры, Илька открыла низенькую дверь. Пригнулась, входя в длинный узкий коридор. Они долго по нему петляли, Илька открывала двери, издавала легкий свист и снова закрывала их, пока, наконец, не пропустила его вперед себя... За отворённой ею дверью помещалась маленькая уютная комната. На её стенах были изображены водопады, низвергающиеся и порождающие бесконечные радуги. Но главное, в ней было всё, как в прошлой счастливой жизни: большая застеленная снежно-белым постельным бельём кровать, удобный деревянный стол и несколько стульев, небольшой двустворчатый шкаф и даже тумбочка... Иван аж присвистнул от удивления.

– Тебе надо выспаться, – чуть подтолкнула его к постели Илька. – Туалетная комната за шкафом, – и она показала ему на маленькую дверцу, в которую войти можно было, только согнувшись пополам, – особенности местных пород, уж извини.

Ивана приятно поразило, что, уходя, его подруга оставила на столе длинный серебристый ключ – никто не собирался отнимать у него свободу.

Он спал и в его сне звучал мотивчик из оперетты «Сильвия». Давно, ещё в другой жизни, где никто и не помышлял о зловредной строительной компании Шик, превратившей город в Ад, маленький мальчик Ваня с мамой ходил на эту оперетту. Под впечатлением был несколько месяцев. А теперь во сне понял, производным от какого имени является уменьшительное Илька.

Ивану показалось, прошло всего несколько минут, когда прямо в ухо прозвучало:

– Ты и великий потоп проспаться можешь! – и снова её негромкий мелодичный смех.

Он потёр глаза и сел в постели.

Перед ним предсказуемо стояла Илька:

– Чистая одежда в шкафу. Прими душ и переоденься – ты воняешь своей Теплушкой.

Ему хотелось обидеться, но было уже не на кого. Издалека послышался протяжный свист, и дверь за Илькой, осторожно

щёлкнув, захлопнулась. Пришлось выполнять её наказ. Изучая своё достаточно красивое лицо в зеркале, Иван долго раздумывал, бриться или нет и, наконец, желание понравиться перебило. Вышел он, изумительно благоухая ароматом морского бриза с нотами кипариса, нарыл в шкафу чистые спортивные брюки, толстовку, сменил свои треснувшие сапоги на новенькие кроссовки и ощутил себя готовым на любые подвиги.

Однако никто не шёл любоваться произошедшими с Иваном метаморфозами. Соскучившись ждать, он осторожно отворил дверь. Коридор был пустынен и едва освещён факелами. Вдалеке послышался и затих свист...

Иван постоял, вздохнул и медленно пошёл вперед. Коридор ветвился, петлял. Вскоре Иван совершенно потерялся в нём и уже боялся, что никогда не найдет выхода, как вдруг, в очередной раз поворачивая за угол, лицом к лицу столкнулся с Илькой.

– Зачем сбежал? – спросила она, но пресекала нетерпеливым жестом всякую возможность ответа. – Идем на собрание. Там ты всё услышишь и поймешь, какая важная миссия тебе поручена.

У него и душа упала. Никогда не терпел никаких миссий, особенно – важных. Не из-за легкомыслия или скудоумия, нет. Иван просто был отличным русским парнем, который, если берётся за дело, то важно для него не себя сохранить, а – доверяющих ему не подвести. Сделать всё наилучшим образом. А поскольку не всё от человека зависит, и он хорошо это понял на собственном жизненном опыте и на примерах других, то можно всё дело загубить, да не по своей вине. Именно поэтому Иван не любил участвовать в миссиях и всячески от них уклонялся.

Казалось, Илька читала его мысли, потому что лукаво добавила:

– Ты же не захочешь бросить на погибель свою Кристину?

Иван насторожился. Кристина – это было святое. Не то чтобы любовь, не то чтобы близкий человек, но Кристина обещивала каждый день его жизни. Относительно свободной

жизни на окраине Города Ада. Кристине он бы пожертвовал всем, почти не задумываясь. Теперь он посмотрел на Ильку и невольно сравнил. Нет, не двух девушек, а своё отношение к ним. Кристина – понятная, близкая, почти родная. Илька – загадка, неразрешимая, притягивающая и как будто созданная из струй ледяной воды.

– Тебя ведь Сильвия зовут? – неожиданно для себя самого спросил.

Она мотнула головой, отчего волнистые и слегка влажные белые волосы взлетели и красиво рассыпались по плечам:

– Да. Как твою любимую героиню.

«Откуда она знает об оперетте?», – пронеслась мысль.

Илька не торопилась давать ответ. Просто смотрела на него и улыбалась.

– Насколько я помню, Сильвия означает – «лесная», – проговорил Иван.

– Я и была лесная, а потом леса попилили, земли продали, и мне пришлось спрятаться под воду, – непонятно пояснила она. – Всё, пришли.

За узкой дверью прямо от порога округлый большой зал обрушивался вниз ступенями. На этих ступенях сидело множество похожих друг на друга, как близнецы, мужских и женских существ со светящимися белыми волосами. Они общались легким свистом. Внизу оставалось свободным небольшое овальное пространство. И там, возле кафедры, расхаживал высокий предводитель – тот самый, кто угостил Ивана рыбой.

Когда все расселись, он, по-видимому, начал выступать: гортанный свист звучал на разные лады. Было ясно, что речь эмоциональная. Периодически толпа взрывалась короткими пронзительными посвистами. Ивану показалось, что так они выражают одобрение. Он несколько раз вопросительно взглянул на Ильку, но перевода от неё не дождался. Она тоже периодически вскакивала и вставляла в общий гул немного своего мелодичного смеха и свиста.

Когда предводитель умолк и постепенно стихло всеобщее обсуждение, Иван наклонился к уху Ильки:

– Ну, что решили?

Ее глаза сияли:

– А ты не догадался? Власть воды...

«Что за власть? Какой воды?» – ломал голову Иван, пока Илька провожала его из похожего на Колизей зала просторным коридором к лифтам. Нажала кнопки, раздался тихий сигнал, предупредила:

– Войдешь в кабину – ничего не делай до того, как двери откроются. Дальше будешь свободен.

Он хотел возразить, но перед ним разъехались серые двери совершенно обычного лифта, как если бы он был в старой девятиэтажке. Илька втокнула его в кабину, нажала кнопку, двери закрылись, Иван поехал в одиночестве. Предчувствие не обмануло его: лифт доставил на небольшую площадку, где подземная река была совсем неглубокой, и оставалось сделать десяток шагов, чтобы подняться по ней к водопаду.

Ивану было грустно. Он почему-то знал, что более не увидит Ильку. Может быть, никогда. Но вместе с тем он вспоминал её слова о том, что надо спасти Кристину. От чего спасти? Пожалуй, с этим вопросом надо обратиться к самой Кристине.

Соблюдая все предосторожности, Иван добрался до знаковой башни. Также прошептал под дверью – «Крис», однако ответом стала тишина... Подождал, пока не услышал вдалеке сирену, оповещающую об очередном обходе, проскользнул в лифт и был таков.

Но машина отказалась заводиться. С неба, кружась, падали хлопья снега. Весна передумала приходить. Иван перебирал свои скудные автомобильные познания, вспоминал советы друзей и наставления автомеханика Верга... нет, ничего не помогало! Оставалось либо возвращаться и ждать Кристину, либо пробираться в Теплушку пешком. Он выбрал второе и зашагал под стенами тесно стоящих башен, стараясь слиться с ними. Раньше в городе так вели себя бездомные животные. Но теперь их давно нет – все отловлены и переработаны. Единный Интеллектуальный Центр охотится за несколькими сотнями бездомных свободных людей.

В грустных мыслях повесив голову, плёлся Иван, и вышло так, что утратил необходимую бдительность – почти нос к носу столкнулся с патрулем. Экзо-скелет навел на него определитель, чтобы по чипу понять, кто перед ним. Так в Городе выглядела теперь проверка документов. Естественно, загорелся красный светодиод, и раздалась предупреждающая мелодия. Иван всей массой прыгнул на патрульный экзо-скелет, сбил его с ног и громадными прыжками помчался, петляя между редкими пластиковыми деревьями. Погоня была недолгой. Иван прыгнул на капот подлетевшей из-за угла машины на перекрестке, перекатился, луч лазера прорезал машину и, кажется, заодно отрезал голову её ни в чем не повинному водителю. Экзо-скелеты запрограммированы так, что должны были осмотреть пострадавшего, и именно это дало Ивану несколько мгновений, чтобы нырнуть в густые кусты, скатиться в овраг и затем ползком преодолевать расстояние до замаскированного валежником люка в свою Теплушку.

Только там он перевёл дыхание, оглядел и ощупал себя. Новенькая красивая одежда из подземной реки превратилась в лохмотья. Тело под ней было покрыто ссадинами и синяками. Саднило щеку. Провел ладонью: так и есть – кровь.

В отчаянии он бросился на сырую ветошь, в которую давно превратилось его постельное бельё. Готов был разрыдаться: пропала машина, его засекли и теперь некоторое время придется не высовываться, потому что будут устраивать засады на него, нет еды и непонятно, что с Кристиной. Даже маленький пластиковый квадратик, на который можно было купить поесть, если удастся обмануть камеру магазинчика на окраине, и тот во время его разнообразных приключений, вероятно, где-то выпал...

С тихим мурлыканьем под бок ему подползла Кошка. Поглаживая её трогательную бархатистую наготу, Иван не заметил, как провалился в сон.

Ему казалось, что сон этот продолжался всего несколько минут. Тем ужасней было пробуждение: над головой ревели и бушевало, время от времени просачивались струйки воды. Иван

вскочил, прислушался и сделал вывод, что происходит нечто вроде потопа. Вот по стене заструился ручеёк. Он ширился и наполнялся. С другой стороны пробился ещё один и ещё... «Да я утону тут, как крыса!», – в ужасе заметался Иван. По трубам и под ними бежали из глубины подземелья те звери, которых он вспомнил. Испуганной стайкой собрались прямо рядом с ним и Кошкой. Животные не обращали друг на друга внимания – они все одинаково тряслись от страха. Понаблюдав за крысами, Иван понял, что менять положение бесполезно. Раз зверьки собрались именно в его Теплушке, значит, тут и есть наиболее безопасное место. Оставалось ждать. И это ожидание растянулось для него, казалось, на века. Хотя, на самом деле, ровно трое суток продолжался потоп. Затем воды схлынули...

Иван понял это, когда услышал протяжный торжествующий свист. Он доносился не только с поверхности, но, казалось, ото всюду, окружая его и желая пробудить к жизни.

Сунув за пазуху Кошку, он осторожно поднялся к поверхности, приподнял люк и выглянул. Сияло солнце – то самое солнце, живое и ласковое, которого с момента, когда Город превратился в Ад, никто не видел. Теперь же оно заливало своими радостными лучами странную долину развалин. На земле покоились обломки башен Шика – те, которые не унесло волнами. А посреди этих обломков пробивалась первая весенняя трава. Иван протёр глаза, полагая, что это ему снится. Но даже после этого картинка осталась прежней. Он выбрался, благодарно задрал голову к солнцу и по первому порыву отправился по знакомому маршруту, уже не прячась, потому что знал: погибло всё. Нет больше ни камер, ни патрулей, ни чипированных благополучных идиотов. Но ему важно было добраться до башни, в которой жила Кристина... «Крис... неужели и её тоже?». Внутри всё похолодело.

На месте башни оставалась только взрытая земля. Шик строил наспех из непрочных материалов – и, конечно, потоки воды просто унесли то, что когда-то было башней. Слёзы навернулись на глаза. Иван некоторое время боролся с ними, потом решал, куда ему теперь идти, и почти неосознанно свернул в

сторону парка, к водопаду. Его совсем не удивил сверкающий диск, зависший над дамбой. Наоборот – наконец-то, мозаика предположений сложилась в картину реальности. Не обращая внимания на летательный аппарат, Иван спустился к подземной реке. К его удивлению, из труб едва сочился скудный ручеек. На краю одной из труб сидела Илька, обхватив голову руками и покачиваясь, как от боли. Он бросился к ней, слегка встряхнул за плечи:

– Что с тобой?

Её глаза походили на черные бездны:

– Просто очень устала... – выдохнула она. – А нам пора в путь!

Вопросы, как пули, слетали у него с языка:

– Вы ведь с другой планеты? А тут, под землей, где я был, ваша база, так? И давно вы тут? Это вы устроили потоп, чтобы очистить землю от Города Ада и его жителей? И почему вы это устроили? А сами вы все – с планеты океанов, да? Вы в воде живёте?

Илька покачала головой:

– Лучше скажи: ты нашел Кристину?

– Не успел.

– Плохо. Хотя, ты знаешь, ведь экзики утащили её в подземные казематы... Если еще не вырвали признание, кто ты и где тебя искать, то она жива... Как только экзики выйдут на поверхность, без общей структуры системы они быстро разрядятся и станут не опасней кроликов... или... кто это у тебя? – она показывала на его грудь.

Оказывается, Кошка незаметно высунула мордочку из-под лохмотьев и, забавно морщась, оглядывала неведомый мир.

Иван улыбнулся:

– Это не кролик, Илька, это кошка. Причем очень дорогая и породистая. А живет бедняга со мной в Теплушке. Хочешь взять её себе?

Илька покачала головой:

– Ей не хватит места.

– А меня?

Илька ласково коснулась его руки, вот только пальцы её, как всегда, ощущались ледяными:

– И тебе не хватит. Посмотри! – она протянула ему маленькую трубку-калейдоскоп.

Иван, зажмурив левый глаз, стал вглядываться в трубку правым. Сначала сыпались цветные фигурки. Потом они сложились в изображение изумрудно-зелёного высокого и таинственного леса на берегу глубокого хрустальной чистоты озера. Берег был покрыт бирюзовой мягкой травой. Из леса выходили на водопой разные звери... Вдруг картинка изменилась. Он увидел, как с визгом бросается в озеро Илька. Плещется, плавает, ныряет, фыркает. Выскакивает, покрытая только струящимися ручейками, и к ней подходят и ластятся звери. Она гладит их, диких, как будто ручных, и ласково с ними разговаривает...

– Это твоя планета, – понял Иван. – На ней нет места никому.

– Поэтому – Сильвия, – отозвалась она.

Раздался протяжный свист. Сильвия крепко обняла его на прощанье и поспешила к воздушному кораблю. Из диска спустился трап, по нему толпой поднимались существа со светящимися белыми волосами. Правда, Иван заметил, что не все они отправлялись в полёт. Часть спустились через водопад в подземную реку. И он мог поклясться, что именно среди этих вторых затерялась Илька.

Шли дни, недели и месяцы. Узники подземелий – те, кто однажды отказался от чипирования и вакцинирования, смогли выбраться и потихоньку отстраивали на месте Города Ада небольшие домишки из подручных материалов. Появились первые пары. Наверное, в скором будущем будут появляться и первые дети...

Иван бродил повсюду, разыскивая Кристину и расспрашивая о ней. Но не мог встретить её среди живых и не слышал упоминания о ней среди мёртвых. Она как будто растворилась вместе со злосчастной башней Шика, на сто тринадцатом этаже которой еще так недавно жила.

Иван выбрался из Теплушки и сумел построить себе небольшой домик – только для себя и Кошки. Вот уже целый год почти каждый день с кошкой за пазухой он совершает одно и то же маленькое путешествие... Ну, вы, конечно, догадались: по старинному парку, через дамбу, и к водопаду, который сливает воду из пруда в подземную реку. Иван подолгу сидит на том самом камне, где однажды его фотоаппарат отщелкал удивительной красоты кадры, запечатлев русалку подземной реки...

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – поэт. Родилась в Москве. По профессии металлург, кандидат технических наук, изобретатель, ведущий специалист в области авиационного материаловедения.

В течение многих лет стихотворения И.Ю. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в сборниках и альманахах.

Автор четырёх поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени», «Берега». Победитель ряда литературных конкурсов. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью, дипломами имени А.А. Блока, М.И. Цветаевой, Н.С. Гумилёва, Ф.И. Тютчева, орденами В.В. Маяковского и А.С. Грибоедова.

Член МГО Союза писателей России.

Живёт в Москве.

ОТ СТИХОВ СВЕТЛЕЮТ ЛИЦА...

* * *

С лесною красотой прощаюсь
И с елью, спящею в снегу,
И уезжая, возвращаюсь,
И по-другому не могу.

А блики солнца на вершинах,
Зовут в преддверие весны,
К берёзам русским и осинам,
Как светлый март, вознесены.

* * *

От стихов светлеют лица,
Ну и слава Богу!
Отпусти меня, столица,
От себя в дорогу.

Я весну хочу послушать,
Свет её увидеть.
И за город тянет душу,
Так что без обиды.

Доберусь я до светлицы
Через лес да поле,
И стихи мои, как птицы,
Выпорхнут на волю.

Вдоволь воздуха напиться –
Я прошу не много.
От стихов светлеют лица,
Вот и слава Богу!

ГУСИ НАД КОНАКОВСКИМ ПОЛЕМ

Таинство русской природы
Музыкой чудится мне.
Майские дни на исходе,
Гуси летят в вышине.

Небо разрезали клином
С юга на север стрелой –
Гуси, как в сказке былинной
Тянутся с юга домой.

Ждут их луга и долины,
С детства родные места
Не променяют любимых –
Формула птичья проста.

Сердце за ними вдогонку,
Радостно плачет душа.
Таинство русской сторонки...
В небо гляжу, не дыша...

* * *

Я слышу в тишине лесной
Твой зов, летящий вслед за мной.
Безумно нежные слова
Средь пенья птиц слышны едва.

И если даже это сон,
Весенней влагой напоён,
Неиссякаемый родник
Души твоей ко мне преник.

* * *

Я слушаю весну.
Затерянный ручей
Подтаявших снегов
Уносит воду.
Совёнок на ветвях
Качается ничей,
Явился в мир, весне
Ликующей в угоду.

Я слушаю весну.
Разбужен почек сон,
Они готовы встретить
Праздник вербный,
И колоколен
Предпасхальный звон
Спасительно дарующего неба.

ПЕСНЬ О БЕРЁЗАХ

Берёзоньки, невестушки,
Сережек перезвон.
Как о России восточка
Звучит со всех сторон.

Берёзоньки, красавицы –
Любовь и боль земли.
Так песенно печалиться
Лишь только вы могли.

Над травушками росными,
Где птица Гамаюн,
Лазоревыми вёснами
Отчизне гимн поют.

* * *

Мой сад весенний,
Свет и тень.
Любовь и радуга разлуки.
Хотелось бы,
Чтоб сквозь плетень
Хмель протянул
На помощь руки.
Но нет плетня,
Лишь профнастил
Отгородил меня от мира.
И непонятно, где гостит
Моя расстроенная лира.

О ностальгия, не спеши
Меня рассорить с этим веком,
Ты просто память для души
О невозвратном человеке.

Так есть у каждого из нас
Минуты таинства святые.
Они спасают всякий раз,
Когда наступит ностальгия.

* * *

Я тебя поздравляю, ветер!
Я тебе улыбаюсь, солнце!
Твои лики в моём оконце,
Это значит – пришла весна.

ИННА МУХИНА

Это значит, что будет радость
В перекрестьях грозы и радуг.
Это значит, что обновленье
Принесёт нам с тобой она.

Марина ЗАВЬЯЛОВА

Марина Анатольевна Завьялова – поэт, прозаик. Москвичка, 30 лет проработала в сфере телекоммуникаций и IT, в настоящее время работает в Центре московского долголетия, ведёт поэтический клуб. Состоит в Союзе писателей России с 2011 года, награждена медалями им. А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова, А.А. Блока, В.В. Маяковского за вклад в развитие русской литературы. Автор

10 книг поэзии и прозы, победитель поэтических конкурсов и дипломант литературно-общественных премий. Стихи переведены на французский, испанский, английский, немецкий и болгарский языки. Автор публиковался в альманахах «Золотое руно», «Облака вдохновения», журналах «Юность», «Новые витражи» и др.

Живёт в Москве.

ДВА РАССКАЗА

ЦЕНТР МОСКОВСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ. В ОЖИДАНИИ ЕГО

На сегодня был запланирован спектакль. Обычное, в общем-то, для центра мероприятие. Воскресенье, погода хорошая, так что много народу не ждали. С утра, как обычно, пришли любители настольного тенниса, им расставили столы, подходили новые гости, интересовались центром.

Марго и Алекс делали текущие дела: подготавливали расписание на неделю, Марго носилась с цветами, которые привезли в центр, очень хотелось их красиво расставить. Алекс писал отчёты по мероприятиям, решал оргвопросы, затем к нему приехал коллега из соседнего центра и они обменивались опытом. Спектакль был запланирован на 16.00, а с 13.00 начали подъезжать артисты, вернее, артистки. Интересные женщины, такие сразу выделяются в толпе. Вроде бы и нет в них ничего такого, а шарфик, улыбка, красивая стрижка, ажурная сумочка, длинная юбка с бахромой – и понимаешь, что дамочка необычная. То ли иностранка, то ли ведьма. В общем, актриса.

Спектакль намечался по пьесе Михаила Хейфеца «В ожидании Его». Марго с Алексом в сюжет не вникали, да и некогда. Ясно, что о любви, весна на улице – кто-нибудь обязательно придёт. К тому же афиша в чаты разослана, сарафанное радио работает всегда, это рядовое мероприятие, и не стоит отвлекаться от цветов и обмена опытом.

– Вы пойдете на спектакль? – мимоходом спросила Марго у теннисисток из клуба «Весна», играющих в спортзале почти с самого утра.

– Вряд ли, – сообщили запыхавшиеся женщины, – нам тут интереснее.

Марго пошла обедать, Алекс заменил её в приветственной зоне. Из окошка кафе она смотрела на апрельскую улицу, на

прохожих, уже более легко одетых, по-весеннему, в светлых куртках и пальто, на детей в ярких шапочках. В воскресенье все хотели надышаться воздухом, решить домашние дела, и ясно, что им совершенно не до театральной постановки. Тем более в Центре долголетия и под названием «В ожидании Его».

Она вернулась на рабочее место, Алекс с коллегой убрали теннисный стол из актового зала, расставили стулья, по просьбе актрис подготовили сцену. По сценарию дело происходило в парке, и пришлось часть пальм в горшках расставить по сцене. Еще понадобилось настроить освещение и проектор – над сценой будут показывать видео во время спектакля. Любопытно.

Марго подготовила анонс к следующему мероприятию, и тут начал прибывать народ. По нарастающей. Сначала пришли завсегдатаи центра – жительницы, живущие совсем рядом. Потом подошла режиссёр спектакля и импозантный мужчина в небесно-голубом костюме – как оказалось, тоже актёр. Потом стали подходить поклонницы этого любительского театра, захотели посмотреть знакомую пьесу. Затем пришли мамы с детьми. Далее пришла какая-то молодёжь, увидев, что сюда стекается народ. Марго уже не успевала всех регистрировать.

Она метнулась в актёрский зал и поняла, что посадочных мест уже не хватает.

– Алекс, нам нужны стулья! – она бегом вернулась к стойке, а публика продолжала прибывать.

Алекс с коллегой направились к артистам, стали выносить стулья из кладовки, пришлось полностью пересадить зрителей и уплотнить ряды. Первый ряд оказался в метре от сцены. На втором дружно сидели теннисистки, которым час назад было неинтересно.

«Вот тебе “И в ожидании Его”, – подумала Марго, – скорее, пьеса “Не ждали”». Она записывала нахлынувших театралов, отвечала на вопросы, улыбалась, и почувствовала азарт – а ведь здорово, что так много людей тянется к искусству! Даже прогулку в вешнем парке и настольный теннис на спектакль променяли!

Наконец, все зрители были размещены, взволнованные актёры вышли на сцену и действие началось. Пьеса рассказывала о четырёх совершенно разных женщинах, пришедших на свидание к одному мужчине. Об их переживаниях, судьбах, разочарованиях. Он, конечно же, не пришел, а они, все четыре, с такой надеждой ждали этого шутника... Одинокие, романтичные, мечтающие о счастье...

Наконец, когда по сценарию в парке пошёл дождь, женщины, как воробышки, дружно сидели, прижавшись друг к другу под зонтиком, и запел Булат Окуджава о женском одиночестве, у Марго защипало глаза. Удивительно, что все зрители, включая детей, улыбались и грустили по ходу пьесы, а сейчас сидели, многие опустив взгляд, задумавшись и вспоминая что-то своё...

Когда песня закончилась и включили свет, раздался шквал аплодисментов. Зрители улыбались, у некоторых в глазах стояли слёзы, даже молодые люди, пришедшие на концерт, ошарашенно и немного растерянно смотрели на артистов. Аплодисменты не умолкали, смущённые артисты кланялись и светились от счастья – их услышали, у них получилось, это успех!

Марго сделала фото, поблагодарила режиссёра и пошла писать благодарность в книгу отзывов театрального клуба. Потому что не написать её было бы просто невозможно.

Затем публика начала расходиться, артисты пошли отметить успех в кафе, а на улице начал накрапывать дождик. Казалось, сама природа подсмотрела спектакль в окно, и теперь многим придется открыть зонтик, спасаясь от одиночества...

Через час стулья и горшечные растения были вынесены из актового зала, в центре наступила тишина, только щёлкали по теннисным столам шарики. Марго смотрела на капли дождя, растекавшиеся по оконному стеклу, и думала о том, что впереди два выходных. Что нужно за них успеть сделать кучу дел. И что к концу второго выходного она снова соскучится по спектаклям, пальмам в горшках и стуку теннисных мячиков.

СНЕЖАНА

Игорь не думал ни о чём. Просто шёл, любовался цветущей по всему городу сиренью, вдыхал густой свежий запах распустившейся зелени, подставлял лицо солнечным лучам, таким долгожданным после суровой московской зимы. Любимый «Мерседес» предпоследней модели он оставил у дома, решил пешком пройтись до офиса своей компании, чтобы почувствовать наконец весну. Игорь много работал, был одним из учредителей компании, а сейчас занимал должность вице-президента. Нечасто ему приходилось так прогуливаться – сплошные совещания, конфоллы, встречи с партнёрами и заказчиками. Дома ждала жена, тщательно следившая за его ЗОЖ, идеальными рубашками, галстуками, ботинками, и дочки-двойняшки, поступившие в этом году совершенно в разные вузы: одной захотелось учиться на хирурга в Пироговке, а другой – на дипломата в МГИМО. Конечно, Игорю пришлось за это заплатить, но должны же дети получить нормальное образование? По-другому и быть не могло.

Игорь шёл, подставлял лицо солнцу, изредка посматривал на своё отражение в витринах модных магазинов. Стройный элегантный мужчина, с посеребрёнными висками и доброй, немного усталой улыбкой. Удовольствия прогулке добавляли неспешные мысли, что жизнь, в общем-то, удалась: крепкое финансовое положение, прекрасная семья, квартира, машина, уютная дача под Мытищами. Через полчаса должно было начаться совещание, он успевал, да и секретарша Ленка всегда начеку – напомнит по вацапу, если что.

Остановившись на светофоре на Цветном бульваре, он посмотрел направо, там цвела ярко-розовая декоративная яблоня. А под яблоней... или ему только показалось... Под яблоней стояла Снежана. Немного располневшая, слишком броско, по его мнению, одетая, уткнувшаяся в телефон. Неужели она? Игорь притормозил и не стал переходить улицу, когда светофор переключился на зелёный. Да, это была она, снежная девочка из 10 «Б». Снежная, недоступная и нежная... Игорь зажмурился.

Он не видел её 25 лет, с тех пор, как он поступил в МГУ, а она уехала с родителями по приглашению в США. Как он тогда пережил расставание? Он и сам не понимал. Просто надо было пережить и двигаться дальше, его ждали признание, успех, деньги. Ещё тогда, мальчиком-студентом, Игорь это ощущал. И предчувствие успешной благополучной жизни ему тогда очень помогло. Да и учёба помогла, что говорить. В МГУ были очень высокие требования, он ещё стал играть за сборную университета по футболу, так что после занятий просто падал на подушку и проваливался в глубокий сон.

Игорь выдохнул, повернулся на каблуках и зашагал по направлению к яблоне. К снежной Снежане под весенним деревцем. Пока она стояла там, пока опять не улетела в США, на другую планету и не превратилась в Снежную королеву, живущую совсем в другом мире – в ледяном дворце под облаками. У него было еще полчаса до совещания, а перекинуться словами и поболтать они за это время успеют.

Когда он подошёл, Снежана от неожиданности вздрогнула, оторвалась от телефона и уставилась Игорю в лицо. В глазах читались одновременно удивление, радость и вопрос – зачем?

– Увидел тебя и не смог устоять, – Игорь улыбнулся фирменной обезоруживающей улыбкой, – вдруг опять улетишь в своё снежное королевство? Наверное, ненадолго в Москве?

Снежана молчала. Затем тоже улыбнулась, на щеках заиграли ямочки и глаза – ему показалось? – наполнились влагой. Как он любил целовать эти ямочки! И прикасаться к пепельным, светлым, как у снежинки, волосам.

– Я давно вернулась, родители умерли, замуж я в Нью-Йорке не вышла, – Снежана говорила отстранённо, как бы не о себе. – Здесь остались сестра, квартира, и я вернулась.

Помолчали. От аромата цветущей яблони кружилась голова. Игорю отчего-то захотелось взять её за руку, спасти, защитить, отвезти к реке или морю, как хотелось этого раньше, 25 лет назад.

– Зайдем в кафе, у тебя есть полчаса? – Игорь понимал, что никаких полчаса теперь не хватит, что на совещание он опоздает, но ничего не мог с собой поделать.

Она кивнула. Потом они сидели в уютном «Кофе-Хаусе» и разговаривали. Снежана, разволновавшаяся, раскрасневшаяся, и оттого ещё более прекрасная, рассказывала о своей жизни в Америке, как она искала себя, как пела в разных рок-группах, но успеха ей это не принесло. Рассказывала о вечной экономии, о том, как трудно было научиться не только говорить, но и думать по-английски. Как здорово гулять весной и осенью в Центральном парке, и как они с родителями любили ездить по побережью океана. Игорь тоже мог рассказать о своей благополучной и налаженной жизни, о путешествиях за границу, об успехах почти взрослых дочек. Но он молчал. Он ведь тоже очень интересовался рок-музыкой в юности, когда повстречал Снежану. Но потом, вместе с её исчезновением, исчезло и увлечение роком. Почему? Он отрезал себя от этого, как когда-то отрезал от хрупкой беззащитной девушки с пепельными волосами.

Сейчас она сидела перед ним, другая, с лучиками морщинок вокруг глаз, не такая восхитительная и изящная. Но это была она – внезапно возникшее чудо из прошлого. Что он чувствовал? Он как будто раздваивался – здесь, в земной жизни, отбивался по вацапу от секретарши Ленки, отменил совещание, помнил, что сегодня надо отвезти автомобиль в салон – пусть посмотрят, всё ли в порядке. Вечером жена приготовит ужин, сегодня она обещала сделать что-то рыбное, с хрустящей корочкой, как он любил. А с другой стороны, он висел над землей, на белом облаке воздушного снежного царства, смотрел на ускользнувшую когда-то от него неземную красоту и снова боялся её потерять.

– Ты не спешишь? – наконец Снежана посмотрела на мобильник. – Мне нужно на работу, вечером идем с дочкой в театр.

Он удивился: тоже дочка, как у него? Но не стал ничего спрашивать. Улыбнулся, кивнул, расплатился. Потом они шли по Цветному бульвару, сирень светилась на солнце и резала глаза.

– Запишешь мой телефон? – от волнения у него задрожал голос, он подумал, что зря всё-таки отменил совещание и Снежана опять улетит в небеса на невесомой хрустальной карете.

– Конечно, – она вбила его номер в мобильник, посмотрела прямо в глаза ласково и немножко грустно. Он проводил её до метро и долго глядел вслед удаляющемуся силуэту, сотканному из солнца и снежинок.

Затем Игорь набрал Ленку и попросил прислать рейтинг альбомов современных рок-исполнителей.

– Прямо на вацап? – удивление читалось в каждой букве ленкиного сообщения. – Это для ваших дочек?

– Нет, это для меня.

Игорь улыбнулся, посмотрел в синее бездонное весеннее небо, а затем опустил голову вниз. Чтобы полюбоваться на безукоризненно начищенные, модные и удобные ботинки.

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Иркутской области. Член МГО Союза писателей России, член Клуба писателей Центрального дома литераторов, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов, двух книг прозы, сборника поэтических переводов стихов непальских поэтов и двух музыкально-поэтических альбомов. На стихи

Тамары Потёмкиной написано свыше 40 песен.

Стихи и рассказы автора, а также переводы произведений болгарских, непальских, чеченских, ингушских и дагестанских поэтов опубликованы в многочисленных сборниках, в журналах «Великороссь», «Невский альманах», «Новые витражи», «Камертон», «Littera», альманахах «Золотое руно», «Москва поэтическая», «Славянская лира», «Святыни сердца» (Луганск), «Айсберг в пустыне» (ДНР, Горловка), газете «Московский литератор», американской женской газете-журнале «Женский шарм» и др.

Победитель и лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов и премий. Обладатель литературных наград.

Живёт в Москве.

ГЕОМЕТРИЯ ЛОБАЧЕВСКОГО

Рассказ

Несмотря на раннее время, на Московском вокзале Санкт-Петербурга было многолюдно. Уверенно лавируя между пассажирами, через толпу пробиралась молодая светловолосая женщина. Было видно, что она чётко знает, куда идти. Добравшись до скоростного поезда «Сапсан», подошла к первому вагону. Посадка уже началась, и через некоторое время женщина вошла в вагон. Удобно устроившись на своём месте, Екатерина (так звали нашу героиню) прикрыла глаза в ожидании отправления. Было около семи часов утра. Катя встала рано, так как жила не в самом Питере, а в пригороде, и путь до Московского вокзала занимал где-то около часа. А ещё надо было успеть приготовить завтрак мужу и дочери, разбудить их, что не всегда проходило гладко, и дать наказы по поводу питания в её отсутствие. Ей хотелось поскорее заснуть и проснуться уже в Москве. Екатерина возглавляла благотворительный детский фонд. В Москве у них было много спонсоров, вот и в этот раз была запланирована встреча с хозяином сети универсамов «Альфа», пожелавшим сделать вклад в благородное дело спасения тяжелобольных детей. Кроме этого, надо было посетить несколько детских больниц для изучения возможности сотрудничества. А заодно хотелось повстречаться с московскими подругами, сходить вместе с ним на какую-нибудь выставку, посидеть в кафе и поболтать о жизни. В Москву Екатерина ездила довольно часто. Раньше любила ночные поезда, но когда появился «Сапсан», переключилась на него. Очень удобно: четыре часа, и ты – в столице.

– Граждане пассажиры, – раздался голос дежурного, – поезд номер 755А «Сапсан» отправляется через 5 минут. Провожающих просим покинуть вагоны.

«Ну, с Богом», – подумала Катя и мгновенно заснула. Спала всю дорогу, но за пятнадцать минут до приезда проснулась. Она

никогда не пользовалась будильником и умела просыпаться точно в назначенное самой себе время. Слегка поправила причёску и огляделась. На соседнем кресле сидел мужчина лет пятидесяти. Он улыбался.

– Доброе утро, красавица, – поздоровался мужчина, – ну и славно же вы спите! Всё ждал, когда проснётесь, поговорить хотелось, но не тут-то было. Домой едете или в гости?

– Доброе утро, – вежливо ответила Екатерина, – в командировку.

– Так давайте я вас подвезу, куда скажете. Меня мой водитель встречает.

– Спасибо, меня встретят, – солгала Катя, давая понять, что разговор окончен.

– Ну, как знаете, – обиженно протянул её сосед и стал собирать свои вещи.

Катя попросила попутчика снять с полки для багажа сумку и, легко подхватив её, быстро пошла в сторону выхода. Взглянув на длинную очередь на такси, решительно повернула в сторону метро. Гостиница, где она обычно останавливалась, находилась недалеко от метро «Краснопресненская». Проезд до неё от Комсомольской площади, где расположены три вокзала столицы, занимал минут двадцать. Это вполне устраивало Екатерину. В поезде было многолюдно, но Кате повезло: ей уступил место молодой человек восточной внешности. «Дожила, – подумала женщина, – вот, мне уже и место уступают». Но это обстоятельство её совсем не расстроило, и она принялась внимательно рассматривать пассажиров. Ей нравилось разглядывать москвичек. Женщины и девушки в основном были очень симпатичные, нарядные, стильно причёсанные и умело подкрашенные. Они немного отличались от жительниц Петербурга своей яркостью и громкоголосостью. А вот внешний вид мужской части пассажиров московской подземки её редко радовал. Катя всё время удивлялась, разглядывая разные пары. Как могла свести судьба, например, эту утончённую девушку с сопровождающим её несимпатичным мужланом, похожим на бандита из девяностых годов прошлого столетия? Или эту интересную даму в модном

платье и элегантной шляпке – с мужчиной в помятом костюме с такой же помятой физиономией? На ум пришла старая поговорка: «Любовь зла...». Мысленно Катерина одёрнула себя: «Может, все они хорошие люди, а выглядят неважно из-за разных житейских проблем». Она представила своего мужа Сергея. Спортивный, с хорошей фигурой он всегда отлично выглядел, независимо от того, во что был одет и как обстояли его дела. А какой он добрый, внимательный, терпеливый. С мыслями о муже Екатерина доехала до своей станции. Выйдя из метро, она пошла в сторону гостиницы. Лето в этом году случилось жаркое, но улица, по которой лежал её путь, была тенистой. В гостинице её встретила вежливая доброжелательная девушка-портъё. Она узнала посетительницу.

– Доброе утро! Рады вас снова видеть. Надолго в Москву в этот раз?

– Доброе утро, как всегда, дня на три, – с улыбкой ответила Екатерина.

Она взяла ключ и поспешила в свой номер. Быстро приняв душ, женщина переделалась и спустилась в кафе выпить любимого зелёного чая. Слегка подкрепившись, Екатерина отправилась по делам.

Главный врач первой из её списка детской больницы оказался пожилым добродушным человеком. Как и полагается настоящему доктору, он был в белом халате, белой шапочке и почему-то со стетоскопом на шее. Небольшая бородка и очки делали его похожим на доктора Айболита.

– Иван Петрович, – представился хозяин кабинета.

Он снял стетоскоп и пояснил:

– Только что вернулся с консультации, непростой случай.

– Екатерина Викторовна, – в свою очередь назвалась Катя.

Увидев промелькнувшую на её лице улыбку, старый доктор хитро прищурился и спросил:

– Наверное, вы подумали, что я похож на Айболита? Не смущайтесь, я сам это знаю, мои подчинённые, да нередко и больные за глаза так меня и называют. Расскажите, пожалуйста, мне о вашем Фонде.

Разговор получился полезный. Главный врач внимательно выслушал Екатерину, подробно рассказал о возможностях своей больницы.

– Екатерина Викторовна, мы рады поучаствовать в вашем благородном деле, – подвёл он итоги встречи, – посмотрите наши прайс-листы. Если цены вам подойдут, подпишем договор и начнём сотрудничество.

Иван Петрович попросил секретаря передать своей гостье необходимые документы, и они распрощались.

Следующая встреча оказалась менее оптимистической. Главный врач второй больницы оказался занят, и Екатерину проводили к его заместителю.

Это был нервный молодой человек, который не смотрел прямо в лицо собеседницы, а всё время отводил взгляд в сторону. Выслушать информацию о Фонде он не пожелал.

– Да знаем мы эти ваши фонды, – поморщившись, процедил он, – лучше скажите, а вы работаете с особыми условиями?

– С какими особыми условиями? – не поняла Екатерина.

– Я имею в виду финансовые условия, – мужчина впервые посмотрел Кате прямо в глаза.

Этот взгляд Кате не понравился, и тут она смекнула, что речь идёт об откатах.

– Нет, – строго заявила она, – мы работаем честно, без откатов.

– Да я не об этом спросил, – попытался обойти острую ситуацию её собеседник, – впрочем, у нас уже есть подшефный фонд, да и плановых госпитализаций хватает.

– Не трудитесь объяснять, я всё поняла. Не получится у нас сотрудничество. Всего хорошего.

Она встала из-за стола и покинула кабинет. До встречи с предполагаемым спонсором ещё оставалось время, и Катя направилась в кафе перекусить. Во время лёгкого обеда она с сожалением думала о том, почему у нас многие стремятся кроме зарплаты отхватить себе ещё кусок незаработанных денег. Ведь, по сути, это – воровство. Такое поведение её всегда расстраи-

вало, сбивало с толку, а впереди ещё одна встреча. Надо было успокоиться и собраться с мыслями. «Надеюсь, следующий собеседник предлагает свою помощь бескорыстно», – подумала женщина, заканчивая трапезу.

Через сорок минут она уже входила в офис компании, хозяин которой собирался стать одним из спонсоров их благотворительного фонда. Обстановка ей понравилась. По обе стороны просторного коридора располагались рабочие помещения. Верх стен был сделан из стекла или какого-то другого прозрачного материала, так что Екатерина смогла заглянуть в кабинеты, не входя в них. Она обратила внимание, на то, что там всё неплохо организовано для эффективной работы: современная удобная мебель, много техники, есть и места для короткого отдыха со столиком, диванчиками и кофемашиной. «Видимо, хозяин компании современный человек и заботится не только о своих доходах, но и о подчинённых», – подумала женщина. В приёмной её приветливо встретила секретарь.

– Екатерина Викторовна, – то ли спросила, то ли констатировала она, – Игорь Сергеевич ждёт вас, проходите, пожалуйста. Что вы будете пить: чай, кофе?

Катя открыла дверь и вошла в кабинет. Он был небольшой, но, как и другие помещения офиса, очень современный. Хозяин кабинета вышел из-за стола и шагнул ей навстречу. Это был крупный мужчина средних лет. Голова его была лысой, как бильярдный шар, лицо украшала небольшая чёрная борода, из-под густых бровей на Катю смотрели синие глаза. На мгновение этот взгляд показался ей знакомым, но она тотчас отогнала эту мысль прочь. Катя обратила внимание на элегантный костюм и до блеска начищенную обувь мужчины.

– Игорь Сергеевич, – представился он.

– Екатерина Викторовна, – сказала Катя и протянула ему руку для пожатия.

Но рукопожатия не произошло. Он осторожно взял её руку, поцеловал и на какое-то время задержал её в своей ладони. Его взгляд остановился на катиных пальцах. Женщина почувствовала себя неловко. Она считала свои руки некрасивыми. Нед-

линные пальцы, короткие ногти делали их похожими на руки девочки-подростка.

– Какие трогательные у вас руки, как у маленькой девочки, – неожиданно сказал, словно выдохнул, хозяин кабинета.

Увидев смущение на лице гостя, он извинился и предложил Кате сесть.

– Простите за вольность. Давайте перейдём к нашим делам. Я ознакомился с работой вашего Фонда, во всяком случае, с материалами, которые можно найти в интернете и прессе. Почитал и отзывы ваших клиентов. Впечатляет! Поэтому наша компания готова вам помогать. Думаю, вам тоже интересно, с кем предстоит сотрудничать. Я коротко расскажу о нашей работе. Задавайте вопросы, не стесняйтесь. Подробности можете узнать здесь, – он протянул Екатерине толстую папку, – мои сотрудники приготовили документы о нашей деятельности. Возьмите их с собой. Почитайте о наших достижениях.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошла секретарь с подносом в руках.

Она ловко сервировала столик, расположенный в углу комнаты, и вышла, не проронив ни слова.

– Давайте продолжим наш разговор за чаем, – предложил Игорь Сергеевич, и они пересели.

Хозяин кабинета налил Кате чаю. И продолжил свой рассказ. Катя узнала, что компания владеет сетью универсамов не только в Москве, но и в ряде других городов центральной части России. Бизнес ведётся довольно успешно. Пока Игорь Сергеевич говорил, Екатерина исподволь рассматривала его. Сама себе она призналась, что этот мужчина нравится ей. В его присутствии она почему-то чувствовала себя спокойной и защищённой. Вот только эти огромные синие глаза... Иногда его взгляд становился таким притягательным, что Катя невольно смущённо опускала глаза.

– Не буду долго вас утомлять своим рассказом. Может, у вас появились вопросы? – спросил он.

– Вопрос только один: почему вы решили заняться благотворительностью?

– Это очень личное. Не хотелось бы раскрывать детали. Ну а кроме всего прочего, у нас есть такие возможности. Почему бы не помочь больным детям? Если вопросов нет, предлагаю сегодня же подписать договор о сотрудничестве.

– Но мы же не обсудили детали, – удивилась Екатерина.

– Все детали содержатся в вашем типовом договоре. Мои юристы внимательно изучили его. Нам он подходит. Единственный пункт, который предлагаем изменить, касается продолжительности нашего сотрудничества. Мы бы хотели, чтобы наше спонсорство было не разовым актом, а включало бы в себя постоянную составляющую. Предлагаю заключить договор сроком на один год, а там посмотрим. Вы не возражаете, если наши отчисления в ваш фонд будут ежеквартальными? – Он назвал солидную сумму. – Что скажете?

– Щедро, – оценила Екатерина, – но всё же я привыкла ставить подпись под документом, который хорошо изучен. Не хочется сегодня отнимать у вас время. Давайте я возьму текст договора с собой, а завтра мы его подпишем.

– Как знаете, – произнёс Игорь Сергеевич, – а я думал, что мы сегодня утрясём все формальности и вечером отметим это дело в ресторане.

– Вот ресторан сегодня никак не входил в мои планы. У меня ещё намечены встречи на вечер.

– Хорошо, пусть будет так, как вы предлагаете. Перенесём подписание на завтра, – он улыбнулся и добавил, – но от обеда со мной вы не отвертитесь. Во сколько за вами прислать машину?

– Не беспокойтесь. Я остановилась недалеко от вашего офиса. Приеду сама. В 13.00 будет удобно?

– Конечно, буду ждать. Вы грузинскую кухню любите?

– А разве я дала согласие на обед?

Екатерина строго взглянула на своего собеседника, но он поцеловал её руку и так посмотрел, что Кате показалось, что она тонет в этих огромных синих глазах.

– Ладно, что с вами сделаешь, считайте, что вы меня убедили. Будем пробовать грузинскую кухню.

Они распрощались, и Катя поспешила на встречу с подругами. Две из них жили в Москве. Тоня вместе с мужем занималась строительным бизнесом. Их компания строила прекрасные деревянные дома. Ребята поженились, когда Тонечка была совсем молоденькой девочкой. Это было относительно давно, но до сих пор отношения между ними были нежными и добрыми. У них подрастали два замечательных сына. Катя не встречала более счастливой семьи. Виктория тоже занималась бизнесом. Она была разносторонним человеком. Катю всегда удивляло, как эта хрупкая женщина может успешно совмещать различные виды деятельности: возглавлять дизайнерскую компанию, преподавать в одном из ведущих вузов страны, участвовать в международных конференциях, а ещё и заниматься поэзией. Как раз сегодня Виктория обещала подарить подругам свою новую книгу стихов. Третья подруга, Марина, жила в Воронеже, но часто бывала в Москве. Здесь у неё было много клиенток. Марина была очень талантливым ювелиром и создавала необыкновенные изделия. Каждая из женщин любила их нечастые встречи. Обычно они посещали новые выставки, ходили в театр или на концерт, а потом с интересом обсуждали увиденное за чашкой чая или с бокалом шампанского. В этот раз у каждой из них возникли какие-то неотложные дела, поэтому встреча не включала культурную программу. Ограничились посещением кафе.

Когда Катя вошла в кафе, женщины уже ожидали её. Увидев подругу, принялись радостно махать руками, привлекая её внимание. Катя подошла к столику, женщины расцеловались.

– Мы уже сделали заказ, на твою долю тоже. Посмотри, может, хочешь что-то изменить или добавить, – сказала Марина, передавая Екатерине меню.

– Да ладно, девчонки, доверяю вашему вкусу. Рассказывайте, что нового.

Катя даже не взглянула на меню. Это было странно, она любила пробовать разные деликатесы и обычно с интересом изучала описание блюд в том или ином заведении. Вика и Марина наперебой делились новостями. Через некоторое время женщины заметили, что мысленно Катя не с ними. Она слушала их

невнимательно, почти не реагировала на их рассказы, отвечала на вопросы невпопад.

– Что-то случилось? – спросила Виктория, – ты сегодня не похожа на хохотушку Катюху, которую мы знаем и любим. Может, тебе нужна помощь?

– Да нет, девочки, всё в порядке. Просто устала немного: поезд, потом три встречи.

– Ладно, давайте немного сменим тему. Я принесла вам мой новый сборник стихов, – Вика достала книги и протянула их подругам, – давайте, как мы любим, погадаем, что нас ждёт впереди. Начнём с тебя, Катерина. Называй страницу.

Катя озвучила первое пришедшее на ум число. Вика раскрыла книгу, нашла нужную страницу и зачитала:

*Мы с тобой накануне романа,
И ведём себя осторожно.
Целоваться пока ещё рано,
А расстаться уже невозможно.*

Екатерина с удивлением посмотрела на подругу. Ей показалось, что речь идёт о сегодняшнем знакомстве с Игорем Сергеевичем. По её лицу пробежало некоторое волнение, не оставшееся без внимания от подруг.

– Катюша, а ты часом не влюбилась? – с улыбкой спросила Тонечка.

– Бог с вами, какая влюблённость в наши-то годы, – возразила Катя и замахала руками, – просто странная встреча у меня была.

– Давай-ка поподробнее, – попросили женщины.

Катя рассказала, что познакомилась с бизнесменом, пожелавшим участвовать в деятельности её фонда. Они просто обсудили предстоящее сотрудничество. Всё в рамках приличия, но почему-то у неё возникло чувство, что они уже встречались в прошлой жизни, и между ними был роман.

– Как будто что-то мимолётное произошло между нами. А теперь из ума не идёт его улыбка и огромные синие глаза. Ужас! Надеюсь, что это скоро пройдёт.

– Какой же ужас, подруга. Влюблённость окрыляет, вдохновляет и помогает смотреть на жизнь с оптимизмом. По себе знаю, – старалась успокоить её Виктория.

– Да не влюблённость это, а просто наваждение, колдовство, магия.

– Поживём – увидим, – подвела итог Марина, – а вообще, я тебе даже завидую.

Подруги поболтали ещё немного и довольные встречей разъехались.

В гостинице Катя внимательно изучила договор. Он её вполне устроил. Женщина позвонила мужу, рассказала о деталях предстоящего подписания и, получив одобрение, спокойно заснула.

На следующий день в назначенный час она была в приёмной Игоря Сергеевича. Приветливая секретарь предложила ей войти. После непродолжительной беседы договор был подписан.

– Очень рад началу нашего сотрудничества и, смею надеяться, дружбы, – торжественно произнёс хозяин кабинета, улыбнулся и спросил: – Вы готовы к кутежу?

– К какому кутежу? – испугалась Екатерина.

– Вы так мило смущаетесь! Это шутка. Ни водки, ни цыган не будет, просто дружеский обед в симпатичном ресторанчике. Вы же вчера согласились на грузинскую кухню.

Он попросил секретаря уточнить, на месте ли водитель, и они спустились на первый этаж.

– Куда мы поедем? – спросила Катя.

– В район Новодевичьего монастыря. Там расположен очень милый ресторан, называется «У Пиросмани». Не могу сказать, что это шикарное место, но готовят там отлично, обстановка и обслуживание соответствует. Думаю, вы останетесь довольной.

Ресторан был расположен в Новодевичьем проезде. Неприятный с виду, он поражал интерьером в старо-грузинском стиле с панорамными окнами, выходящими на окрестности Новодевичьего монастыря с его прудами. Стены украшали

копии работ Нико Пиросмани и современных художников. Игорь Сергеевич пояснил, что здесь частенько устраивают художественные выставки. Звучали мелодичные звуки скрипки и фортепьяно. Всё это создавало возвышенную, несуетную обстановку, располагающую к доброй беседе. Не разочаровала и кухня. Грузинские блюда, бережно и с любовью приготовленные кудесниками-кулинарами, были великолепны. Принесли вино. Игорь Сергеевич предложил тост за здоровье прекрасной дамы.

– Спасибо, – поблагодарила Екатерина, – а я думала, что мы поднимем бокалы за наше сотрудничество.

– Само собой, попозже выпьем и за это. Кстати, хочу попросить вашего разрешения перейти на «ты». Мне кажется, так будет гораздо удобнее и приятнее беседовать. И, пожалуйста, зовите меня просто по имени. Не люблю я официоз.

Екатерина не стала возражать, тем более что ей казалось, они давно знакомы. Завязалась непринуждённая беседа. Катя узнала, что Игорь занимается бизнесом лет двадцать, а вообще он математик, окончил МГУ. В начале трудового пути работал младшим научным сотрудником в одном из многочисленных НИИ. Даже подготовил диссертацию, но решил её не защищать.

– Надо же, какой ты умный, а мне математика давалась с трудом. Я даже побаивалась самих названий «алгебра», «геометрия». Сейчас и не вспомню, о чём это.

– Просто в сегодняшней жизни тебе это не надо, а если возникнет необходимость, вспомнишь. Эти знания хранятся где-то глубоко в твоей хорошенькой головке. Нужен только толчок. Сейчас проверим. Что означает выражение «Пифагоровы штаны на все стороны равны»?

Катя в недоумении посмотрела на собеседника.

– Понятно, – рассмеялся Игорь, – с теоремой Пифагора не получилось. Зато ты точно знаешь пятый постулат геометрии Евклида. Он гласит, что параллельные прямые не пересекаются.

– Про параллельные прямые я помню. Правда, что это какой-то постулат Евклида, мне неизвестно. Кстати, у меня есть подруга,

поэтесса. Первое образование у неё техническое, но она нередко использует в своих стихах образ пересекающихся параллелей. Как думаешь, она тоже забыла геометрию?

– Не обязательно. Поэты часто используют разные метафоры и нереальные образы. А возможно, она знакома с геометрией Лобачевского. В противоположность Евклиду, тот исходил из другой аксиомы. Она гласит, что через точку, не лежащую на данной прямой, проходят, по крайней мере, две прямые, лежащие с данной прямой в одной плоскости и не пересекающие её.

– Разве это может быть в реальной жизни?

– В реальной жизни, милая Катя, ещё и не такое бывает. Вот и наши с тобой жизненные прямые пересеклись. Чему я очень рад. Ну а что касается геометрии Лобачевского, то его допущение возможно не для плоскости. Он оперирует понятиями гиперболического пространства, имеющего некую отрицательную кривизну. Как у известной тебе воронки. Да Бог с ней, с геометрией, расскажи лучше о себе: что ты любишь, что тебе интересно.

Они обсудили много разных тем, обнаружив, что их взгляды во многом похожи. В результате обоим стало казаться, что они давние друзья. После обеда Игорь предложил Кате немного пройтись.

– Хочу показать тебе кое-что интересное, – пояснил он, – уверен, тебе понравится.

Они вышли из ресторана, перешли дорогу и оказались в небольшом сквере, окружавшем Новодевичий монастырь. Жара уже спала, и парк был полон: молодые мамы приглядывали за малолетними ребятами, прогуливались влюблённые парочки, группа пожилых женщин что-то громко обсуждали на скамейке в тени деревьев. Настроение у всех было радостным. Через некоторое время Катя увидела в траве скульптурную композицию: бронзовая утка с утятами. Процессия растянулась метров на десять.

– Как мило! – воскликнула Катя.

Она присела и погладила одного из утят.

– Откуда эта прелестная семейка?

– Я же говорил, что тебе понравится, – с радостной улыбкой ответил Игорь, – это любопытная история. Истоки её в американской детской литературе. В начале сороковых годов прошлого века известный детский американский писатель и иллюстратор Роберт Макклоски написал рассказ «Дорогу утятам!». Это была история об утином семействе, прилетевшем в Бостон. Пернатый встретился добрый полицейский, который подкармливал их и помог мамаше и её восьми утятам перейти оживлённые дороги и безопасно добраться до Центрального парка.

– Почему памятник в честь этого трогательного рассказа оказался в Москве? – удивилась Катя.

– Всё очень просто. Подобная скульптурная композиция установлена в том самом Центральном парке Бостона, где в конце концов обосновалось утиное семейство. Называлась она, как и рассказ, «Дорогу утятам!» Во время официального визита Михаила Сергеевича Горбачёва в США им с супругой показали этот памятник. Он так тронул Раису Максимовну, что Барбара Буш, супруга сорок первого Президента США, решила подарить его копию для установки в Москве. Так что можно сказать, что это не простые утята, а символ российско-американского диалога. Правда, это уже вторая копия.

– А что стало с первой?

– Увы, но уже через сутки какой-то плохой человек украл одного из утят. Потом исчезло ещё несколько фигурок. Тогда, в 2000 г. их могли просто сдать как цветной металл. Позже автор копии, скульптор из США Нэнси Шен, восстановила скульптурную композицию, сделав её антивандальной.

– Откуда ты так хорошо знаешь историю этого милого памятника?

– Я был на его открытии, но главное, я люблю здесь бывать. И в скверике, и в ресторане. Надеюсь, ты тоже оценила их прелесть.

– Да, всё было чудесно, спасибо тебе. А теперь мне надо ехать в гостиницу.

– Тебя отвезёт мой водитель, а у меня здесь недалеко рабочая встреча. Ты когда возвращаешься в Питер?

– Завтра днём. Так что, если увидимся, то через месяц. У меня запланирована очередная командировка.

– Посмотрим, судьба непредсказуема. Спасибо, что подарила мне радость общения.

Они попрощались, и Катя отправилась в гостиницу. Весь вечер она пребывала в какой-то истоме. В её голове всё время возникал образ Игоря, вспоминалась его улыбка, манящий взгляд синих глаз. В конце концов, она даже рассердилась на себя.

– Ну что ты никак не успокоишься? – вслух произнесла Екатерина, обращаясь сама к себе, – ну пообедала, прогулялась с интересным мужчиной, услышала приятные комплименты. Не первый раз в жизни. Такая сентиментальная стала, видно дело идёт к старости.

Но слова не помогли. Она так и уснула с мыслями об Игоре.

Утром Катя пробежалась по магазинам, купила небольшие подарки для мужа и дочери. Она всегда привозила из Москвы что-нибудь интересное и полезное для своих родных. Днём села в любимый «Сапсан», и он помчал её домой. В этот раз Катя не стала спать, а вытащила полученную от Виктории книгу стихов и погрузилась в чтение. Она любила стихи подружки. Часто ей казалось, что Виктория описывает сюжеты из жизни самой Екатерины. Да и чувства такие знакомые, волнующие, захватывающие. С новыми стихами история повторилась. Катя не прервала чтение, пока не дочитала всю книгу.

Во время чтения у неё перед глазами не раз возникал образ Игоря, но Екатерина надеялась, что по возвращению домой эти видения исчезнут, тем более что там её ждали многочисленные домашние заботы (дочка в этом году окончила школу и готовилась поступать в университет) и непростые рабочие задачи. Однако и дома разные мелочи то и дело напоминали ей о недавнем знакомом. Вечером после ужина муж сел разгадывать кроссворд. Сергей любил это занятие. Он считал, что кроссворды тренируют мозг и помогают в будущем избежать болезни Альцгеймера. Этой болезнью страдала его мама, и мужчина опасался, ней ли у него опасной наследственности.

– Ну что ты там отгадываешь, молча? – спросила Катя, – читай вопросы вслух, мы тоже хотим поучаствовать.

– Да тут какой-то технический кроссворд попался. Вряд ли вы с дочкой сможете ответить, вы же гуманитарии. Впрочем, если настаиваете, пожалуйста! Назовите российского учёного, которого известный английский математик Уильям Клиффорд назвал «Коперником геометрии», – Сергей торжествующе посмотрел на жену и дочь.

– Мы пас, – сразу же ответила Лера.

– Ещё чего, что это ты сразу сдаёшься, доченька. Это Лобачевский, создатель неевклидовой геометрии, – парировала Катя.

Сергей с удивлением посмотрел на жену.

– Вот это да! Откуда такие познания?

Екатерина смутилась, но виду не подала.

– Моя московская подруга поэтесса нередко пишет о параллельных мирах, параллельных судьбах, которые иногда пересекаются. Она и рассказала об этом математике и его теории. По первому образованию она математик, вот немного просветила меня.

На следующий день Екатерина приехала в Фонд пораньше. Накануне она позвонила своему заместителю и попросила подготовить отчёт о проделанной за время её отсутствия работе. Ей хотелось в тишине и одиночестве войти в курс дела. Однако, её уже ждала Лидия, главный бухгалтер Фонда.

– Что-то случилось? – поинтересовалась Катя, – ты почему так рано приехала?

Лидия успокоила начальницу:

– Нет, что вы, наоборот, – успокоила она Екатерину, – просто радуюсь, что вы нашли такого щедрого спонсора. Вчера уже пришла крупная сумма. Хотела уточнить, это разовый платёж, или мы можем рассчитывать и на другие поступления?

– Вообще-то я заключила договор на длительную постоянную помощь, если ты имеешь в виду сеть универсамов «Альфа», – пояснила Екатерина, – речь идёт о них?

– Да, о них. Это здорово! – улыбнулась главный бухгалтер, – тогда пойду, скорректирую нашу смету.

Лидия покинула кабинет, а Катя взялась за отчёты. Она с удовлетворением отметила, что в её отсутствие сотрудники трудились плодотворно и выполнили все оставленные ею задания. Вскоре офис заполнился, и в фонде и началась привычная работа. Дел было много, и Екатерина с головой погрузилась в них. Образ нового знакомого и те чувства, которые взволновали её при общении с ним, отступили на второй план.

На третий день после приезда из Москвы после обеда на телефон Екатерины пришло сообщение: «Привет, подъезжаю к твоему славному городу. Хотел сделать тебе сюрприз, но подумал, что тебе нужно время, чтобы скорректировать свои планы. Надеюсь, ты хорошо относишься к музыке Адольфа Адена и к его балету “Жизель”. Буду ждать тебя в 18.30 у входа в “Мариинку”. Отказ не принимается. Поздно вечером возвращаюсь в Москву». Сердечко Екатерины забило сильно-сильно, ей даже показалось, что все окружающие услышали звуки её сердцебиения. В голове возник образ Игоря, точнее – его огромные синие глаза, и Катя поняла, что будет очень рада вновь его увидеть. У неё даже мысли не возникло, чтобы отказаться от встречи или обидеться на то, что её заранее не предупредили. Переодеться она уже не успевала, но вот привести в порядок причёску и макияж – вполне. Катя позвонила своему мастеру. Слава Богу, та сегодня работала и согласилась помочь Кате. Ещё надо был предупредить мужа, что задержится, но здесь проблем не было. Сергей не очень любил театр, но никогда не препятствовал супруге наслаждаться театральным искусством.

В назначенный срок Катерина с замиранием сердца подходила к театру. Игоря она увидела издали: высокий элегантный мужчина с красивым букетом цветов стоял на возвышении и внимательно всматривался в подходивших к театру людей. Увидев Катю, он разулыбался и пошёл ей навстречу.

– Здравствуй, как я рад тебя видеть! Выглядишь великолепно! – он вручил Кате цветы, наклонился и поцеловал её.

От поцелуя, запаха его парфюма и нахлынувшего чувства Екатерина потеряла дар речи. Наконец, она взяла себя в руки и произнесла:

– Ты меня очень удивил.

– Да я и сам себя удивил, – рассмеялся Игорь, – три дня прожил как в тумане. Успокоился только тогда, когда сел в поезд и понял, что сегодня увижу тебя. Ладно, пойдём, а то спектакль скоро начнётся.

Когда они заняли свои места, Игорь взял руку Кати, поцеловал и уже не выпускал её до конца представления. Екатерина не сопротивлялась. Хотя ей было немного неловко, но она почувствовала себя юной девочкой на первом свидании: было волнительно и очень приятно. Чудесная музыка Адольфа Адена, виртуозное исполнение балета в прекрасной постановке Мариуса Лиепы, великолепная обстановка Мариинского театра создавали иллюзию волшебства, усиливали чувства Екатерины. Так хорошо ей давно не было.

После спектакля они поехали на Московский вокзал.

– Спасибо, Катюша, за прекрасный вечер! Я безумно счастлив, что увидел тебя. Теперь ты от меня никуда не денешься!

Игорь наклонился и поцеловал Катю в губы. От долгого и страстного поцелуя у неё закружилась голова. Ей захотелось полностью раствориться в этом мужчине, стать его частью, но она нашла в себе силы остановить это безумие.

– Игорь, мы сошли с ума! Это же вокзал, кругом люди, – пролепетала Катя.

– Вот именно! Это – вокзал. Здесь люди прощаются, а, значит, обнимаются и целуются. Никто на нас и внимания не обращает. Но ты права: так целоваться надо в другой обстановке. Обещаю это исправить.

Так начался их бурный роман. Игорь нередко стал приезжать в город на Неве, а Екатерина все командировки в Москву взяла на себя, пояснив сотрудникам, что их компаньоны для решения вопросов сотрудничества хотят видеть только первое лицо. В одной из книжек Виктории ей попало на глаза небольшое стихотворение «Москва – Питер – Москва». Оно было написано задолго до встречи с Игорем. Возможно, Катя не раз машинально перечитывала эти строчки, но тогда они не задержались в её памяти. Теперь же ей стало казаться, что подруга

посвятила стихотворение именно их паре. Частенько, садясь в поезд, Екатерина, как заклинание повторяла:

*За окошком – огоньки, как свечи,
Время тянется, как поломалось.
Отделяет нас с тобой от встречи
Ночи бархатное одеяло.*

*Сердце просит, чтобы побыстрее
Поезд мчался, ехал, двигался, спешил,
Чтобы миг, когда к тебе на шею
Можно броситься, скорее наступил.*

Их роман не был банальной интрижкой, когда после ресторана едут в гостиницу, и после разъезжаются по своим домам, не вспоминая друг о друге до следующего раза. Встречи были наполнены любовью, радостью, яркими эмоциями. Игорь оказался романтиком и большим выдумщиком. Он всегда приятно удивлял Катю: то вёз её на VIP-рыбалку, то они посещали один из городов «Золотого кольца», то летели на сутки на море. И всегда были цветы, шампанское, музыка, стихи и долгие душевные беседы. С каждым свиданием они становились всё ближе, и через какое-то время Катя уже не представляла себе жизнь без них. Такой счастливой она никогда не была, даже в первые годы своего замужества. Тогда они с Сергеем были очень молодыми. Первые чувства, первая страсть, радость от рождения дочери – всё это теперь казалось Кате не таким ярким, как сегодняшние её чувства. Конечно, она по-своему любила мужа и заботилась о нём, но эта любовь уже давно превратилась в дружбу и привязанность, причём с обеих сторон.

Отношения Екатерины с Игорем оставались тайной для всех, кроме её московских подруг. К увлечению Кати они относились по-разному. Если Виктория и Марина не видели в этом криминала, то Тоня никак не могла принять такое поведение подруги.

– Катюша, а как же Сергей? Что будет, если он узнает о твоей измене? – допытывалась она.

– Ой, Тонечка, я об этом и не думала, – отвечала Катерина, – для меня это и не измена вовсе. По сути, мы с Серёжей уже давно не супруги, а родственники. Близкие, дорогие друг для друга, но просто родственники. Всё произошло постепенно и задолго до встречи с Игорем.

– Как же так, – не унималась Тоня, – мы с Лёшей тоже совсем молодые поженились, но я и минуты себя без него не представляю. Люблю, как прежде, даже сильнее.

– Может, наша с Серёжей любовь послабее оказалась, а может просто не сумели её сохранить. Да ещё это благополучие: выстроили дом, не дом, а хоромы. Места много. У каждого своя спальня, свой кабинет. Встречаемся только за завтраком и ужином, да и то не всегда.

– Ну вот, – вступила в разговор Виктория, – раньше жаловались, что любовь уходит от неблагополучия. Как писал Владимир Маяковский, «любовная лодка разбилась о быт». А теперь что, богатство виновато?

– Глупости, нельзя обобщать, – обиделась Тоня, – мы с Лёшей тоже совсем не бедные, а любим друг друга, как молодожёны.

– Девчонки, меня другое интересует, – раздался голос Марины, – что дальше-то будет, Катюха? Вы что, собираетесь разводиться и создавать новую семью? Какие планы на будущее? Ведь уже почти год встречаетесь.

– Да какие планы, – Катя махнула рукой, – не обсуждали, да я и боюсь говорить об этом. Интуитивно чувствую, недолго наше счастье продлится, уж слишком всё хорошо. Поэтому ни насмотреться на него, ни надышаться не могу.

Дальнейшие события показали, что интуиция Катю не подвела. Приехав в очередную командировку, она, как обычно, набрала номер Игоря. Они давно уже не договаривались заранее о своих поездках и встречах, созванивались уже по приезду. Было очень приятно радовать друг друга своим появлением. Однако в этот раз телефон Игоря был недоступен. Прямой служебный телефона тоже молчал. Тогда она позвонила в приёмную. Представившись, спросила, когда можно будет поговорить с Игорем Сергеевичем.

– Добрый день, Екатерина Викторовна, – радостно поприветствовала её секретарь, – Игорь Сергеевич будет только через неделю. Они с женой улетели в Германию. У вас какие-нибудь серьёзные вопросы? Могу соединить вас с его заместителем.

– Нет, большое спасибо. Подожду возвращения Игоря Сергеевича.

Они попрощались, и Екатерина повесила трубку. Настроение было испорчено. Игорь никогда ничего не рассказывал о своей жене. Ещё в самом начале их знакомства сказал, что ситуация в семье непростая, и дал понять, что не хотел бы обсуждать какие-либо детали. Когда Игорь уезжал в командировки, он заранее предупреждал об этом Катю. И сейчас она не понимала, почему он просто не сообщил, что будет отсутствовать неделю.

Екатерина постаралась решить все свои дела побыстрее и, не задерживаясь, отправилась домой, даже подругам не стала звонить в этот раз. В течение недели при первом же звонке она хватала трубку, втайне надеясь, что это звонит Игорь, но напрасно. Не отвечал и его телефон. На десятый день молчания Катя окончательно обиделась и решила ни при каких обстоятельствах больше не звонить ему первой, хотя очень скучала по их встречам.

Вскоре мир узнал о новом вирусе. Так называемый Covid, стал завоёвывать всё новые и новые страны. Всемирная организация здравоохранения, учитывая скорость и масштабы его распространения, определила ситуацию как пандемию. Люди не только тяжело болели, но и умирали от нового вируса. Правительства многих стран стали вводить ограничительные меры в целях нераспространения Covid на своих территориях. Кроме внутренних рекомендаций и запретов на проведение многочисленных мероприятий, стали закрываться границы, практически прекратились международные авиаперелёты, остановилось железнодорожное сообщение между странами. Екатерину мучил вопрос, успел ли вернуться из Германии Игорь. Ей очень хотелось ему позвонить, но она крепко держала данное себе слово. Поначалу многие люди скептически отнеслись к вводимым правительствами разных стран ограничениям в общении и пере-

движении граждан. Однако пандемия разрасталась. Болезнь не обошла стороной и семью Екатерины. Правда, они переболели относительно мягкой её формой: без серьёзного поражения лёгких, без подключения к специальному аппарату ИВЛ. Болезнь перенесли дома. Лишь у Сергея высокая температура держалась две недели. Катя и дочь потемпературили недельку, зато у них надолго пропадали обоняние и ощущение вкуса. Но даже через месяц лечения осталось чувство слабости, быстрая утомляемость и тяжёлое дыхание во время ходьбы. Несмотря на это, Екатерина, а за ней и Сергей, вышли на работу.

Дел в Фонде накопилось немало, одной только почты – солидная стопка. Правда, за время Катиного отсутствия её секретарь Алёна разобрала все письма и распределила их среди сотрудников. При этом она советовалась с заместителем Екатерины, а в сложных случаях звонила ей самой домой. Алёна с отличием окончила колледж по специальности «Делопроизводство». Она работала в Фонде несколько месяцев, но проявила себя ответственным и инициативным работником. К каждому письму была приколота карточка с кратким изложением его сути и указанием, кому из сотрудников оно передано. На некоторых карточках были пометки об итогах рассмотрения письма. Екатерина похвалила девушку. Та зарделась от смущения, довольная похвалой.

– А это письмо адресовано лично вам, Екатерина Викторовна, – Алёна протянула ей плотный конверт, – оно пришло из Мюнхена несколько дней назад.

Катя взяла в руки конверт. Адрес был написан на немецком языке.

– А немецкого языка я не знаю, – сама себе сказала она, – придётся искать переводчика.

– Екатерина Викторовна, если не возражаете, я могу попробовать сделать перевод. У меня по немецкому была «пятёрка», а ещё я окончила курсы. Это письмо отправлено из одной мюнхенской клиники.

– Алёночка, да ты оказывается ещё более ценный сотрудник, чем я предполагала. Позже вернёмся к этому письму.

Катя отпустила секретаря и занялась другими делами, но мысленно всё время возвращалась к посланию из Мюнхена. Почему-то на душе было тревожно. Вечером, отпустив всех сотрудников, она решила вскрыть конверт. Неожиданно раздался звонок. Это был Сергей.

– Катюша, не пора ли тебе домой? Что-то ты заработалась. Заехать за тобой?

– Если ты уже собрался, поезжай, доберусь сама. Мне надо кое-что доделать, – ответила Катя.

– А сколько времени ты планируешь ещё посидеть?

– Полчасика, не больше.

– Хорошо, у меня тоже есть чем заняться. Подъеду через полчаса.

Отключив звонок Сергея, Катя с волнением открыла конверт. Внутри оказался ещё один с надписью по-русски «Екатерине Викторовне. Лично» и свёрнутая несколько раз записка. Катя решила начать с письма. Оказалось, это было послание от Игоря.

«Любимая моя Катюша! Извини, что не звонил. Столько нерадостных событий произошло, что обсуждать их по телефону не мог».

Катя вытерла проступившие слёзы и продолжила чтение.

«Я не рассказывал тебе о болезни Татьяны, моей жены. Много лет назад ей поставили страшный диагноз. Её прооперировали в Мюнхене, где она периодически наблюдалась последние годы. На время болезнь отступила, но вдруг начался рецидив, и мне надо было срочно везти её в клинику. После исследований врачи констатировали, что изменения уже необратимы, а через некоторое время Татьяны не стало. Всё это совпало с началом пандемии. Границы закрыли, и мне пришлось долго согласовывать всякие формальности. В результате сам заразился ковидом, длительное время был подключён к аппарату искусственного дыхания. Сейчас я уже в палате и могу тебе писать».

Не думай, пожалуйста, что пытаюсь оправдаться. Я знаю, что виноват перед тобой своим долгим молчанием. Но, пожалуйста, пойми моё состояние и прости, если сможешь. Ты

очень дорога мне, и я не знаю, что со мной будет в случае нашего разрыва.

Хочу открыть тебе одну тайну. Наша встреча не была случайным событием. Много лет назад я увидел тебя в Венеции. Это была поездка по венецианским каналам. Я любовался пейзажами, когда жена обратила моё внимание на вашу пару:

– Игорь, оглянись, посмотри, какие счастливые ребята за столиком слева. Могу поспорить, что это молодожёны.

Я оглянулся и оторопел: мне показалось, что я вижу не земную женщину, а небожительницу. Небольшой ветерок развеивал твои пышные светлые волосы, серебряный смех звучал, как колокольчик, лицо излучало счастье и любовь. Когда ты, может быть, почувствовав мой взгляд, посмотрела прямо мне в глаза, я понял, что влюбился. После экскурсии узнал в турагентстве твоё имя и фамилию, город, из которого вы с мужем приехали. Через некоторое время у меня был твой адрес и место работы. Я хотел познакомиться с тобой, но всё никак не мог решиться, боялся, что ты даже разговаривать со мной не захочешь. А когда узнал, что ты ждёшь ребёнка, решил оставить затею о знакомстве. Но мечта о встрече так и жила во мне. Время от времени узнавал о твоих успехах, а когда прочёл на сайте твоего Фонда, что вы приглашаете к сотрудничеству потенциальных спонсоров, решил, что это знак хотя бы увидеть тебя. Я и мечтать не мог, что ты ответишь мне взаимностью!

Милая Катя! Когда я смогу вернуться в Москву, пожалуйста, не отказывайся от встречи. Очень хочу сделать тебя самой счастливой в мире.

Люблю тебя,

Игорь».

Некоторое время Екатерина не могла прийти в себя. Она поняла, почему ей всё время казался знакомым взгляд синих глаз Игоря. Та поездка была их с Сергеем свадебным путешествием, поэтому никакие другие люди не остались в её памяти. Теперь она вспомнила, что во время экскурсии по венецианским каналам Сергей как-то в шутку приревновал её:

– Нет, ты посмотри, какая наглость: вон тот господин, между прочим, с дамой, всё время с вожделием смотрит на тебя, – он указал на высокого черноволосого мужчину.

Катя посмотрела в его сторону. Взгляд огромных синих глаз, словно ударил её током. Она справилась с этим ощущением и шутливо ответила:

– При чём здесь этот мужчина? Тебе, видимо понравилась его спутница. Согласна, красивая женщина! Будешь заглядываться на других – накажу!

Они ещё немного пошутили на эту тему и вскорости забыли о своих попутчиках.

Екатерине захотелось сейчас же услышать голос Игоря. Она позвонила, но услышала в ответ: «Номер заблокирован». Вздохнув, открыла вложенную в письмо записку. Она была приятно удивлена, что текст написан по-русски, но его содержание вызвало у Кати шок. Это было сообщение медсестры из клиники, где лечился Игорь. Она писала, что оправляет письмо по просьбе пациента, за которым ухаживала после его перевода из реанимации в палату. Он уверенно шёл на поправку, когда неожиданно оторвался тромб, и пациент скончался. Медсестра приносила свои соболезнования и сообщала, что руководство клиники отправило официальное заключение о кончине пациента на адрес фирмы, где работал Игорь Сергеевич, поскольку информацией о его родственниках они не располагали.

Кате показалось, что мир рухнул. Она хотела встать, но силы покинули её. В это время раздался звонок Сергея:

– Катюша, ты освободилась?

– Забери меня, скорее, мне плохо, – её голос напугал супруга.

– Выпей воды и сиди на месте, скоро буду. Видно, проклятый вирус даёт о себе знать.

После сообщения о кончине дорогого для неё человека Катя долго не могла прийти в себя. Её плохое самочувствие все объясняли последствием перенесённого ковида.

Когда Екатерина вновь смогла вернуться к работе, её ждало письмо из фирмы «Альфа» с предложением продолжить со-

трудничество. Она напряглась: это была фирма Игоря. Однако, собравшись с силами, сама позвонила в их приёмную, попросила поблагодарить руководство за предложение и согласовать время встречи.

В назначенный день Екатерина входила в знакомый ей московский офис. Она слегка волновалась. Слишком много воспоминаний связывало её с этим местом. Оказалось, что с новым генеральным директором фирмы, Олегом Николаевичем, они уже виделись. Это был друг Игоря Сергеевича и соучредитель фирмы «Альфа». Он пояснил Екатерине, что Игорь Сергеевич неоднократно высказывал намерение продлить оказание спонсорской помощи Фонду Екатерины Викторовны на длительный срок. После подписания нового договора Катя решила заговорить об Игоре.

– Скажите, Олег Николаевич, могу я узнать, где покоится прах Игоря Сергеевича? Хотелось бы посетить его могилу. Прекрасный был человек.

– Конечно, Екатерина Викторовна. Наша фирма как раз и занималась этими вопросами, поскольку близких родственников у него не осталось. Мы захоронили урну с прахом на Троекуровском кладбище, там могила его родителей, погибших много лет назад в автокатастрофе. Урну с прахом жены забрала её двоюродная сестра, чтобы похоронить в городе Нижнем Новгороде, где она проживает.

Олег Николаевич назвал номер участка на кладбище и пояснил, как можно туда добраться. У Кати не было запланировано на тот день других рабочих встреч, поэтому она сразу же отправилась на Троекуровское кладбище. Оно находится в черте города, недалеко от Рябиновой улицы. Дорога туда на такси заняла минут сорок. Катя быстро нашла могилу. С гранитного памятника на неё смотрели мужчина и женщина. Катя отметила их красивые, открытые лица. «Как Игорь похож на маму», – подумала она. Краем глаза увидела рядом с памятником портрет Игоря, но не сразу смогла взглянуть прямо в его глаза. Наконец, собравшись с силами, подошла к нему и положила цветы. На портрете Игорь улыбался, как будто

был рад её приходу. Катя долго смотрела в его синие глаза, ей даже стало казаться, что портрет ожил, и она что-то зашептала ему. Было ветрено, и в шуме ветра Екатерине слышались его ответные слова и тихий смех. Время словно остановило свой бег. Она спохватилась, когда продрогла. Посмотрела на часы – близился час закрытия. В связи с пандемией кладбище закрывалось рано. Катя перекрестила портрет и медленно пошла к выходу.

На душе было тяжело, одной бродить по Москве не хотелось, а поезд отправлялся в Питер поздно ночью. Кате захотелось встретиться с подругами, тем более что они не виделись очень давно. Для себя решила не рассказывать им о кончине Игоря, пусть думают, что они просто расстались.

Она позвонила Тоне. Та очень обрадовалась её звонку и возможности повидаться.

– Катюха, какая ты молодец, что приехала! – защебетала она, – А мы как раз недавно тебя вспоминали. Сейчас позвоню девчонкам. И Марина в Москве.

– Где встретимся? Наше кафе, наверное, закрыто, – предположила Катя.

– А вот и нет! Они хитрые, соорудили у входа летнюю веранду, там и встретимся часика через полтора.

В назначенное время Екатерина вошла в кафе. Её уже ждали. Девчонки радовались появлению подруги, как дети.

– Мы соскучились! Ты пропала так надолго, что мы уже волноваться начали, – наперебой кричали они, по очереди обнимали и целовали Катю.

– Тихе, тихе. Нас ещё оштрафуют за такой тесный контакт, – попыталась она их успокоить, – я тоже ужасно соскучилась! Рассказывайте новости!

С их последней встречи прошло много времени, у каждой было, чем поделиться с Екатериной. Марина показала каталог своих новых ювелирных изделий. Тонечка рассказала о свадьбе старшего сына и сообщила, что готовится стать бабушкой. У Вики вышел новый сборник стихов. Она подарила книгу Кате.

– У Марины и Тони уже есть по экземпляру, – сказала она, – по традиции мы погадали. Давай и ты, назови страницу. Посмотрим, что тебе предрекут мои стихи.

С учётом последних событий Кате это было неинтересно, но обижать подругу не хотелось, и она назвала первое пришедшее в голову число.

– Мы теперь не строчку или четверостишие зачитываем, а всё стихотворение, – пояснила Виктория, открыв книгу.

Услышанное стихотворение поразило Екатерину. Оно называлось «Как жаль».

*Как жаль, что всё давно прошло,
Весенним ливнем унесло,
Сгорело знойным летом,
Осенним сдуло ветром,
Метелью белой замело.*

*Уже не встретимся с тобой,
Не стану я твоей судьбой.
Закрылась в счастье дверца,
Лишь боль осталась в сердце,
Лишь в снах по-прежнему ты мой.*

*Там страстью всё накалено,
И лунный свет, как серебро,
Не спится до рассвета,
Любовью ночь согрета...
Как жаль, что всё давно прошло!*

– Прямо в точку попала, – только и смогла она вымолвить.

– Катюха, так вы с Игорем всё же расстались? – спросила Марина.

– Не просто расстались, сегодня я была на кладбище, Игоря больше нет.

Забыв о решении не посвящать подруг в свои переживания, она подробно рассказала им обо всём, что произошло с ней в

последнее время. Женщины не перебивая, слушали её исповедь. Лишь в самом конце кто-то из них произнёс:

– Ну что тут скажешь, Катюха? Никакие слова утешения не смогут сравниться с тем, что ты испытываешь. Давайте помянем хорошего человека.

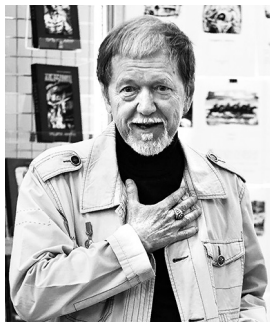
Они разлили вино и, молча, выпили.

– Да, – прервала молчание Виктория, – кто же мог знать, что ваши судьбы, такие разные, как параллельные прямые, пересекутся и трагически изменят ход событий.

– Это мог знать только Лобачевский, – еле слышно прошептала Екатерина, и слёзы ручьём полились из глаз.

Март – сентябрь 2021 г.

Геннадий КИСЕЛЁВ

Геннадий Анатольевич Киселёв – прозаик. Родился в 1947 году в Ташкенте. Поступил в театральный институт. Работал во многих драматических театрах страны. Поступил на Высшие директорские курсы при министерстве культуры СССР. По окончании был приглашён в Московский музыкально-драматический цыганский театр «Ромэн» в качестве заместителя директора по гастроллям. объездил с великим певцом, актёром и режиссёром Николаем Сличенко полмира. В 2008 году сочинил повесть «Кулисы или Посторонним вход разрешён». Отослал её на международный конкурс на лучшую книгу для подростков имени Сергея Михалкова. Получил премию. Книжка вышла в свет. Переиздаётся. Оставил театр. Занялся сочинительством. Был принят в Союз писателей России. Публиковался во многих литературных журналах страны и за рубежом. В издательстве «Детская литература» за последние три года вышло три повести для детей. В Германии опубликовали повесть «Последняя проделка Ходжи Насреддина».

Живёт в Москве.

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ОТДЫХАЕТ

Рассказ

– Тебя в школу вызывают, – просунув голову в кабинет отца, скороговоркой пробубнил Данька.

– По какому поводу? – не отрываясь от ноутбука, спросил Максим Сергеевич.

– А я знаю? Я ничего не сделал. Опоздал на минутку, а он прямо с урока за тобой отправил, – скороговоркой зачистил сын.

– «Эва оно как», – щегольнул фразой доктора Быкова отец и раздражённо отмахнулся. – Завтра зайду.

«Интернов» смотрит, – возликовал Даниил, – пронесло. Но... – он почесал затылок, – сейчас прокатило, а завтра опять с уроков выгонят...».

– Сказал, чтобы ты сегодня пришёл, – выдавил из себя сын. – У него терпение лопнуло.

– День за окном рабочий, нет меня дома. Не приставай. Мама завтра сходит.

– Я проговорился, что у тебя сегодня выходной. Так что он домой не уйдёт, пока с тобой не встретится.

Родитель чертыхнулся, выключил ноутбук и начал собираться.

Уже на пороге школы он сообразил, что не спросил у сына, как зовут человека, оторвавшего его от любимого сериала. Сын учился в шестом классе, это он помнил совершенно точно. Оставалось вспомнить, какая из букв алфавита стояла после этой цифры, и в школе кто-нибудь да подскажет, кто у его дитяти руководитель. Однако, буква не вспоминалась. Забывчивый отец достал мобильник и набрал номер жены. Ага, шестой «А»!

Охранник при входе потребовал документы, долго сверял фотографию на паспорте с оригиналом и путано объяснил, как пройти к Мэлсу Родионовичу.

Мэлс... Что-то далёкое, полузабытое ворохнулось в памяти Максима Сергеевича. Кажется, так звали его друга детства? Помнится, этим звучным именем восхищались мальчишки их дома и даже окрестных дворов. Его в то время давали своим чадам родители в честь вождей мирового пролетариата – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Но не это вызывало восторг пацанов. Мэлс! Напоминало имена любимых книжных заграничных героев: Жан Вальжан, Том Сойер, Оливер Твист, Питер Блад... Погружённый в сладостные воспоминания, он заблудился в бесконечных школьных переходах. Выручила девчушка с повязкой дежурного на рукаве.

Через минуту Максим Сергеевич уже стучал в дверь, обозначенную искомой цифрой.

– Войдите, – услышался звучный, до боли знакомый голос.

Сомнений быть не могло. Он рванул на себя дверь и... в изумлении остановился. Вместо румяного толстощёкого мальчишки с белобрысой, вечно спутанной шевелюрой, Максим Сергеевич увидел перед собой тощего, сутулого, с редким венчиком волос на голове мужчину. Только голубые глаза озорно поблескивали из-под пушистых, будто взятых напрокат у какой-нибудь престлестницы, ресниц.

«Не он, – с сожалением вздохнул про себя отец нарушителя классной дисциплины. – А может всё-таки он. Голос, глаза...»

– Ну что ты там бормочешь, Макс? – Друг детства выпрямился во весь свой немаленький рост и лихо подмигнул ему. – Кажется, так звучали наши с тобой позывные: «Мы – спина к спине – у мачты, против тысячи вдвоём!»

– Мэлс!

Они крепко обнялись.

После долгих хлопков по спинам и тычков в прочие части тела, наконец, усадились: Макс – за парту. Мэлс – за стол.

– Прежде чем мы перейдём к воспоминаниям, скажи сразу, чего натворил мой отпрыск?

– Ровным счётом ничего похожего на то, что в «школьные годы чудесные» творили мы с тобой. Они же сегодня на свет бо-

жий появляются индивидуалами. Юное продвинутое поколение «пепси», айпадов, айфонов-смартфонов и планшетов. Замкнуты, сосредоточены на себе. Друг с другом общаются в основном в сети. Они не знают, что такое лапта, гигантские шаги, колдуны, городки. Не играют в прятки, жмурки, пятнашки, казаки-разбойники. Мальчишки не считают за счастье нести за понравившейся девчонкой её портфель...

– Какие сейчас портфели?

– Пусть рюкзаки, но...

– погоди. Всё это я знаю не хуже твоего. Ты не ответил на мой вопрос.

– Ничего твоё сокровище не натворило. Я же недавно пришёл работать в школу. Назначили руководителем пятого «А». А как увидел Даню, сразу подумал: твой сын.

– А ты не мог у него просто взять мой номер и позвонить по старой дружбе?

– Сколько лет мы не виделись?

– погоди... когда тебя перевели в другую школу, нам было... сейчас мне... мы не виделись двадцать пять лет.

– Чего же ты хочешь? Я тут как-то позвонил старому другу детства...

– Можешь не продолжать. Жизнь сейчас всех круто разбросала. Одного выше облаков, другого ниже плинтуса. Но как ты умудрился стать педагогом? Мы не очень жаловали это сословие. Ты был единственный из нас, кто за детскую футбольную команду города выступал. Думали: смена Эдуарду Стрельцову подрастает, и на тебе.

– Он ещё спрашивает. С твоей лёгкой руки.

– С моей?!

– Ты напруги память-то?

И Максим Сергеевич напруг...

* * *

– ...Макс, Елена Владимировна в школу отца вызвала, – захопал девчачьими ресницами Мэлс.

– За что?

– Ни за что. Тебе хорошо. Лежишь, болеешь. Апельсины-мандарины трескаешь, а тут...

– Ты по делу можешь говорить?

– Ну, принёс я мяч в школу, чтоб на переменке поиграть с пацанами. Ну, выпал он у меня из парты и покатил прямо к учительскому столу. Ну, выдала она, что у меня в голове никаких шариков, кроме этого мяча, никогда не водилось. А потом в дневнике накатала.

– Сказал бы, что дневник дома забыл.

– Как же! Она мне туда за «Чуден Днепр при тихой погоде» в начале урока трояк влепила.

– Покажи?

– Что показать, трояк?

– Дневник покажи, центральный нападающий.

– Кончай прикалываться. Смотри, если так хочется.

– Поглядим... Та-ак... «Очень бы хотелось, наконец, повидать вас, Родион Фёдорович, для серьёзного разговора. Жду вас завтра в классе с двух до четырёх». Классно излагает! О, идея, Мэлс! У тебя же папа в театре артистом работает!

– В театре не работают, в театре служат. Так он говорит.

– Как собачки, что ли...

– А в глаз?

– Он её видел когда-нибудь?

– Когда мама с нами жила, она в школу ходила. Ему ж некогда. У него то спектакли, то гастроли.

– А фотка отца у тебя есть?

– Дома сколько хочешь. Он там в разных ролях изображён.

– Отец у тебя видный мужчина. Так моя мама говорит. И девчонки наши, когда спектакль с его участием посмотрят, весь следующий день только о нём и шепчутся. А что это мать твоя от такого знаменитого на весь город артиста ушла?

– Потому и ушла, что к славе его ревновала страшно. Она-то была актриса так себе. Ей ролей почти не давали. Вот и мучилась. Всё в другой театр его перейти уговаривала. А он ни в какую! Ты это к чему?

– К тому. Сейчас ты пойдёшь в школу, там стенд есть с фотографиями наших учителей. Так ты фотку нашей любимой классной руководительницы аккуратненько вытащишь...

– У тебя самого все шарики на месте? Отец настоящий трагический актёр. Он из-за этого вызова в школу мне такую сцену устроит, что злодейства шекспировского Ричарда Третьего невинной забавой покажутся. А уж за фотографию Елены...

– Что значит актёрский ребёнок! – воздел руки к небу Максим, явно подражая какому-то актёру. – И, хотя я ничего не понял из той белиберды, что ты сейчас наплёл, послушай, какую комическую сценку я предлагаю нам с твоим отцом и Еленой разыграть, и тебе отцовских оплеух миновать. Может, после этого вопросы про шарики отпадут.

* * *

На входе Мэлсу пришлось долго препираться с охранником. Уроки первой смены, видишь ли, закончились, в списке на продлёнку его фамилии нет, а болтаться по школе не положено. Хорошо, старшекласник, который у папы в драматическом кружке занимался, выручил. Ни слова не говоря недоделанному блюстителю порядка, взял за руку и повёл.

Мэлс шмыгнул в туалет, дождался пока прозвенит звонок с переменки и, ежесекундно оглядываясь по сторонам, прокрался к стенду с надписью «Они являются гордостью нашей школы...». С его ростом дотянуться до фотографии не составило никакого труда. Он слегка приподнял рамочку, потянул на себя, и тут раздался стук каблучков. Унимая предательскую дрожь в коленках, Мэлс с независимым видом обернулся и к своему ужасу увидел ту, кого в данную минуту желал бы увидеть меньше всего. Кончик носа похитителя фотографии лучшей учительницы школы ни с того ни с сего зачесался.

– Извините, – буркнул он и, проклиная про себя футбольный мяч, Макса с его дурацкой идеей, самого себя, сунул фотографию Елене Владимировне. Та растерянно приняла её.

– Что это значит, Медведев?

«Пропади всё пропадом! – Мэлс с размахом прошёлся по носу ногтями и чуть не взвыл от боли. Но именно это вернуло способность соображать».

– Меня папа попросил.

– Он попросил снять со стенда мою фотографию!?

– Если бы только снять. Вы ещё ему дарственную надпись накатать должны.

– Что я должна сделать?

– Накатать... в смысле, написать.

– Зачем заслуженному артисту республики фотография никому не известной учительницы русского языка и литературы?

– Моё дело маленькое. Он попросил, я передал. Не хотите, как хотите. – Мэлс понял, что в ситуации, в которую он, по совету своего лучшего друга попал, наступил момент, когда пора было срочно «смаывать удочки».

Но следующая фраза Елены Владимировны настроила его на оптимистический лад.

– Что ты, Мэлс! Как я могу отказать в такой пустяковой просьбе твоему замечательному отцу. Только меня немного смутило вот что: мы с ним незнакомы, за год, что я являюсь вашим классным руководителем, он ни разу не пришёл на родительское собрание. Где же он мог меня увидеть?

– Из-за кулис. У артистов привычка такая. Перед началом спектакля поглядеть в щёлочку на зрительный зал. Помните, вы нас на утренний спектакль про парижских коммунаров водили?

– Припоминаю...

– Вот тогда он вас в эту самую щёлочку и углядел. А потом дома всё время спрашивал меня: кто такая эта очаровательная дама, что рядом с тобой в кресле сидела?

Вся ахинея, которую нёс Мэлс, была явно шита белыми нитками. Но женщины, даже если они классные руководительницы, народ загадочный.

– В театре столько красивых артисток, он мог бы... – запинаясь через каждое слово начала она, – он мог попросить кого-то из них...

Не самый лучший ученик пятого «А» беззастенчиво перебил её.

– А он артисток терпеть не может. У него уже была жена-артистка. Не сошлись характерами.

– Твоя мама была актрисой? Я этого не знала... Ну, хорошо, – с опаской, но Елена Владимировна всё же шагнула в искусно расставленную двумя авантюристами ловушку, – я подпишу. Только не в коридоре же. И в учительской неудобно. Выйдем на улицу, Медведев...– она вернула ему рамочку.

Мэлс благоразумно припрятал её, и они двинулись к выходу.

Когда придуманная на ходу и блестяще разыгранная юным импровизатором интермедия была завершена, он на голубом глазу, как бы между прочим, спросил:

– А заслуженному артисту завтра приходиться?..

– А как же! – с излишней горячностью воскликнула Елена Владимировна, немного порозовела, но нашла в себе силы достойно завершить эту сценку. – Мы должны с ним поговорить о твоём будущем.

– Без проблем, – великодушно согласился юный враль.

Если бы хоть на мгновение Мэлс мог представить, какое «будущее» ожидает его в ближайшее время, он не был бы столь беспечен.

* * *

К отцу с фотографией он подлез во время традиционного вечернего чаепития. Тот недоумённо пожал плечами, мельком глянул на изображение и уже собрался забросить фотокарточку куда подальше, как сын перевернул её обратной стороной.

Заслуженный артист прочёл посвящение раз, другой, снова глянул на незнакомое личико и промурлыкал:

– А ведь недурна. Право слово, недурна. И кто же эта прелестная незнакомка?

– Наша училка по русскому. Еленой Владимировной зовут.

– Друг мой, что за вульгарщина? «Училка»! Впрочем, я в твои годы и не такими определениями пользовался. И сколько

же сейчас, – отец сделал ударение на слове «сейчас», – лет этому, прямо скажем, милому созданию?

– Это её последний снимок. Я его со стенда свистнул... – начал Мэлс и тут же прикусил язычок.

Но отец не заметил его оплошности. Он был увлечён разглядыванием «милого создания» и текстом на обороте, который, судя по выражению лица, доставил ему удовольствие.

– А с чего она решила преподнести мне сей презент?

– Да она на все твои спектакли ходит. И ко мне пристаёт. Расскажи ей, да расскажи, какой ты бываешь в быту. То есть, какими бывают великие артисты в домашней обстановке.

– Она так и сказала?

– Сказала. А что, ты разве не великий? Ещё какой великий! – перешёл в атаку Мэлс. – Вся наша школа так считает. А она, как услышит твоё имя, так даже нормально правила правописания на уроке объяснить не может. – И, не передохнув, закончил. – Ты бы ей свою фотографию подписал. Знаешь, как ей приятно будет.

– А где же я ей её вручу? Впрочем, ты завтра передашь ей от меня поклон, вручишь фото и скажешь, что на ближайшего Гамлета ей контрамарка обеспечена. Погоди. Ей же на двоих пригласительный будет нужен. У такой очаровательной леди наверняка поклонник есть, и не один.

– Что ты! Какие в школе поклонники?! У нас же учителя сплошь женщины. Когда им по поклонникам бегать. Тетрадки бы успеть проверить. Фотографию я ей передам, а вот контрамарку ты уж сам вручи. Ладно?

– Это каким же образом? На дополнительные занятия к ней записаться что ли, – рассмеялся отец.

Мэлс подхихикнул.

– Погоди, погоди, а ты часом ничего не натворил?

– Ничего я не натворил. Она по поводу... по поводу...

– Чего ты мямлишь. Излагай внятно.

– Вспомнил! Она хотела, чтобы ты у нас с лекцией выступил о системе этого... как его...

– Станиславского, что ли?

– Ага.

– Что-то ты, братец, темнишь. Вам до этой системы расти – не дорасти. Я сам-то в ней мало чего соображаю. Ладно. Завтра разберёмся. Скажешь ей, что приду. А сейчас спать. У меня спектакль сегодня трудный был. Отелло изображал.

* * *

В школу Мэлс пришёл ни свет ни заря. Подкараулил Елену Владимировну на входе, отвёл в сторонку, передал фотографию, и тут червячок сомнения заполз к нему в душу. А не переборщили ли они с лучшим другом, затевая эту комедию? С такой пылкостью прижала к себе классная руководительница снимок, на котором был изображён отец, читающий монолог Гамлета «Быть или не быть», что ему стало не по себе. Дал бы ему отец пару подзатыльников за фокусы с мячом, и дело с концом. Но... сделанного не воротить.

У отца, зная его вспыльчивый характер, он забрал паспорт, сам предъявил документ охраннику, проводил родителя до классной комнаты, открыл дверь и благо разумно встал за его широкой спиной.

Взрослые застыли, не сводя друг с друга глаз, напрочь забыв о его существовании. Первой опомнилась учительница.

– Медведев, – ангельским голосом чуть ли не пропела она, – можешь идти на урок.

Мэлс аж поперхнулся от неожиданности.

– Елена Владимировна, уроки у нас закончились. Ваш последний был.

– Неужели? – Она послала улыбку трагическому артисту. – Я последнее время такая рассеянная... тогда иди во двор, поиграй с ребятами... Родион Фёдорович, у вас такой замечательный сын...

Мэлс понял, что благо разумнее всего исчезнуть и не мешать им доигрывать эту сцену самостоятельно. Классно всё получилось! В одном только его друг ошибся. Не тянуло всё это на комедию.

* * *

Отец позвонил, как всегда после спектакля, но вместо привычного: «Не спишь? Тогда подожди ещё немного, сейчас приеду, чаёк перед сном попользуем и на боковую» – Мэлс услышал:

– Такое дело, сынок... неожиданно ночную репетицию назначили... так что ты меня не жди. Я прибегу утречком, завтрак приготовлю. В школу голодным не пойдёшь.

– Всё в порядке, папа, – бодро отрапортовал он, – я же актёрский ребёнок, мне к спартанскому образу жизни не привыкать. Завтрак сам себе приготовлю. Помнишь, как я тебе на гастролях поездках утренний чай из буфета приносил?

Однако спать он улёгся, так и не почаявничав. И повторяться эта ситуация стала чуть ли не каждый вечер. До тех пор, пока однажды в доме не появилась Елена Владимировна. И осталась в нём. Они с отцом поженились. Вот тогда ночные репетиции разом закончились. И посиделки с приятелями после спектакля, и преферанс на дому полночь-за полночь, и многое другое, против чего никогда не возражала мама. Но она-то была театральным человеком. Прощала отцу его маленькие слабости. «Артист должен иметь минуты отдохновения для души, – говорила она. – Ему необходимо расслабляться, особенно поле исполнения таких серьёзных ролей, как король Лир».

Елена Владимировна этого не понимала и не принимала. У неё отец вскоре стал по струнке ходить, как, собственно, и сын.

* * *

– Да, учитель, лихие мы были на выдумку ребята. Дальше можешь не продолжать. Я прекрасно помню, как злая мачеха начала отбивать меня, лучшего друга, и от тебя, и от твоего дома. Как ни позвонишь, она первая цап трубку: «Он занимается русским языком. А тебе, Максим, я бы посоветовала повторить параграфы девятнадцатый, двадцатый и двадцать первый».

Правописание у тебя хромает». Потом, если мне не изменяет память, нас рассадили на разные парты, потому что я мешал твоему правильному усвоению учебного процесса. Потом ты неожиданно стал хорошистом и тебя стали ставить в пример. Ох, как я тебя возненавидел тогда...

– А потом меня выгнали из футбольной команды за пропуски тренировок, – в тон другу подхватил Мэлс. – А потом она перевела меня в школу с углублённым изучением русского языка. Вот где я по-настоящему увлёкся чтением и понял, что такое наша великая литература.

– И ты решил стать Ушинским, Макаренко и Песталоцци в одном лице, – усмехнулся Макс, скептически оглядев его более чем скромное одеяние. – Немного же ты в этом преуспел. У меня охранник на фирме наверняка получает в разы больше твоего. Хочешь, я устрою тебя специалистом по связям с общественностью? Работа не бей лежачего. С жалованьем не обижу.

– А потом папе снова захотелось ночных репетиций, посиделок за пулечкой и прочих радостей жизни, – продолжил Мэлс, пропустив мимо ушей реплику старого друга, – и он переехал жить к маме, которая к тому времени, слава богу, оставила сцену и полностью посвятила свою жизнь отцовским прихотям.

– А Елена?

– Исчезла, «как сон, как утренний туман». Но я до конца жизни буду ей благодарен за то, что она меня наставила на путь, по которому я с радостью шагаю по сегодняшний день.

– И ты тогда остался один?

– Ну... я к тому времени был уже совсем большим мальчиком. Окончил школу с серебряной медалью, поступил в педагогический, отслужил в армии.

– В партизанских войсках кантовался?

– Служил за границей переводчиком.

– На каком же языке ты шпрехаешь?

– Я пишу, читаю, говорю на английском, французском, немецком. Немного хуже с испанским и португальским.

Макс присвистнул.

ГЕННАДИЙ КИСЕЛЁВ

– И с таким золотым парашютом ты всего-навсего преподаватель русского языка и литературы!

– Я хочу учить детей тому, что знаю и умею сам. Это мой долг, если ты ещё не забыл, что означает это слово.

– Извини старого пижона, – виновато улыбнулся Макс. – Занесло.

– Проехали.

– Слушай, Мэлс, что мы тут кантуемся? Звонок прозвенел, уроки закончились. Пора по домам. Сейчас подгребём прямо ко мне. Я звякну жене, она сообразит то, что нужно и...

– Не обижайся, Макс, но устраивать сабантуй по поводу встречи однокашников на глазах Даниила – это... в общем, не педагогично. По крайней мере на первых порах. Вот завоюю я у него авторитет как учитель и классный руководитель – без проблем. А пока давай всё это организуем на нейтральной территории?

– Замётано.

Уже когда они проходили мимо охранника, Макс подмигнул приятелю.

– А ведь лихую мы с тобой комедию разыграли двадцать пять лет тому назад. «Вильяму нашему Шекспиру» подобного ни в жисть не придумать.

Любовь ЗЕМНАЯ

Любовь Земная (Людмила Владимировна Морозова) – поэт, прозаик. Родилась в г. Краснодаре в семье учителей. С 1990 г. по 1998 г., после окончания физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, работала по специальности. С 1999 г. активно публикуется. С 2004 г. по 2014 г. участница литературного клуба при Литературном институте им. А.М. Горького (рук. проф.

Э.В. Балашов). В 2006 г. Любовь Земная принята в Московскую городскую организацию Союза писателей России. Автор девяти книг стихотворений и прозы и книги переводов стихов для детей. За литературные заслуги Л. Земная отмечена медалями «И.А. Бунин. 1870–1953», «А.П. Чехов. 1860–1904», «М.Ю. Лермонтов. 1814–1841», «А.С. Грибоедов. 1795–1829», «Серебряный Крест» и другими наградами МГО СПР. Лауреат конкурсов «Неопалимая Купина» (2012 г.) и «Галерея избранного стихотворения» в номинации «Женский космос» (2009 г.). Л. Земная – дипломант конкурсов им. Анны Ахматовой и «Великие Звёзды Победы» (2014 г.), финалист конкурса «Слово к русскому народу» (2021 г.). Дипломант литературно-общественной премии «Лучшая книга» за книги стихов «Миг прозренья и Любви» (2015 г.), «Монисто» (2016 г.), «Пою и радость, и печаль» (2020 г.), за книгу рассказов «Перья Жарптицы» (2017 г.), за книгу переводов (2019 г.). С 2006 г. по 2010 г. и с 2018 г. по 2019 г. Л. Земная возглавляла Литературное творческое объединение тушинских поэтов и прозаиков «Муза» при Культурном центре «Салют».

Живёт в Москве.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Рассказ

1.

На пороге аудитории, где работала приёмная комиссия Московского химико-технологического института, появилась невысокая, шупленькая, белокурая девушка с большим потёртым чемоданом. Девушка то и дело перехватывала его из руки в руку и при этом сильно перекашивалась. Сквозь толстые стёкла очков на маленьком, чуть вздёрнутом носу она оглядела кабинет и присутствующих, подошла к столу, на котором стояла табличка с надписью «Физико-химический факультет».

– Доброе утро, – с мягким южным акцентом поприветствовала девушка сидящую за столом женщину. – Я хочу подать заявление на ваш факультет.

– Документы, пожалуйста, – растягивая звук «а», произнесла женщина.

Девушка пристроилась на стуле возле стола, положила чемодан себе на колени и щёлкнула замками. Полчемодана занимали книги и бумаги, другую половину – аккуратно уложенные, незатейливые, изрядно поношенные вещи. Девушка взяла нужные документы и передала их женщине.

Та просмотрела бумаги:

– Золотая медаль – это хорошо. Это даёт вам право сдавать единственный экзамен и в случае пятёрки сразу быть зачисленной на наш факультет. Но, к сожалению, то, что написано в вашей медицинской справке, не позволяет мне принять у вас документы. Вы, милая Екатерина Васильевна Воронова, профессионально непригодны, вам категорически нельзя быть химиком. Выберите себе другую профессию.

Испарина проступила на высоком Катином лбу, полные губы сжались, серые глаза, словно две летние тучки, запол-

нились влагой. Девушка молча вернула бумаги в чемодан, дрожащими пальцами закрыла его, встала и тихо попрощалась. Выйдя в коридор, Катя заметила стоящую в отдалении скамью. Девушка подошла к ней, водрузила на неё чемодан, прислонилась лбом к стене, в которую упиралась скамья, и заплакала. «Даже не допустили до вступительных экзаменов. Не зря меня дразнят белой вороной. Всё у меня не так, как у людей», – подумала Катя. Утерев слёзы и пристроившись рядом с чемоданом, девушка погрузилась в размышления, и пёстрые картины детства одна за другой стали зримо возникать в её сознании.

2.

Сколько Катя помнила себя, она отличалась от других ребят. Однажды в детском саду, когда девочке было всего шесть лет, воспитательница, разместив полукругом ребят и в центре усадив Катю с книжкой сказок, сказала:

– Будешь показывать иллюстрации, – и ушла с няней пить чай.

Дети, оставшись без присмотра взрослых, зашумели, мальчишки стали щипать девчонок, те в ответ колошматить обидчиков. Неразбериха полная! Катя, понимая, что её оставили за старшую, выкрикнула строгим голосом:

– Тише, ребята! Я буду вам читать.

Не меняя своих поз, дети от удивления замерли.

Кто-то выпалил:

– Врёшь, Катька! Ты не умеешь!

– Умею, – приглушённо добавила девочка, – слушайте!

Катя открыла первую попавшуюся сказку и начала читать чётко, быстро и выразительно, как воспитательница. История была о поросёнке Чуне. Чуня хотел со всеми дружить и для этого совершал добрые поступки. Ребята, забыв свои шалости и угомонившись окончательно, расселись поудобнее и слушали, глядя Кате в глаза и рот, из которого будто сыпались новые

приключения поросёнка. Сказка заканчивалась. Вернулись воспитательница и няня.

– Важно не то, как ты называешься, а то, какой ты, какое у тебя сердце. Какое сердце у Чуни, ребята? – спросила воспитательница, когда Катя дочитала историю.

– Доброе, – дружно ответили дети.

– Как у Кати, – добавил мальчик с большими голубыми глазами и крупными пшеничными кудрями, похожий на ангела.

– Я знала, что ты справишься, Катя. Отличницей будешь в школе, – похвалила воспитательница.

– Молодец! – подхватила няня. – Кто научил тебя так читать?

– Мама. Она учительница, – смутилась Катя.

Взрослые захлопали, и ребята охотно поддержали их.

3.

Впрочем, Катя с детства прочувствовала, что жизнь не всегда справедлива. Как-то раз, в том же шестилетнем возрасте, девочка зашла к своему соседу-сверстнику Борьке. Не успела Катя войти в квартиру – из кухни показалась бабушка Борьки, полная, сутулая, седовласая, с изжелта-зелёными глазами и быстрым, колючим взглядом.

– А, явилась, воровка! Ты украла у меня серебряную ложку, с которой я готовила святую воду, – вместо приветствия проговорила бабушка, и морщинистое лицо её ещё больше скукожилось.

– Какую ложку? – удивилась девочка, – я не брала никакой ложки.

– Бабушка, ты её куда-нибудь положила. Потом найдёшь, – вмешался Борька.

– Не суйся, когда тебя не спрашивают, – прошипела бабушка и снова обратилась к Кате: – Гольтьба! Нехристь! Безотцовщина! Ни ковров, ни картин, ни икон, ни даже телевизора в доме нет.

– У нас есть всё: два шкафа, стол, диван, кровать, полки с моими книжками и игрушками, – перечисляла девочка, – а папа живёт в другом городе, он подарил мне детский мотоллер.

– Мотоллер, – передразнила бабушка, – нечего тебе с нашим Борисом водиться. Уходи!

– Бабушка, Катя умная и вовсе не бедная. Когда я был у неё на дне рождения, мы ели картошку с колбасой и квашеной капустой. Мы играли в шашки, зоологическое лото, домино. Нам было вкусно и весело. Я вырасту и женюсь на Кате!

– Господи Боже мой! Что ты такое говоришь? Соколик ты мой! – запричитала бабушка и, выхватив из шкафа флакончик пахучей валерьянки, вытолкала девочку за дверь, приговаривая: – Воровка! Нехристь!

– Неправда! Я не брала! – кричала из-за двери Катя.

Слёзы обиды и отчаяния так и брызнули из её глаз.

С другой стороны двери рыдал Борька.

Больше Катя с Борькой не встречалась. А через полгода по причине, девочке неизвестной, семья бывшего приятеля переехала жить на новое место.

4.

В другой раз Катя взяла со своей полки самую любимую книжку и отправилась без приглашения на день рождения к соседке Наташе, которая была почти на четыре года старше неё. Катя долго стучала в дверь (до звонка она ещё не доставала), наконец дверь распахнулась, и перед Катей предстала высокая, плотная, прыщавая девочка с нагрубающими уже молочными железами, выпукло обозначенными под летним кружевным платьем.

– Здравствуй, Наташа, – обрадовалась встрече Катя, – поздравляю тебя с днём рождения!

Катя протянула Наташе подарок.

– Я тебя не звала, – отрубила Наташа.

Она хотела захлопнуть дверь, но из комнаты послышался женский голос:

– Ната, приглашай Катюшу. Девочка помнит, что у тебя день рождения. Будь гостеприимной хозяйкой. Тебе уже десять лет.

Наташа нехотя пропустила Катю в квартиру и взяла подарок.

– Мама, Катька недаром Воронова, значит, ворона, да ещё белая, она принесла мне детскую книжку. Я уже таких не читаю, – фыркнула Наташа.

– Ната, не привередничай. Дарёному коню в зубы не смотрят. И не обзывай ребёнка. Зови, зови девочку в комнату.

Катя, ощущая поддержку Наташиной мамы, преподавателя местного университета, смело прошла вперёд, поздоровалась со взрослыми и, сопровождаемая Наташей, устремилась в дальнюю комнату, откуда доносились детские голоса.

– Добрый день, – сказала Катя ребятам и села на свободный стул в углу комнаты. – Во что играете?

– В карты. Тебе нельзя: ты ещё маленькая, – ответил толстый, рыжий, видимо, самый старший мальчик ломающимся дискантом.

– Катька! Во тебе! – и Наташа показала третий палец.

Засмеялись все, кроме Кати.

– Это тебе ... – спокойно прокомментировала Катя. Она слышала такие слова на улице от мальчишек, но о значении их не догадывалась.

– Что ты сказала, мерзкая девчонка? Ребята, суд. Судим Катьку, – завелась Наташа, – Федька, у тебя папа – прокурор, значит, ты судья.

И Наташа посмотрела на рыжего.

– Встать! Суд идёт! – отчеканил «судья».

Дети встали.

– А я ничего не сделала. Я правду сказала, – поднимаясь, покраснела Катя.

– Незнание закона не освобождает от ответственности, – повторил Федька излюбленную папину фразу, снова занимая

место на стуле, – все свидетели: Катюшка матерится. За это приговариваем тебя, Ворона, идти домой и не мешать нам развлекаться.

Озадаченная Катя неохотно повиновалась.

5.

В семь лет Катю приняли в первый класс близлежащей школы.

– Мама, мои одноклассники очень смыслёные, они почти все умеют читать и решать задачки. А учительница умная и добрая. Я их всех люблю, – вздохнула рассказывала девочка дома.

Катю назначили командиром звёздочки – группы из пяти ребят. Девочка отвечала за их учёбу, поведение и трудовые дела. Кате всё давалось легко. Но не всех это приводило в восторг.

– Воронова думает, что знает и умеет больше всех, даже больше учительницы, – возмущался заводила и задира Андрейка.

Катя полагала, что подобные выпады беспочвенны, и не считала нужным оправдываться.

Быстро становился тоньше настенный календарь. Девочка перешла во второй класс. Серьёзно заболела учительница. На работу её больше не ждали, а присылали разных заместителей.

Мама купила Кате аккордеон. Девочку взяли в музыкальную школу. Занятия для маленьких в ней приходились на утренние часы.

– Катюша, если ты хочешь заниматься музыкой, то в общеобразовательной школе тебе придётся перевестись в другой класс и учиться во вторую смену, – объясняла мама.

Девочка поддалась на уговоры.

Катя явственно помнила этот день: понедельник, одиннадцатое сентября тысяча девятьсот семьдесят второго года. На классном часе, который проводили, за отсутствием учителя,

шефы с соседнего завода, девочка обратилась к ребятам, заявив о своём уходе.

– Предательница учительницы, – заорал с последней парты Андрейка.

– Катька – предательница... Катька – очкарик... У Катьки панталоны... Катька – зазнайка... – слышалось с разных мест.

Вмешались взрослые:

– Ребята, не шумите! Катя не хочет с вами учиться. Это факт. Давайте объявим ей бойкот.

– Бойкот Катьке, – согласился за всех Андрейка.

Ребята расходились молча, не глядя на Катю. Девочка была в недоумении. Её бил нервный озноб.

На следующее утро в школу к завучу пришла Катина мама:

– Скажите, в чём провинилась моя дочь? Почему ей объявили бойкот? Инициатором перевода была я. Почему рабочие руководят детьми?

– Знаете, – задумалась пожилая завуч, – в классе должен быть козёл отпущения. Так проще воспитывается коллектив. А рабочие – это наш гегемон.

– Я ничего не имею против гегемона, – заметила мама, – но две педагогически безграмотные работницы вместе с вашими превратными представлениями о коллективе портят жизнь моему ребёнку. Я пожалуюсь в районный отдел народного образования.

– Не будьте столь категоричны... А вообще, делайте, как считаете нужным, – сказала завуч на прощание.

6.

Жаловаться мама не стала.

В новом классе к Кате отнеслись по-доброму. У девочки скоро появились друзья. Особенно сблизилась Катя с пампушкой Алиной. Кате нравилось, как Алина смеялась: карие глаза подруги метали искорки счастья, веснушки прыгали на морщившемся носике, тонкие губы становились ещё тоньше, а

светло-каштановые волосы рассыпались в такт с озорным смехом. Алина смеялась – Катина серьёзность уходила, и девочки веселились вместе. Кроме того, Алина тоже училась на пятёрки и жила в соседнем доме.

Летние каникулы не предвещали неожиданностей. В одно из воскресений Катя, Алина и ребята из близстоящих домов играли в классики. Вдруг откуда ни возьмись перед ними возник средних лет незнакомец, одетый во всё неприметно-серое.

– Сладкая моя, – негромко обратился он к Алине, – иди ко мне...

Ребята оторопели от ужаса.

Первой нашлась Катя, она закричала:

– Ребята, за мной! – и, увлекая за собой Алину, бросилась бежать в сторону соседнего дома, где взрослые «резались» в домино.

Дети завопили и кинулись врассыпную.

Катя бежала вперёд. Алина отстала. Катя на бегу оглянулась, споткнулась и упала, неудачно подвернув ногу. Раздался хруст.

– Алина, я сломала ногу, – заплакала от боли Катя.

Мужчина скрылся так же неожиданно, как и появился. Дети собрались вокруг Кати.

Алина заспешила к «доминошникам». Среди играющих оказался её отец.

– Папа, Катя Воронова нас спасала, упала и сломала ногу. Мы не знаем, что делать, – затараторила не пришедшая ещё в себя девочка.

– Ничего не понимаю. Как спасала? От кого спасала? Объясни толком, – оторвался от игры отец – крепкий, рослый заводской рабочий.

– Потом объясню, пойдём к Кате, – настаивала Алина.

Подшли к месту, где всё в той же неудобной позе лежала Катя. Отец Алины бережно взял Катю на руки и понёс к ней домой. Дети шли рядом и наперебой рассказывали о случившемся...

7.

Годы крепко натягивали тетиву жизни и упрямо летели вперёд.

Катя и Алина окончили шестой класс. Их пионерский отряд, возглавляемый Алиной, отличился в трудовых делах и учёбе. Алину наградили путёвкой в «Артек».

– Так хорошо, что ты едешь в самый лучший на свете лагерь, – радовалась за подругу Катя, – даже немного тебе завидую, хоть это и стыдно. А я с хором из музыкальной школы буду выступать в «Орлёнке».

...Концерт длился уже около часа. Из-за яркого освещения сцены и переживаний Катя не видела зрителей. Перед девочкой мелькали только гибкие, словно два лебединых крыла, руки дирижёра. Слух держали в напряжении сливающиеся воедино сопрано и альты. Песни будто замирали на излёте и падали тугой волной в тишину зала.

*«Жар сердец и холод выюг –
Всё мы делим поровну.
Если рядом верный друг,
Здорово, здорово!» –*

чисто и звонко выводила Катя вместе со всеми.

Вдруг сцена закружилась перед девочкой в лёгком тумане, ноги дали слаbinу, и Катя ощутила, что мягко оседает на пол.

Концерт прервали на незапланированный антракт.

Сквозь полузабытьё девочка услышала:

– Зачем вы взяли больного ребёнка на ответственное мероприятие? – упрекал строгий женский голос.

– Этот ребёнок талантлив. Она просто не выдержала жары и волнения. С каждым бывает, – отвечал хормейстер.

Катя очнулась. Ей было неловко. «Я подвела коллектив. Почему у меня всё не так, как у всех? Может, правильно старшие ребята с лёгкой руки Наташи звали меня белой вороной?» – винила себя девочка.

Пришёл и за ненадобностью вскоре ушёл врач. Дети и взрослые успокаивали Катю, но на второе отделение концерта её не взяли...

8.

Детство уходило в безвременье.

Девятый класс сформировали из учеников старого и теперешнего Катиных классов. Семилетний бойкот вынужденно закончился.

В конце учебного года, в один из душевных майских вечеров Катя и Алина прогуливались по районному парку. Из-за деревьев показалась знакомая фигура. Навстречу девушкам шёл Андрей, тот самый бывший пострелёнок, который выступил за объявление Кате бойкота, а сейчас ученик их класса. Подростки поравнялись.

– Привет, девчонки, – заговорил Андрей первым, – не скучно одним? Приходите ко мне в субботу на сходняк. Предки будут на даче. Я пригласил большинство класса.

Андрей, спортивного телосложения, высокий, русский, синеглазый, любил козырнуть блатным словом и такой, какой есть, нравился Алине. Катя это знала.

– Пойдём, Катя? – обратилась смущённая Алина к подруге.

– Мы придём, – заключила Катя.

Настала суббота. Катя впервые увидела ребят не в школьной форме. В модной одежде они выглядели взрослыми. Как взрослые, они пили пиво и вино, многие курили. Кате стало противно, но она ничего не сказала, чтобы снова не показаться белой вороной. Катя молча сидела в углу и рассеянно слушала музыку, под которую танцевали подростки. Девушка не уходила только из-за подруги: Алина уединилась с Андреем во второй комнате. Катя не понимала, что можно так долго решать вдвоём, но терпеливо ждала исхода. Наконец дверь открылась. Размороженный Андрей подошёл к Кате:

– Зайди на минутку, Алина просит, – и он провёл девушку в другую комнату.

Это была комната Андрея. Алина сидела на незастланной кровати и покрасневшими глазами виновато смотрела на подругу.

– Я его люблю, – выдавила Алина дрожащим голосом.

Катя всё поняла. Ей захотелось забыться, убежать в то светлое время, когда они вдвоём с Алиной смеялись и радовались жизни.

Андрей, почувствовав в Катином молчании напряжение и укор, взял со столика бокал с красным вином и подал его Кате:

– На. Выпей. Расслабься. От жизни надо брать всё самое лучшее – это мой девиз.

Катя пригубила бокал, зажмурилась и выпила дурманящий напиток одним залпом. Слегка захмелев, она вышла из комнаты и незаметно покинула квартиру.

На следующий день Катю сильно рвало, всё болело. Скорая увезла девушку в больницу. Там у Кати обнаружили спровоцированное алкоголем обострение уже имеющихся у неё серьёзных заболеваний. Весь июнь Катя пролежала в больнице. Алина навещала её каждый день.

Алина забеременела и перевелась в вечернюю школу. Андрей остался в десятилетке и готовился поступать в местный политехнический институт. После вмешательства комиссии по делам несовершеннолетних и с согласия родителей Алина и Андрей поженились. Зимой у них родилась дочка. Её назвали в честь Кати...

9.

Катя Воронова сидела на скамье. Пёстрые картины детства промчались перед её мысленным взором с быстротой киноленты. «Хватит быть белой вороной. Надо что-то решать», – рассудила девушка. Помедлив немного, она встала, взяла свой чемодан. «Другой московский ВУЗ мне не по силам. Не та

подготовка. Вернусь домой, к своим. Во мне нуждаются мама и Алина. Подаю документы на физический факультет нашего университета. Мама права: счастье надо строить у родных пенатов. Не зря говорится: где родился, там и пригодился», – твёрдо уверилась в своём мнении Катя и направилась к выходу...

Борис КАТКОВСКИЙ

Борис Борисович Катковский – поэт, бард, лауреат конкурсов-фестивалей песни и декламации, международных поэтических конкурсов, литературно-общественных премий. Автор книг «Старая колода», «Парный танец», «Урожайный год», «В.О.П.Л.Ъ», 6 книг поэзии в соавторстве с Еленой Викторовной Василенко. Публикуется в газетах, журналах, альманахах и поэтических сборниках

страны. Составитель и редактор более 200 книг современной авторской поэзии. Выпустил три аудио-диска авторской песни. Родился в Москве. Председатель литературно-музыкального объединения «Избранники муз» при ГБУ СДЦ «Кентавр», член МГО СП России. За литературную деятельность награждён орденами, медалями, почётными знаками ряда общественных организаций.

Живёт в Москве.

ПОЭТ СВОБОДЕН В МЫСЛЯХ И СЛОВАХ...

НЯНЯ

Над губой – молочной кружки
Белый след.
Няня... Милая подружка
Давних лет.
Детских тайн моих хранитель,
Нежность рук.
Первый слушатель и зритель,
Верный друг.
Прах на родине, в могиле,
Боль во мне.
Видим тех, кого любили,
Лишь во сне...
Лето, молоко парное,
Кружки след.
Память бережёт родное.
Смерти нет.

СПИЧКА

*To the happy few.
Для немногих счастливицев.*

Стендаль.
Пармская обитель

Обжигает счастье красотой,
Строго по Стендалю – «happy few»!
И его не разделить с толпою,
Каждому не скажешь: «Я люблю!»

Яд размолвок, скука и привычка,
Вечное отсутствие монет...
Догорает счастье крайней спичкой,
И вернуть его рецепта нет.
Молишь, в жажде хоть на миг согреться:
«Господи, пошли ещё одну!
Снова жить, пылать, поверить сердцем
Той, что шепчет – верь, не обману!».
Мир подлунный избежал пожара, –
Уголёк потух, дымком расцвёл...
Боже, хоть другим дай счастье даром!
Чтоб никто обижен не ушёл...

КОНСТАНТА

У мамы нет других забот:
Куда ушёл? Когда придёт?
Поспал, не голоден, одет?
Сто горь за сутки много лет...
А ты с беспечностью юнца
Не бросишь доброго словца:
Ведь мать – константа бытия,
На ней лишь держится семья!
И что случится может с ней,
Бессмертной матерью твоей?

ЗАГАДКА

Зарёю удлиняется,
Бросает и бросается,
И в полдень исчезает, или нет?..
То под ногами крутится,
То в сумерках почудится.
И неизбывно оттенивает свет.

То тёмная, то бледная,
Желанная и вредная,
Смягчающая солнечный накал,
Пустынь благословение,
И на челе сомнение.
Ребёнком Будда ход её сдержал.
Объём рисунка в графике,
Загадочность под шарфиком,
Платком иль капюшоном – суть не в том.
С ней мы навеки связаны,
Ведь кем-то чудно сказано:
«Неразделимы кофе с молоком».

* * *

Поэт свободен в мыслях и словах,
Он платит временем своим и кровью.
И ангел смерти, сев у изголовья,
Ему напоминает – к праху прах.
Поэт страдает. Действуя, любя,
Борясь с чужой гордыней, самомнением,
Душой выводит вязь стихотворенья,
Привычно забывая про себя.
Поэт горит и тает, как свеча.
Не ради славы, искренность и вера
Его низвергнут иль возвысят первым...
И никогда не может он смолчать!

СНИМОК

Фотограф ушлый кнопочку нажал...
Какой скандал – поймал мой рот открытым!
Как будто я его не закрывал!
Скомпрометировал!!! За это будет битым!

Фотограф вольный жест запечатлел...
Фигуру пальцев неприлично сжатых.
Как только высмотрел?! Нет, как же он посмел?!
Хулитель! Виноватей виноватых!!
Выпячивая формы дисбаланс,
Фотограф лишний вес открыл для взгляда...
Да он вредитель и порочит нас!
Таких камнями бить публично надо!
Ну наконец-то вразумлён злодей!
Под ретушь исчезли все наветы...
Фотографам отныне воли нету,
Чтоб на века позорить так людей!

КАПЛЯ

Боль. Мироточит икона.
Капля влаги, камня стоны.
В пол поклоны. Лбы разбиты.
Лики строги и сердиты.
Душно. Тесно. Безответно.
Кажется – всё будет тщетно,
Нет ни выхода, ни входа,
Только зря теряешь воду...
Свечи плачут, догорая.
Заперты ворота рая.
Дождь промозглый за порогом...
Но упрямо веришь в Бога.

* * *

Не нужно рассказывать детям о смерти,
Не стоит рассказать детям о жизни,
Ведь рано им знать о неправде, бесчестье,
Пороках, опасностях, глупости, зле.

Пусть дольше они сохраняют невинность,
Восторг, чистоту, любопытство, наивность.
И если их вдруг воспитаем такими,
Тогда и наступит всем мир на Земле...

РОЗОВЫЙ СЛОН

Под небом бледно-сереньким,
Под мелкий плач дождя,
Заметил ненамеренно,
И мимо проходя, –
На очень тонкой ниточке
Над третьим этажом
Слон воспарил с улыбочкой,
И розовым был он.

Над ним штук двадцать шариков
Тянули тушку ввысь.
Внизу толпой немаленькой
Зеваки собрались.
Слон колотился хоботом
В прикрытое окно,
Пока под крики с хохотом
Не скрипнуло оно.

Открылось внутрь доверчиво –
И слон в квартиру влез.
Как будто гуттаперчевый:
Мгновенье – и исчез.
Потом втянулись шарики
Под общий ржач и стон.
Окно закрылось в панике
И с фразой: «Ты прощён!».

Так слоник крупный, плюшевый
И розовый везде,
Помог судьбе нарушенной
Не закоснеть в беде.
Стоял под мелким дождиком
Счастливым мужичок.
Эх, был бы я художником –
Изобразить бы смог!

ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

На планетах других, где встречаются Розы и Принцы,
Где в психушке – не Мастер, Гаврила, представьте, не Принцип,
Где принцесс папарацци в такси не преследуют даже,
Где богатства стесняются, не рекламируют кражи,
Где Аврора – не крейсер, а розовый цвет небосвода,
И щенок голубой не ругательство – просто порода,
Где на мать многодетную косо торговки не смотрят:
Мол, рожайте, девицы, хоть двойню, хоть тройню, хоть сколько!
Где, когда пожелаешь, и сыт, и согрет, и напоен.
Нет вообще государства – не нужен чиновник и воин.
Всем хватает всего, проживают в любви и в достатке.
Там, где должно – шершаво, а где полагается – гладко...
Мы туда долетим на космической мощной ракете.
Ну а если не мы, доберутся, конечно же, дети.
Или вырастим боб и заставим карабкаться Джека:
Обезьяну когда-то ж смогли превратить в человека?
Или здесь, на Земле, создадим все условия Рая,
О которых шутя и серьёзно пока что мечтаем.

Лариса ФЕЛИСИОН

Лариса Валериевна Фелисион – поэт, прозаик, художник, издатель. Родилась в Москве. Образование – высшее техническое. Член Московской городской организации СП России и Международного художественного фонда, член клуба профессиональных писательниц при ЦДЛ «Московитянка», руководитель проектной деятельности Нотно-музыкальной библиотеки им. П.И. Юргенсона (Москва), руководитель и главный редактор Издательского дома «Фелисион».

Автор пяти книг: «Танец пионов» (2011), «Пыльца» (2013), «Дорога» (2014) «После всех времён» (2018), «Мелодия на струне соль» (2022). Публиковалась в литературно-историческом журнале «Великороссь», Антологии Международной Ассоциации Граждан Искусства (Испания), альманахах «Литературные россыпи», «Спирали», «Парадоксы чувств», «Фиолетовая трава», «Инкарнация счастья», «Притяжение», в газетах «Московский литератор» и «Литературный Амшен» (Абхазия). Её произведения переведены на армянский язык и опубликованы в газете Союза писателей Армении «Гракан терт», в альманахе «Камурдж» (Тбилиси).

Творчество Л. Фелисион отмечено различными литературными премиями общественных организаций.

Живёт в Москве.

РАССКАЗЫ

ЖИВАЯ ДВЕРЬ

Фантастический рассказ

Вечером из Штатов позвонила Маринка. Она всегда звонила вечером в выходные. У них там другое время. Поболтали о делах. Давно уже им особенно говорить не о чем, однако, дружат они со школы. А теперь бабки уже, бабки-переростки – дети, внуки, да море другой головной боли. Вот этой головной болью друг с другом и делятся.

Наговорившись вдосталь, как всегда, напоследок, передали приветы всей родственной братии и отключились от связи.

За делами да заботами время шло незаметно. К полуночи Зоя Ивановна открыла в телефоне читалку, воткнула наушник и под любимый английский детективчик завалилась в кровать. В «голове» Агата Кристи методично собирала пазлы своего романа, и Эркюль Пуаро в благочестивом бельгийском молчании напрягал свои «серые клеточки»; наверное, и знаменитыми усиками шевелил, но это Зое Ивановне было неизвестно, так как она уже вполне себе вольно, по-русски, подхрапывала, положив ручку с наманикюренными коготками под правую щеку.

Наушник дудел своё, а Зоя Ивановна – своё. Так и разошлись они с ним до утра.

Утром, как всегда без будильника, счастливая трижды бабуля встала с кровати и не поняла...

Да, она не поняла, она и сейчас не понимает. Она легла в свою кровать вчера... В свою. Встала... встала тоже со своей, только другой, другой кровати, точнее, с дивана... комната на Воронцовке, как она там оказалась? Что за фантастика?

«Я сошла с ума», – сказала она, чувствуя себя Фрекен Бок. Конечно, а кем же ей себя чувствовать? Комната, в которой

она жила в восьмидесятих годах прошлого столетия, давно уже ушла другому хозяину, а формы Фрекен Бок – это тоже давно Зоины формы, так что Фрекен Бок почти без шуток. Вот только сейчас шутки другие кто-то с ней шутит, и очень нехорошие.

Зоя Ивановна тихонько подошла к знакомой двери и потрогала ручку. Да, она – та самая, вполне себе «живая» дверь. Даже открывать страшно: вдруг за дверью пропасть? Огромная чёрная дыра её подсознания? Это же оно сейчас так глумится над женщиной, которая давно пережила эту дверь тридцатых годов. Но дверь открылась, и пропасти там не оказалось. За дверью, виляя хвостом, стоял пёс. Увидев Зою Ивановну, царапая коготками пол, он забегал по длинному коридору их той самой, старой квартиры, и было понятно, что эта собака счастлива выйти на прогулку с хозяйкой. У Зои заломило сердце, ведь Лорд умер в двухтысячном. Но Лорд – абсолютно живой Лорд – смотрел на неё с обожанием своими шоколадными глазами и мотал ярко-рыжей коляшной гривой.

Зоя Ивановна не знала, что делать. По всему, надо было тащиться гулять с собакой, она же живая, как видно... Ну хоть умыться бы. Собрав весь свой дух, а точнее, вполне себе весомый жизненный опыт – советские и расейские экстремальности всегда требовали особенной концентрации, выдержки и многих других неожиданных для самих носителей, качеств, которых в русском человеке заложено видимо-невидимо, – Зоя Ивановна потрусилась в ванну и, включив воду, подняла голову от крана. Перед ней висела её старая фотография. Вообще-то фотографий у Зои Ивановны было немного, можно сказать, совсем мало, потому как во времена её молодости ей некогда было фотографироваться, да и нечем. Фотоаппарат купить было можно, но заморочиться же пленку проявлять. Вот и не купили, чтобы не морочиться. Да и некогда было так себя любить, чтобы везде и всюду запечатлять счастливые мгновенья личной жизни. А тут вот она, Зоя – лет этак двадцати пяти. И ничего, надо сказать, плохого нет в ней. Помнится, всегда была собой недовольна, то нос длинный, то лоб узкий. Нет же,

смотри-ка – и глазки видные, и нос ровненький, и морщинок днём с огнём... «Ой, господи, что это я... какие морщинки в двадцать пять?!»

Протерев глаза, точнее, промыв свежей водичкой, браво текущей из тоже ей очень знакомого крана, она снова подняла голову и, наконец, поняла, что перед ней не фотография, а зеркало. Однако не успела упасть в обморок, потому как Лорд стал скулить и царапаться в дверь. Родной и до боли знакомый материнский инстинкт вывел Зою Ивановну из шока, а ей в свою очередь придётся выводить Лорда на улицу. Иначе этот собачий аристократ умрёт, но в доме себе не позволит... «Господи, о чём я думаю! Лорд же давно умер!». Ну так умер не умер, а вон он – живёхонький бегаёт и хвостиком помахивает: выводы, мамка, живот болит!

– Ну да, и тапки тягает с галошницы, всё так когда-то и было.

Найдя поводок на полу у двери и заочно побурчав на старшего сына: «Охламон, никак не научится класть на место», советская женщина Зоя Ивановна, которой сейчас не в пору даже с ума сойти, надела ошейник на собачью шею другого охламона и, раскрыв дверь, переступила порог квартиры...

Нога встала на ковёр коричневого цвета, и Зоя Ивановна не сразу осознала, что стоит... ну конечно же! Стоит на своём ковре, икеевском коричневом квадрате, а над головой шесть плафонов китайской люстры с колпачками, как на ночниках. Никогда такие не нравились, да вот купила, заблудившись в разнообразии предложений Леруа Мерлена...

«О чём это я?..»

Оглядевшись и поняв, что собаки рядом нет, да и быть не может, что она, Зоя Ивановна, дома (правда, и там, с Лордом, она дома была, но как-то не ко времени), что за окном свет, а в кухне шумит посудомойка, она подошла к зеркалу. Здесь её ждало полное разочарование, потому как вместе с Лордом исчезла и классная фотография хозяйки. Молча глядя в то, что уже порядком потрепало ей нервы, она подумала: «Ну и ладно. Зато с ума не сошла...».

ДОРОГИЕ МОИ МОСКВИЧИ – МОСКОВСКОЕ МЕТРО!

Три зарисовки

Ша!

Боб Борисович Баранов, человек предельно порядочный и требовательный, вошёл в поезд метро на станции «Речной вокзал» и разместил своё тяжёлое тело между рыжим бородатым парнем и противной дамой со стаканом из «Макдональдса». Боб Борисович злился. Причина этого состояния была не ясна даже ему самому. Да в общем-то Боб Борисович и не пытался разбираться. Он просто всё ненавидел. Его ненависть заняла весь объём тучного тела и нагревала клетки до синего пожарища. Скрипели стропила нервов, рушились перекрытия метаболической системы и гул пламени раздавался в ушах одновременно с гудением метропоезда, летящего по туннелю. «Всё достало, – думал горящий мэн, – всё». Всеобъемлющее «Всё» шипело, как шипят от воды горящие головешки.

– И завтра опять е-5, е-8... За что мне это? К чёрту мне эта шахматная школа для нелепиков.

«Нелепиками» он называл детишек из шахматной школы, в которую недавно устроился подработать. В жизни Боб Борисович не был гроссмейстером, но в шахматах преуспел до уровня «могу чему-нибудь научить», и учил, давая разовые уроки высокоразвитым недоучкам преклонного возраста и молодым олухам, преуспевшим в ЕГЭ. А тут эта школа – малолетки из коляски – чмоки-пуки – и за ферзя.

– Зачем мне это? – выло пожарище Боба Борисовича, выло и потрескивало.

Сидящая рядом баба мерзко подсвистывала трубкой, посасывая кока-колу, рыжий парень вонял дезодорантом, и все, кто сидел напротив, также раздражали своим бессмысленным спокойствием.

– Смысл в чём? – спросил себя мастер великих квадратов.
– Никакого смысла, – ответило ему его пламя.
– Надо уходить, бежать надо, пока в подгузниках приводить не стали. Зачем мне это? И так вся жизнь – сплошная головная боль.

На «головной боли» пожар начал ослабевать, сработала «система противопожарной защиты», и нервы сказали «Ша». Бобу Борисовичу немного полегчало. После того, как он посчитал убытки, которые понесёт после потери подработки, легчать стало ещё быстрее и, казалось, что вот-вот пламя будет погашено, но тут баба, свистнув в свою «дудку», стала выхрюкивать остатки колы из стаканчика.

– Это невыносимо! – пламя подлетело под потолок, и Боб Борисович ощутил бывшие волосы на своём темени. Ему даже захотелось пощупать свою голову под шляпой, но он сдержался. Пытаясь не ломануть бабе локтем в бок, он встал к выходу, поезд подъезжал к «Соколу».

Хрюкающая баба посмотрела на него с презрением и вперилась глазами в рекламный монитор.

– Ша, – сказал себе Боб Борисович, – надо уходить с подработки.

Поезд затормозил и толпа выходящих, вытолкнула шахматиста на перрон – Ша!

Свобода

Лиза везла Нину на урок в музыкальной школе; сначала с работы – за Ниной, потом в музыкалку и поздним вечером обратно домой. Эти поездки всегда были долгими, утомительными и скучными для обеих.

Нина, уставшая после основной школы, прижималась к матери, и Лизин живот наполнялся спокойствием и теплом, как будто дочка ещё была там.

Чтобы чем-то заполнить время в дороге, девчонки плюхались в вагоне метро на свободные места и тыкали пальчика-

ми в телефоны, просматривая соцсети. Как ни пытались они расслабиться и отвлечься от реальности, надоедливые мысли всё равно наполняли девичьи головушки, и настоящая жизнь вторгалась воспоминаниями: обрывками разговоров с подружками-одноклассницами, коллегами по работе, родственниками. Это обстоятельство отвлекало и призывало к бдительности. Подружки конкурировали, родня требовала внимания, коллеги совали нос куда не следует.

– Интересно, зачем бухгалтерша вчера ко мне в кабинет заходила? – думала Лиза. – Притащила свою тушку, индюшка наша. Глазками похлопала и открыла старую истину – все мужики гады. Ну и гады, что дальше? Может быть, она пронюхала, что мы с Игорем разводиться собрались? Какое её дело? – продолжала Лиза свой мысленный монолог, хлюпая кока-колу из трубочки.

Нина же, разглядывая танцующих в Тик-Токе девчонок, думала о Кате из третьего «Б». Катя занимала Нинины мысли с прошлой недели, потому как считалась самой стройной во всей их начальной школе. Нина тоже не была толстушкой, но почему-то Нина не слыла красавицей. А почему, Нина не знала. О том, что Нина красавица знали только Нинина бабушка и мама. Они всегда её так и называли – «Красавица наша». Разглядывая себя в зеркало, Нина размышляла: что же такое – красота? Она присматривалась к другим девочкам, особенно тем, кто считался в школе идеалом. Идеалы школы не совпадали с Ниниными идеалами. Сказать об этом открыто своим одноклассницам Нина боялась, поэтому приходилось делать вид, что их идеалы – это и Нинины идеалы. Нина опасалась стать «белой вороной».

В отличие от дочери, Лиза была «белой вороной». Когда-то в школе Лизе надоело выслушивать чуждое ей мнение и подчиняться чуждым ей правилам, и она взбунтовалась. Пару раз пришлось подраться, несколько раз повоевать словесно. Затем послать подальше всех ещё недобитых врагов – и всё! Свершилось, свобода достигнута. Она говорила, что хотела и поступала, как хотела, не считая нужным отчитываться перед микросооб-

ществом под названием «класс». Ей вообще стало наплевать на этих «недотырков». А вот теперь, спустя годы, что-то изменилось. Она стала переживать, вместо того, чтобы презирать или проявлять равнодушие к общественному мнению.

– Старею, – подумала Лиза. – Да, старею. Утром в зеркале себя еле узнала, лицо серое и взгляд тусклый. И ведь вроде выпалась. Чего ждать в тридцать пять лет, если не старости... Надо купить питательные маски для лица и хороший ночной крем от морщин. Надо думать не только о ребёнке и работе, надо заботиться и о себе. Да. И не думать... не думать про Игоря. Не глушить обиды бургерами. Хватит жрать! От этого любви не прибавляется. Да и вообще, кто её теперь полюбит, кому она нужна? Да, Игорь так и сказал – «Кому ты нужна». Боже мой, он так и сказал: – «Ни рожи, ни кожи».

Когда они встретились... Да что теперь вспоминать, прошло тринадцать лет, как они встретились. И девять, как родилась Нина... Как сказать Нине? Как сказать, что они с папой расходятся?

Поезд болтнуло в туннеле, и пластиковая трубочка из стакана царапнула Лизин язык. Лиза вытащила её изо рта и посмотрела на Нину, которая быстро двигала пальчиками по экрану телефона, сменяя одно поле информации на другое.

– Как быстро у нас всё изменилось, почти так же, как на этом экране, – размышляла Лиза. – В интернете вернуть потерянную информацию можно, а в жизни ничего нельзя вернуть. Их любовь с Игорем – то счастье, которое уже не повторится. Счастливое информационное поле. Да нет, не поле – лужок... Поле так и не распахали. Почему?

Тяжёлые мысли снова приковали глаза к экрану телефона в поисках облегчения, ну хоть какой-то свободы...

Поезд подошёл к станции. Девочки быстро поднялись с мест, одинаково аккуратно спрятав в сумку смартфоны. Лиза заботливо разместила Нину перед своим животом, контролируя им, как щупом, безопасность девочки. А Нина прижала к груди свою куклу, красотку Маргариту, которой вчера сшила новое платьице. Толпа выходящих подхватила девчонок, и они быстро

вышли на платформу станции Римская, чтобы сесть на автобус и доехать до Детской музыкальной школы имени Алексеева, где когда-то учился Филипп Киркоров. Но о Киркорове они и не вспоминали, они были свободны от пустых мыслей.

Цезарь

Сенька не был неудачником, но олухом был точно.

Причём ленивым олухом. И каким только образом ему удалось поступить в университет?

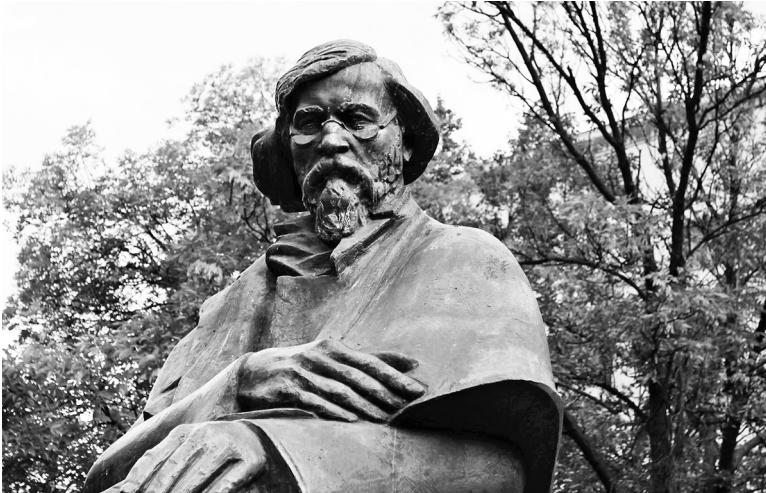
Это была тайна тайн. Как бы то ни было, олух Сенька учился, и учился неплохо. Сдавал сессию за сессией, одну за другой. И ещё Сенька влюблялся. Он был очень влюбчив, но и это ему тоже не мешало учиться. Сейчас, сидя в вагоне метропоезда, Всеволод слушал подкаст «Полка» и думал. Думать Сенька очень любил. Мысли его переплетались, как узбекские косички, и совсем не путались друг с другом. При этом «великом переплетении» парень ещё и умудрялся загружать в фейсбук новые фотографии со смартфона. Сенька был точно как Юлий Цезарь, ему только гладиаторских боёв не хватало. «Нафиг они мне», – поймал одну из своих «косичек» Сенька.

Мысли уже шуршали в голове, как шины автомобиля по гравию, но парень открыл в смартфоне новостную ленту соцсети и привычно заплёл новую «косичку» своих размышлений, расположив её параллельно всем остальным.

Перебрав свою «причёску», Сенька решил всё-таки остановиться на Ангелине – девушке с его курса. Сенька почти два года безрезультатно пытался пристроить к ней свои тощие тела. То ли умная была Ангелуша (так звали её на курсе), то ли Сенька – дурак. Сенька уже почти сдался, да вдруг улыбнулось счастье – Ангелуша сама ему заявила, что надо встретиться. С чего бы? Сенька опешил, но потом, лёгкая на выводы его головушка, подсказала – не зря же морочился. Сколько раз он подходил к ней и пытался заговорить, осыпал комплиментами, как цветами. Конечно, цветами бы лучше, да на цветы денег нет.

Откуда у бедного студента деньги?! А вчера она ему вдруг предложила: «Пойдем на выставку Дали в Бауманский сад». Дали Сенька не любил. Он вообще не любил рассматривать картинки, даже комиксы его никогда не интересовали. Но с Ангелушей он был готов и на Дали. Такая значимая встреча.

Поезд потряхивало, и «косички» Сеньки подпрыгивали, рассыпались, но уравниваясь, провозглашали порядок в его многофункциональной и многозадачной головушке. Цезарь-Сенька уже и у Дали побывал, и сходил к декану с просьбой отсрочить курсовую в связи с семейными обстоятельствами, и с матерью поругался, потребовав не увлекаться Егором Павловичем, коллегой по работе, который явно неспроста подкатывал к Сенькиной маме. Плюс отредактировал и загрузил двенадцать новых фотографий и сфотографировал горбоносого дядьку, заснувшего в вагоне и смешно приоткрывшего кривоzubый рот. Сенька мог бы покорить интернет новым контентом, но поезд подлетел к станции, и парень вышел вон из замечательного вагона вместе со всеми своими «косичками», в которых продолжали переплетаться Ангелуша, Егор Павлович, фотографии и Цезарь, царственно взошедший на ступени эскалатора.

**КРИТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

Марина ЗАМОТИНА

Марина Анатольевна Замотина – критик, литературовед. Родилась в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «журналист, литературный редактор издательства». Сотрудничала с различными московскими издательствами как литературный редактор.

Автор многочисленных публикаций в СМИ. Её путевые заметки, статьи и обзоры, в первую очередь посвящённые истории Москвы и путешествиям по российской глубинке, пользуются популярностью среди читателей. В издательстве «Стрекоза» неоднократно выходили и переиздавались книги М.А. Замотиной – по древнерусской и античной литературе для детей. В издательстве «У Никитских ворот» вышла книга критики «Миражи и были Марка Казарновского».

М.А. Замотина – Заслуженный работник культуры РФ.

Отмечена Благодарностью и Почётной Грамотой Президента Российской Федерации.

Много лет работает в правлении Московской городской организации СП России. Член Правления, ответственный секретарь творческих объединений критиков и литературоведов, драматургов, детских и юношеских писателей. Сопредседатель Совета по науке, культуре и публицистике.

Живёт в Москве.

О ЧЁМ МЫ МЕЧТАЛИ?

ПОСТИЖЕНИЯ И СОЗИДАНИЯ МАРИНЫ ЗАЙЦЕВОЙ

Когда начинаешь читать адресованную подросткам книгу Марины Зайцевой, первое впечатление – что с прочтением можно справиться быстро, легко и с удовольствием. Но оказалось, что – ничего подобного! На первый взгляд, именно легко и спокойно пишет автор. Но только – на первый. Буквально через несколько страниц становится понятно, насколько глубоки и многослойны её рассказы. Начинаешь думать, сопоставлять, сравнивать. Вспоминать! И размышлять, конечно же. Хотя автор задумывал прозу для детей. Конечно же, эти рассказы могут читать подростки. Но и взрослые не оставят прозу писательницы без внимания.

«Нередко она видела на улицах города, в котором они жили, раненых и таких же искалеченных людей – кого без руки или ноги, – одетых в поношенную военную форму. Большинство из них были с орденами и медалями на груди. Но это объяснение сестры не уменьшило её страха. Весь следующий день солдата на тележке на палубе не было видно. Брат, когда она спросила, почему не видно дяденьки солдата на тележке, ответил, что ночью, когда она уже спала, солдат сошёл на какой-то пристани. Эта картинка – как безногий солдат-инвалид поднимает и переносит её на своих больших и сильных руках над палубой плывущего по Волге парохода – навсегда запечатлелась в памяти маленькой Леры» (цитаты здесь и далее из книги «Созидание сада»).

Если не знаешь биографии писателя, то в его произведениях действительность сразу кажется эпизодами из жизни. Так и у Марины Зайцевой. К примеру, начало книги «Созидание сада» – постижение мира. Трогательные истории. «Солдат на колесиках», «Постигание мира», «Конфеты на земле», «Хамса

с «довеском», «Половодье», «Володя и ослик», «Прощай, фабричная труба!», «На Дальний Восток!». Первый же рассказ в книге захватывает трепетностью сюжетной канвы, становится понятно, что автор всё случившееся пережил сам. И следующий рассказ – это эпизод из писательской судьбы. И ещё один... Автор не проводит параллелей со своей биографией, но мы ведь всё понимаем. Или чувствуем? Ведь в каждом сюжете своя судьба. Узнаваемый мир, разве не так? Произведения писательницы яркие, психологически точные. А потому её герои – словно наши хорошие знакомые, истории которых нам совсем не безразличны.

Не стоит искать в прозе Марины Зайцевой чего-то необычного, фантазийного. Всё просто, обыденно и незатейливо. Но так житейски уютно! Может быть, грустно? Конечно. Поколение тех времён узнает себя. Или своих друзей и близких. Мы же так и жили. Но перед нами не съёмки документального кино, а проза. Художественная проза современного автора. В её рассказах есть всё, что дорого ценителям этого жанра. Очень простые, совсем не изысканные сюжеты, на первый взгляд не богатый язык, в текст надо вчитаться, но зато какая атмосфера! Марина Зайцева тонко владеет описанием душевных движений и чувств, поэтому даже там, где нет яркой сюжетной составляющей, её рассказы читаются с неослабевающим вниманием.

И... про любовь. Всё, что создано Мариной Зайцевой, о любви. Её проза словно заряжена энергией любви. Любви к дому, к семье, к родным, к миру. Но удивительным образом грусть и печаль читаются в, казалось бы, самых светлых сюжетах.

У всякого литературного произведения, как и у музыкального, есть своя тональность. И у Марины Зайцевой она тоже есть. Но её, тональность, как и музыку, надо слушать. Не сомневаюсь, что каждый читатель это сразу поймёт. С первого же рассказа. Её язык – образный, живой, не просто заставляет воображение как бы видеть то, о чем говорит автор, а порой и полностью погружает нас в события. Автор внимательна и к

художественным деталям. Не обходится без мелочей – именно из них плетется паутина событий. Вот, к примеру, в уже упомянутой книге «Созидание сада» – часть вторая со смешным заглавием «Последняя Хрюшкина лужа». «1-й дом, 2-й, 3-й, 4-й», а также «Колодец», «Пастушка», «Камера» и «ДушИ-щЕпИтельное танго» – это рассказы из этой части. Не стоит раскрывать всего замысла автора, но, безусловно, Марина Зайцева обладает талантом повествователя. Конечно, спрашивать, как пишет писатель, нужно у него самого. У Марины Зайцевой есть свои секреты мастерства. Ведь её героини – те, кого мы называем обычными людьми. Психология людей во всем времена мало менялась. Мы ведь всегда ждали, ждем и будем ждать счастья, страдаем, любим, принимаем неизбежное. И верим в лучшее!

Марина Зайцева в своей прозе не обращается к глобальным проблемам, наоборот, ей ближе детали, ассоциации, частности. Подробности как раз позволяют легко понять то, что общее для нас всех. И даже примерить то, что кажется совсем далёким, на себя. И даже понять и принять другого человека, его поступок, его мысли, чувства, нечто общее для всех. В сущности, почти все её рассказы – о понимании. Ну и ещё, повторюсь, о любви и счастье.

Детали создают ощущение правдивости. Одна из важных особенностей прозы Марины Зайцевой состоит в том, что она способна одухотворять атмосферу самую прозаическую, приносить дух романтики в самую, казалось бы, бытовую обстановку. Знание жизненных реалий, упомянутое внимание к мелочам и деталям, искренняя любовь писательницы к своим персонажам обеспечивают ей полную свободу в создании самых разных историй, и в описании самых простых ситуаций.

«У старших ребят теперь в этом посёлке появились новые друзья и подружки. Они часто ходили купаться и загорать на речку, и очень редко брали её с собой. Маленькая Лера, оставаясь одна, с настойчивостью любознательного щенка обследовала ближайшую местность и ежедневно совершала свои пусть маленькие, но важные, открытия».

Рассказы читатель ценит и любит. И с удовольствием читает. И в книгах, и в журналах. И даже газеты публикуют рассказы – а прозу в газете в другом формате и не встретишь. Безусловно, в новом веке в прозе появились новые черты. Какие, спросит читатель? Что может измениться в рассказе? Ведь рассказ – жанр всем понятный. Но и в то же время сегодня в нём мы видим и новые стилистические приемы, и новую предметность, и особой остроты актуальность. Рассказы Марины Зайцевой отличает, в первую очередь, доверительная интонация. Автор ничего не выдумывает, она не фантазирует, не лукавит. Марина Зайцева говорит с нами, читателями, как с близкими, родными людьми. Мы доверяем ей, и это располагает нас к её героям. Есть мнение, что рассказы любят все – и дети, и взрослые. Наверное, потому что жанр этот особенный. В рассказах не бывает превращений, тут нет вымысла. Для меня рассказ – это в первую очередь настроение.

«Вот, например, лес. К роднику вела всегда сырая и тёмная тропинка, вокруг которой густо рос папоротник. И если чуть сойти с тропинки в сторону, папоротник щекотал босые лодыжки, а земля, чёрная и влажная, холодила ступни. В лесу росло много кустарников и подрастающих молодых деревьев. От этого лес в некоторых местах был почти непролазным».

Третья часть книги «Созидание сада» – «Вовкины сны», «Сиреневый кит», «О чём мы мечтали», «Благородный дух Олимпиад», «Созидание сада», «Мост», «Мишкины голуби», «Тебе – ОДИН!», «Толик-певец».

Мир Марины Зайцевой элегантен, добр и очень прост в восприятии. И в то же время её рассказы никак не назовёшь статичными красочными полотнами. Разве не так? В них всё в движении. В движении мысли и мечты.

Чудесным образом живут героини Марины Зайцевой в природе. Природа у неё удивительно понятна. И прекрасна.

«Самые красивые из деревьев были клёны. Летом их светло-зелёные листья, похожие на широкие ладони, с растопыренными перепончатými пальцами, давали лёгкую ажурную тень. Потом клёны разбрасывали повсюду зелёные крылатые семе-

на, похожие на маленькие самолётики, или даже на стрекоз. Дети любили надевать их на носы, защищаясь от солнечных ожогов.

Здесь дети их так и называли – «носики». Осенью резные клёны – жёлтые, оранжевые и красные – сбрасывали листву и превращались в роскошный разноцветный лесной ковёр, в котором с мягким шуршанием, пружиня, утопали ступни ног. Лера набирала целые охапки разноцветных листьев, а дома делала из них букеты, но они, к сожалению, долго не стояли в банке с водой – быстро завяли и пожухли».

А как Марина Зайцева описывает, например, орешник?

«На ветках кустов густо гнездились завязи лесного ореха. Орехи росли кучкой – по три-четыре штуки в гнезде. Молодые были зеленовато-белые, мягкие на вкус и едва уловимо сладковатые, – их можно было есть прямо со скорлупкой. Но по мере созревания скорлупа ореха обретала твёрдость и становилась светло-коричневой и гладкой. Однажды Лера увидела, как орехи сушили на горячей поверхности кирпичей, которые были заложены в печь для каления».

Мир, созданный писательницей, покоряет сердца читателей мудростью и добротой. Её истории нам очень симпатичны своей трепетностью и доброжелательностью. Марина Зайцева – человек добрый, это несомненно. А как она любит своих героев! И мы понимаем, за что! Добро, как и вера в счастье и справедливость – в числе избранных для автора добродетелей. Но она не навязывает нам своего мнения, а легко и свободно показывает героев в созданных для них обстоятельствах. Писательница – человек творческий, незаметно организующий пространство сюжетных коллизий, перипетий, взаимоотношений своих героев, предметов, явлений, пространство чувств, непосредственное восприятие действительности.

Марина Зайцева воспитывает как у взрослых, так и у подростков умение узнавать мир, способность чувствовать красоту. Она учит нас жить. Учит вере в жизнь, жизнь честную, красивую, гармоничную.

МАРИНА ЗАМОТИНА

В рассказах Марины Зайцевой легко читается непреложность авторского понимания добра и зла. Её рассказы умны и бескомпромиссны. Они обязательно найдут пути к сердцам детей и взрослых – всех, кто ценит и любит настоящую современную прозу.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Юлия СОРОКИНА

Юлия Владимировна Сорокина – поэт, прозаик. Член Московской городской организации Союза писателей России, член организационного совета Арт-клуба «Притяжение» при МГО СПР и Центральном Доме литераторов, член ЛИТО «Международное Содружество авторов Арт-салон “Фелисион”», член ЛИТО «Моссалит».

Стихи пишет со школьных лет. Публиковалась в различных сборниках и альманахах. Регулярно участвует в литературных конкурсах и фестивалях. Пять лет назад родилась идея ко дню рождения внука написать детскую книгу. Так, в 2018 году, в Издательском доме «Фелисион» был издан сборник стихов и рассказов для детей дошкольного возраста «Жил-был Тёма».

Живёт в Москве.

ЭТО ЧТО ЗА ЧУДЕСА?!

СНЕЖОК

Я снежок в ладонях грею
И от снега холодею.
Заберу его домой
С этой стужи ледяной.
Положу на батарею,
Чтобы стал снежок теплее.

От снежка осталась лужа.
Может, греть его не нужно?

МОЛЬ

Завелась в квартире моль.
В чём теперь ходить зимой?!

Съела моль шарфы и шапки,
Съела тёплые перчатки,
Съела свитер и носки,
Съела все воротники!

Начался переполох,
Слышно только «ах!» да «ох!».

Я один не понимаю –
Объясните мне, кто знает:
Разве есть у моли зубы,
Чтобы съесть могла все шубы?

ЗИМНИЕ СНЫ

Лес снегами замело,
Стало всё вокруг бело.
Чтобы сны зимой смотреть,
Лёг в берлогу спать медведь.

Снится мишке куст малины,
Гроздья алые рябины,
И янтарный сладкий мед,
И ромашек хоровод.

Мишка спит и до весны,
Видит он цветные сны.

ВЕСНУШКИ

Перед зеркалом стою
И себя не узнаю.
Кто обсыпал мне лицо
Рыжей, солнечной пылью?

Как ромашки на опушке,
На носу цветут веснушки!

НЕПОСЛУШНЫЙ КАРАНДАШ

Карандаш капризный очень –
Рисовать никак не хочет,
И, на огорченье всем,
Не старается совсем.

Он ломался восемь раз!
Он совсем измучил нас.
Не желает он точиться,
Чтобы рисовать учиться.

А вчера под стол сбежал:
Закатился и пропал.
Поскорей найдите наш
Непослушный карандаш!

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Я осенний, жёлтый лист,
И готов сорваться вниз.
Я от ветки оттолкнусь,
И кружусь, кружусь, кружусь.
В лужи падать не хочу –
Я лечу, лечу, лечу!

Словно птицы, жёлтой стаей
Листья в небо улетают.

ЧАСЫ

Утром солнышко проснётся,
Нам в окошко улыбнётся.
Пропоют часы: подъём!
Билли-бом, билли-бом!

Целый день часы идут
И минутам счёт ведут.
Отмеряя каждый шаг,
Говорят: тик-так, тик-так.

Вечер тихо подкрадётся.
На ночь спать уходит солнце.
Убаюкивая дом,
Бьют часы: бим-бом, бим-бом.

ДОЖДИК

Дождик брызнул, как из лейки,
Намочил в саду скамейки,
Сбил колючие каштаны,
Набросал листву в фонтаны,

Со двора прогнал котов,
Что гуляли без зонтов,
Нарезвился, нашалился,
И до капельки пролился.

Снова солнечный денёк!
В чистый, быстрый ручеёк
Мы пустить кораблик можем.
В добрый путь! Спасибо, дождик!

ТЕМПЕРАТУРА

Я вчера гулял по лужам,
А теперь лежу – простужен.
Пью таблетки и микстуру,
У меня температура.
Говорят, она ползёт
И никак не упадёт.

Пусть скорей ползёт к врачу.
Я здоровым быть хочу!

РОЯЛЬ

Мне недавно рассказали –
У рояля есть педали,
Рама есть, три колеса...
Это что за чудеса?!

Разве он велосипед?
В чём здесь кроется секрет?
Прокатиться на рояле
Можно, если есть педали?

Я рассказам не поверил,
Я пошёл, и сам проверил.
В первый ряд, в концертный зал
Папа два билета взял.

Мы увидели рояль,
В центре сцены он стоял:
Молчаливый, чёрный, строгий,
Однокрылый и трёхногий.

Вышел к залу музыкант,
На груди поправил бант,
Белых клавиш он коснулся –
И рояль запел, проснулся.

Из-под чёрного крыла,
К нам мелодия плыла.
Папа шепчет мне: «Смотри,
Есть педали – целых три!

Если правую нажать,
Будет музыка звучать
Переливом плавно, громко,
Ярко, красочно и звонко.

Жмёшь на левую педаль –
Музыка, как будто, в даль
Мягко, тихо улетает,
Разливается и тает.

Ну, а средняя – она
Очень редко нам нужна,
Не для всех она подходит,
Лишь для избранных мелодий».

Зал, заслушавшись, молчит.
Только музыка звучит.
Вот так сказочная птица –
То-то мама удивится!

ТЁМА В ШКОЛУ НЕ ПОЙДЁТ

Тёма в школу не пойдёт, у него полно забот.
Он ещё не съел всю кашу, и не выпил свой компот.

Но зато успел найти все пропавшие носки,
И шнурки на всех ботинках завязал на узелки.

Он немножко поиграл в паровозик и вокзал,
И солдатиков зелёных из коробки он достал.

Он из кубиков сложил дом большой для всех машин,
И нечаянно рассыпал на полу карандаши.

Приложил немало сил – рисовать кота учил.
Он играл в футбол с диваном, и победный гол забил!

Тёма в школу не пойдёт, у него полно забот.
От него опять сбежали карандаш, носок и кот.

Хоть и может он почти сосчитать до десяти,
Чтобы Тёму взяли в школу, надо Тёме подрасти!

ПЁС

У нас живёт отличный пёс!
Он папе палочку принёс,
Он маме повилял хвостом,
Он съел сосиску под столом,
Он за диваном отыскал
Мой старый, синий самосвал.

Я с ним играю и смеюсь,
Я темноты с ним не боюсь.
Я с ним храбрей, я с ним сильнее,
И даже капельку взрослей.
Но одного понять не смог:
Куда девался наш щенок?

МЫ НЕ ЛЮБИТЕЛИ КОТОВ

Мы не любители котов,
Когтей кошачьих и хвостов,
Но ровно пять минут назад
У нас случился кошкочпад.

Размеров всех и всех мастей
В наш дом насыпалось гостей:
И чёрно-белых, и цветных,
И диких кошек, и ручных.

И я, признаюсь, очень рад,
Что не случился слонопад!

ЖИРАФИКИ

Да, здесь у нас не Африка,
И даже не Австралия.
А где-то там жирафики
Живут в других реалиях.

Как мачты корабельные,
Среди саванн качаются.
Пейзажи акварельные
Их взорам открываются.

И, в ожиданье дождика,
Весьма разочарованы,
Они идут к художнику
За тучкой нарисованной.

Под солнцем греют пятнышки,
Прогнозов строят графики.
Пока жирафьи бабушки
Цветные вяжут шарфики.

Евгений КАЛАЧЁВ

Евгений Сергеевич Калачёв – прозаик. Родился в Новосибирске, рос в Туве, высшее образование получил в Омске. Там же начал писать. До этого в составе промысловой артели охотился на пушного зверя в тайге – месяцами жил в таежной избушке без благ цивилизации, служил оперуполномоченным в уголовном розыске, «уходил» во внутреннюю эмиграцию: работал сторожем, дворником, хлораторщиком.

В 1996 году по итогам Совещания молодых писателей (г. Владимир) и по рекомендациям М.П. Лобанова и С.И. Шуртакова был принят в Союз писателей России.

В 1997 году окончил Высшие литературные курсы Литературного института имени А.М. Горького (семинар Е.Е. Чернова).

Публиковался в «Литературной России», «Литературной газете», «Российском писателе», «Дне литературы», «Московском литераторе», «Омской правде», «Вечернем Омске». В журналах: «Молодая гвардия», «Проза», «День литературы», «Милиция», «Золотое перо».

Автор 16 книг. Секретарь Союза писателей России.

Живёт в Москве.

ЗМЕИНЫЙ БРАСЛЕТ

Рассказ

В тот день Лёха проснулся, как обычно, в семь часов утра. Соскочив с кровати, он быстро прошлёпал босыми ногами по узкому длинному коридору в ванную, щёлкнул выключателем – над большой белой раковиной зажётся яркий свет, – взглянул в зеркало. Из зеркала на него смотрел сосредоточенный, бледный мальчик, которому через три месяца исполнится девять лет. Лёха открыл кран, подставил под струю воды зубную щётку, потом выдавил из тюбика пасту и начал энергично чистить зубы. Быстро прополоскав рот, он включил душ, начал регулировать температуру воды. Обычно в это время в ванную заглядывала мама, приносила чистое полотенце. Но сегодня её почему-то не было.

Лёха невольно задумался об этом. И тут до него дошло:

«Так сегодня же первый день летних каникул!»

От этого открытия у него мгновенно изменилось настроение. Он заулыбался. Движения у него стали не такими чёткими, отработанными до автоматизма за два года учёбы в школе в первую смену. Но энергии прибавилось.

Он выключил душ, выскочил из ванной комнаты и вбежал на кухню.

– А вот и наш третьеклассник, – сказал папа.

Мама улыбнулась:

– До третьего класса ещё целых три месяца каникул. Правда, Лёха?

Для Лёхи особенно было важно не то, второклассник он ещё или уже третьеклассник, а вот то, что его ждут три месяца свободной жизни. Это было здорово! Он даже сразу попытался представить, сколько же он может всего сделать за это время? Сколько раз погулять во дворе, сколько раз сгонять в парк, покупаться в протоке, сбежать на реку, поиграть с мальчишками в футбол... Воображения даже не хватало. И он, махнув рукой, улыбнулся:

– А я забыл, даже зубы почистил.

– Ну зубы чистить и умываться надо каждый день. Даже в каникулы... Я приготовила омлет. Ты сам позавтракаешь? А то мне надо твою сестрёнку еще в садик завести, и на работу, – сказала мама.

– Конечно, – улыбнулся Лёха.

– Эх, мне бы три месяца каникул! Да ещё и летом, – засмеялся папа.

Когда дверь за родителями захлопнулась, Лёха отодвинул недоеденный завтрак, быстро оделся в футболку, спортивные штаны, кеды. На голову накинуд новую синюю бейсболку с длинным козырьком и выскочил из квартиры.

Сбежав по лестнице, он, распахнув дверь, выскочил из подъезда и всеми фибрами души, ощутил, что во дворе уже началась новая летняя жизнь. Казалось, всё детское население двух длинных четырёхэтажных шестиподъездных домов, стоящих друг к другу под прямым углом и образующих закрытое дворовое пространство, вышло погулять.

У дальнего забора, на зелёном подстриженном газоне стояли девочки. Они о чём-то весело болтали, потом, когда от подъезда отъехал автомобиль, перешли на асфальт и мелом стали рисовать классики.

Левее Лёхиного подъезда кучковалась малышня, которая уже выпустилась из детсада, но ещё не ходила в школу. Лёха с лёгким презрением взглянул на их мягкий резиновый мяч, которым они собирались играть в футбол.

По тротуару, вдоль дома, взявшись под руки, прогуливались три старшеклассницы.

Они громко что-то обсуждали, хихикали, но, увидев Лёху, тут же выжидательно замолчали и с высоты своего роста и возраста стали пристально смотреть на него. Лёхе они были не интересны, он отвернулся в другую сторону.

Правее, прямо в центре двора стояла группа Лёхиных ровесников. Над ними возвышалась голова второгодника Горшка. Лёха решил направиться к ним, но в это время увидел Манзая, который вышел из арки соседнего дома. Он пошёл навстречу.

– Привет, – сказал Манзай. – А я думал, что ты ещё спишь?

– Привет, – сказал Лёха. – Не до сна – каникулы!

Они засмеялись, поглазели по сторонам.

– Что это Горшок там показывает? – спросил Манзай.

– Пойдём, посмотрим, – предложил Лёха.

– Вот смотри, можно брючный ремень внутрь просунуть. И будет у тебя ремень из гадюки. Ни у кого такого в мире нет, а у тебя будет, – говорил Горшок пацану из второго подъезда, у которого отец был пилотом самолёта. – Или, смотри, какой браслет можно сделать, – Горшок обернул змеиной шкуркой своё запястье. – Смотри, как переливается на солнце... Бери, пока отдаю за копейки.

– Змеиный браслет! Вот это здорово! – воскликнул Манзай. – Дай примерю?

Горшок был старше Манзая на целый год, но учился с ним в одном классе и, почувствовав острый интерес к своей реликвии, снял шкурку с руки, сунул её за пазуху рубашки:

– Сначала деньги – потом змею... Да и мы с Санькой уже договорились. Правда, Санька?

– Сёмка, – поправил его сын пилота.

– Значит, не дашь? – переспросил Манзай.

– Нет, – сказал Горшок. – Иди сам попробуй поймать гадюку. Да смотри, – у неё сейчас самый смертельный яд!

– И поймаем! – вступился за Манзая Лёха. – Ишь, напугал!

Горшок посмотрел на Лёху, перевел взгляд на Манзая. Понял, что силы стали неравными:

– Пойдем, Сёмка. Я тебе объясню, как можно сделать застёжку на браслет...

Заскочив домой, Лёха взял отцовский складной нож с рукояткой в виде лисицы.

Манзай заценил нож: открыв его, он поскоблил ноготь большого пальца острым лезвием.

– Хороша «лисичка»! – похвалил он.

Они пошли вдоль протоки, с тихой зеленоватой водой, мимо центрального входа в парк, за деревянной белой аркой которого

сразу начинался пешеходный мост через протоку. Дошли до дамбы, свернули на неё.

Дамба отгораживала протоку с островами, на которых при-вольно раскинулся огромный естественный городской парк с огромными старыми тополями, зарослями черёмухи, краснота-ла. Но в парке не рос тальник, который был сейчас нужен Лёхе с Манзаем. Поэтому они спустились с дамбы с другой стороны от протоки и, перепрыгивая через небольшие, неглубокие ручейки, направились в сторону основного русла реки, которая за много лет из песка, принесённого с верховья, образовала песчаный остров. Все его называли – «Островок». На левой оконечности Островка росли густые заросли тальника.

Песок здесь был всегда влажным, потому что в этом месте Островок только чуть-чуть возвышался над стремительной многоводной рекой, воды которой и пропитывали этот песок насквозь. А высыхать поверхность песка от жаркого солнца не могла, потому что тальник рос плотной стеной – ствол от ствола сантиметров в десяти, не более – и густая листва пятиметровой высоты заслоняло солнце.

Лёха был поражён увиденным. Он ступил на узкую изви-листую тропинку, ведущую в самую чащу этих непроходимых джунглей, сделал шагов десять, остановился. Это был совсем другой мир: сырой и тёмный. Не слышно было даже щебетанья птиц. И только глухой мощный рокот еле слышно доносился с реки. И звук шёл не по воздуху, а по влажному песку.

Лёха открыл складной нож, внимательно посмотрел под ноги.

«Вот это место, где водятся опасные, смертельно ядовитые змеи!» – подумал он.

Лёха внимательно вглядывался в окружающее пространство, но видимость ограничивалась двумя метрами, не больше.

Вдруг раздался голос. От неожиданности Лёха даже чуть-чуть вздрогнул.

– А-а, вот, ты, где?! – к нему по тропке пробирался Манзай.

Остановившись, Манзай тоже осмотрелся, прислушался, сказал:

– Здесь мы нарежем из тальника рогатин. Он мягкий, легко режется, прямой, без лишних сучков, и рогаток на нём много. А змей здесь нет, – сказал Манзай, но всё-таки внимательно посмотрел под ноги, потом на ветки тальника.

Вырезав две полуметровые палки с рогатинами на конце и ошкулив их для лёгкости, они как индейцы с копьями наперевес двинулись по берегу реки вверх по течению. За час они обошли парк с тыльной стороны, где Лёха ни разу не бывал.

– Нам туда, – показал рогатиной Манзай на крутую высокую гору, которая гигантским динозавром возвышалась над рекой.

– Мы поплывем? – удивленно спросил Лёха. Гора была на другом берегу.

– Конечно, – улыбнулся Манзай. – Но не сейчас.

– А ты уверен, что там есть змеи? – спросил Лёха.

– Конечно. Я, правда, там тоже не бывал, но взрослые пацаны рассказывали, что там есть Змеиная тропа. Если есть тропа с таким названием – значит, и змеи там есть, – сделал умозаключение Манзай.

Парк закончился, и они спустились совсем близко к воде. На низком берегу, который затапливался во время весеннего паводка и после проливных дождей, росла ярко-зелёная низенькая, как стриженный газон, трава. На траве лежали вытащенные из реки деревянные и дюралевые лодки, которые были примотаны цепями к огромной лесине, приплывшей с верховья в половодье.

Лёха все это видел впервые. Оказывается, мир не ограничивается его двором, школой, парком и даже Островком с его тальниковыми джунглями. Мир гораздо шире, интересней, многообразней. Лёха все ждал, что Манзай скажет, что вот поплывём на ту сторону на этой или той лодке. Но Манзай все шёл и шёл молча. Потом сказал:

– Это уже Восток. Слышал про такой?

– Район такой, – кивнул Лёха.

– Можно идти дальше вдоль реки до самого парома. Но это ещё километров десять. А можно от Востока до Речного посёлка доехать на автобусе. А там, и до парома рукой подать, – сказал Манзай.

– Ты там бывал? – спросил Лёха.

– Пацаны рассказывали, – сказал Манзай.

Лёха почувствовал в голосе Манзая легкую неуверенность.

Спросил:

– А в автобус нас с палками пустят?

– Конечно, – успокоил Манзай. – Сейчас же часов двенадцать – они в это время полупустые ходят.

На автобусной остановке «Восток» Лёха и Манзай выпили по стакану холодной газированной воды. Она показалась такой вкусной, что захотелось ещё, но в это время подошел автобус. Лёха и Манзай зашли в автобус, выбрали хорошее место у окна и, когда автобус поехал, стали наблюдать окружающие пейзажи.

Город закончился через две остановки, началась степь. Степь простиралась от реки до низких гор из песчаника, больше похожих на гряду холмов. И единственным украшением этого пейзажа была огромная спутниковая антенна в виде большого радара и офисного двухэтажного здания. Потом автобус остановился в Речном посёлке, состоящем из нескольких одноэтажных деревянных домов. А дальше была земля неизвестная – Терра инкогнита.

Они шли по утрамбованной грунтовой дороге. Солнце уже пекло нещадно и была такая сушь, что чувствовалась еле уловимая влажная прохлада, которая указывала на то, что река уже рядом.

Лёха увидел ползущего вдоль дороги огромного полосатого, как зебра, жука с длинными жесткими усами.

– Это стригун, – сказал Манзай. Он аккуратно ухватил его двумя пальцами за бока. Жук вырывался, работая всеми шестью лапами и мощной челюстью, но жёсткий панцирь, за который держал его Манзай, не давал вырваться.

И ещё одним сегодняшним открытием для Лёхи был паром.

Когда они с Манзаем подошли к реке, Лёха сразу увидел медленно приближающийся к этому берегу большой деревянный плот, на котором стоял грузовик и две легковые машины. Плот был необычным: высоко возвышался над водой и был

прикреплён толстым металлическим тросом к ещё одному тросу, натянутому над рекой. Лёха понял, что трос не даёт быстрому течению унести плот, а вот как движется плот от одного берега к другому берегу, он не понял. Лёха сначала подумал, что у плота есть мотор, но над рекой стояла тишина. Потом он стал смотреть внимательно, что происходит на дальнем борту плота. Но людей с вёслами он не увидел. И только когда, они с Манзаем загрузились на причаливший к берегу паром, Лёха понял, что никаких гребцов на пароме нет. Кроме того, вблизи Лёха хорошо рассмотрел конструкцию: это были две огромные деревянные лодки, борта и дно которых от протечек были обработаны чёрным гудроном, накрытые прочным деревянным настилом сверху. Настил имел деревянные ограждения, к которым были прикреплены красно-белые спасательные круги, деревянные, отполированные погодой и людьми лавки и небольшое помещение из досок для капитана этого судна – паромщика. На стене этого сооружения были прикреплены багор, топор с длинной ручкой и ведро. Все эти предметы были ярко-красного цвета. А в помещении, дверь которого была распахнута настежь, стоял большой круглый штурвал.

Грузовик и две легковые машины съехали с парома на берег – паром, освободившись от их тяжести, приподнялся из воды. А когда с него сошли на берег пассажиры и на него начали заезжать с берега другие автомобили, паром опять глубже погрузился в воду.

Лёхе понравились эти всплывания и погружения, он с интересом смотрел за борт, на прозрачную стремительно протекающую мимо бортов воду, на въезжающие на паром автомобили, мотоциклы. И вот наступил самый интересный момент. Паромщик закрыл шлагбаумом въезд, зашёл в рубку и, глядя в боковое окошко, плавно повернул штурвал. Сначала ничего вроде бы не произошло: не было никаких звуков, ни движения. Но вдруг Лёха увидел, что паром оторвался от берега и медленно поплыл к середине реки. Трос, за который крепился паром, вдруг покатился – Лёха рассмотрел на его конце небольшое колесико – по тросу, натянутому через реку.

– Я всё понял! – радостно сказал Лёха. – Паром движется за счёт течения реки, а управляет им руль.

– Точно? – спросил Манзай. Он тоже пытался понять – как паром без мотора и без гребцов мог двигаться от берега до берега. И потому так же, как и Лёха, с любопытством смотрел на всё происходящее.

Они облокотились на ограждающие перила, стали смотреть на пузырящуюся под килем прозрачную воду и вдыхать прохладный воздух, идущий от реки, пахнувший растаявшими снегами на вершинах дальних высоких гор.

Сойдя с парома, когда машины и люди, плывшие на пароме, уехали, и сам паром, загрузив очередную партию мото-авто пассажиров, отчалил, они ощутили себя в полном одиночестве: с одной стороны текла широкая река, с другой – извивалась, уходя вдаль по подножию горы, пустынная грунтовая дорога. И гора, возвышающаяся над рекой и дорогой. Вернее, цепь гор, которые закрывали весь горизонт. Стояла звенящая кузнечиками и саранчой тишина.

– Может, окунёмся? – спросил Лёха.

– Можно, перед дальней дорогой, – Манзай посмотрел на крутой, выжженный солнцем голый склон с редкими кустиками жесткого карагатника.

Они шли вниз по течению реки, выбирая подходящее место для купания. Река была здесь с быстрым течением, со страшными, утягивающими на глубину воронками, с крутым, резко уходящим на глубину дном. Они не спешили с купанием, потому что даже идя по берегу, они приближались к цели своего путешествия – Змеиной тропе. Было по пути. И здесь даже было идти удобнее – по ровной поверхности, и здесь было не так жарко – от реки веяло прохладой.

Примерно через километр река стала шире. Потекла по мелкому перекату, а у этого берега образовался небольшой затон. Вода была здесь поглубже, чем на перекате, и не с таким быстрым движением. А берег и дно у берега были песчаными.

– Ну что, поплаваем? – спросил Манзай.

– Давай, – согласился Лёха.

Они разделись, вошли в воду по щиколотки. Вода после жаркого воздуха показалась ледяной. Манзай наклонился, черпанул пригоршней воду, брызнул на Лёху. Лёха от обжигающей холодом воды взвизгнул, прыгнул в сторону, уворачиваясь. Манзай опять черпанул пригоршню. Лёха ногой, словно по мячу, ударил по воде. Фонтан брызг полетел на Манзая. Манзай радостно вскрикнул и, чтобы спастись от ледяного душа, прыгнул рыбкой в воду.

– Вода – родник! – крикнул Манзай, вынырнув на поверхность.

Лёха на мгновение остановил свой взгляд на чистых, переливающихся на солнце, блестящих песчинках, которые поднялись из-под ног Манзая и медленно поплыли в прозрачной, как стекло, воде, и метнулся в реку. Нырнув, он ушёл с головой под воду. Всё тело его обожгло, словно крапивой, он поспешил на поверхность, вынырнул. Боли не было – была невероятная свежесть, и он радостно закричал:

– Ледник!

– А поплыли к перекату?! – прокричал Манзай.

– Так мы одежду не взяли?! – крикнул Лёха.

Манзай оценил шутку:

– Домой нам еще рано, нас ждёт Змеиная тропа!

Они опять нырнули. Лёха под водой открыл глаза. В кристально чистой воде была видна каждая песчинка на дне. И он увидел стайку крупных пескарей, которые в песке своими усатыми мордочками искали пищу. Он вынырнул, крикнул Манзая.

– Пескари! Вот такие ломти! – Лёха показал руками.

– Где? – Манзай нырнул в направлении Лёхиной руки.

Лёха тоже ушел под воду с головой. Пескари дружной стайкой медленно плыли против течения. Он попытался плыть за ними. Тоже против течения, усиленно работая руками и ногами. Но побороть течение было сложно – Лёха, словно на беговой дорожке, плыл на месте.

Выйдя на берег, решили больше не терять времени: натянули на мокрое тело и плавки штаны, надели кеды, бейсболки, взяли в руки рогатины и футболки и сразу полезли в гору. Несмотря

на то, что гора была крутой, двигаться вверх было легко оттого, что они получили заряд бодрости, искупавшись в ледяной воде. Помогали и рогатины, на которую Лёха и Манзай опирались. Мешали быстрому движению колючие кусты карагатника – их приходилось обходить и плоские неустойчивые камни, попадающие под ноги – на них наступать было нельзя, потому что можно было упасть.

Но примерно на середине подъёма они наткнулись на тропку, которая вела на вершину горы, и они пошли по ней. Идти стало легче: колючие кусты оставались в стороне и ненадёжных камней было намного меньше.

На тропе они надели футболки, чтобы не обгореть на солнце, немного перевели дыхание и рванули вверх.

На вершине они остановились. От крутого и быстрого подъёма не хватало кислорода. Лёха и Манзай тяжело дышали, пот катился градом по лицу, по телу. Но из-за жары футболка даже не успевала промокнуть – всё испарялось мгновенно. Когда немного отдышались, Лёха повернулся, посмотрел назад.

– Что это?! – удивленно воскликнул он.

Манзай тоже посмотрел назад.

Словно с высоты птичьего полёта они увидели под собой блестящую ленту реки, зелёный лес на островах, город с белыми игрушечными зданиями, с крошечными, словно божьи коровки, движущимися медленно, как во сне, автомобилями. Узенькие зелёные улочки, по которым бесшумно двигались машины и на которых не было людей – то ли от жары все попрятались, то ли такими маленькими они стали, что без бинокля не рассмотреть.

– А вон мой дом! – воскликнул Лёха. – Вытянулся вдоль протоки.

– А вон мой! – воскликнул Манзай.

– Где? – спросил Лёха.

– Да за деревьями!

– А-а, вижу!

Лёха и Манзай видели такую удивительную картину в первый раз, потому и стояли долго, заворожённо. Потом Лёха посмотрел в небо.

«О, Боже!» – мысленно произнес он. Практически прямо над головой, в восходящих потоках горячего воздуха, парили огромные коршуны. Можно было разглядеть и зоркий глаз, и острый крючковатый клюв, и коричневые перья, и вытянутые, прижатые к телу мощные когтистые лапы.

Лёха толкнул Манзай. Манзай тоже стал смотреть на коршунов. Потом негромко сказал:

– Они нас приняли за своих, потому и не боятся.

С вершины тропа уходила резко вправо и вниз, где гору разрезало глубокое ущелье. Лёха и Манзай подошли вплотную к ущелью, тропа здесь шла ещё круче, но резко заканчивалась. Как ни пытались, они не смогли рассмотреть, куда же исчезала тропа. Поколебавшись, Лёха и Манзай всё же начали спуск. Почти на короточках они сползали по тропе вниз, и только спустившись метров на двадцать, они поняли, почему тропа заканчивалась. Оказывается, она не заканчивалась, а уходила под нависший каменный козырек.

На четвереньках, а кое-где ползком они преодолели пятидесятиметровое пещерное пространство, после которого тропа вынырнула на поверхность и плавно, уже не страшно, уходила вниз, немного отступив от всё ещё крутого ущелья.

– Теперь я понял, почему тропа называется змеиной, – засмеялся облегченно Манзай, когда они выбрались под небо.

– Почему? – не понял Лёха. – Змей вроде мы не встретили?

– Как не встретили?! Две только что проползли по тропе! – опять засмеялся Манзай.

– А-а, – сообразил Лёха и тоже засмеялся.

Они немного отдохнули. Здесь была тень от горы, но было всё равно душно. И главное, здесь уже было не так интересно, и они решили повернуть назад.

Обратно ползти и карабкаться в полупещерном пространстве было совсем не страшно. Лёха с интересом рассматривал нависшие над головой каменные своды, прикасался ладонями к тёплому камню, выглядывал в ущелье, в которое весной с шумом падал поток воды от таявшего снега. А поднявшись на

верх горы, они опять смотрели на свой маленький городской мир, раскинувшийся там внизу, как на ладони.

И тут случилось то, к чему они готовились весь день.

Они увидели её. Огромную серую гадюку. Извиваясь всем телом, она быстро и бесшумно скользила по склону горы, ловко маневрируя между шатающимися камнями и кустами карагатника.

Лёгкими бесшумными прыжками Манзай и Лёха бросились за ней – Манзай чуть правее, Лёха чуть левее, зажимая её в клещи. Метрах в десяти от того места, где её заметили, Манзай нагнал её и прижал к земле. Змея начала извиваться всем телом, но голова, прижатая рогатиной, была неподвижна. Лёха подобрал большой камень, подошёл поближе к голове змеи, поднял камень до уровня плеч, начал целиться, чтобы разозжить голову гадюки. Змея, почувствовав это, начала извиваться с ещё большей ловкостью, обхватив хвостом и телом палку. Её тело на ярком солнце переливалось перламутром, вспыхивало яркими веселыми блесками.

– Красивая нам досталась, – сказал Лёха. – У Горшка она какая-то серая, тусклая.

– Да этот Сёмка через два дня её вообще выбросит, – сказал Манзай, крепко держа рогатину. Он тоже с огромным любопытством смотрел на змею.

– Почему? – спросил Лёха. Он прижал горячий от солнца камень к груди, потому что держать его на весу было нелегко.

– Да потому, что змея красива – как и птицы, как и рыбы, – пока живая.

Лёха сделал шаг назад, положил камень на правую руку:

– Манзай, тебе нужен змеиный браслет?

– Нет, – ответил Манзай.

Лёха, как спортивное ядро на физкультуре, толкнул камень. Камень, пролетев несколько метров упал, несколько раз перекувыркнулся, потому что склон был достаточно крутым, и замер.

– Отпускай, – сказал Лёха.

– Ты точно решил? – спросил Манзай.

– На фиг мне этот браслет нужен, – сказал Лёха.

Манзай сделал шаг назад от змеи, приподнял рогатину. Гадюка метнула, освободившуюся плоскую голову к рогатине, схватила её ядовитыми зубами, но в следующее мгновение соскользнула с палки и стремительно, не веря в свое счастливое освобождение, извиваясь, быстро поползла вниз по склону горы.

Манзай и Лёха, молча, смотрели на змею, пока она не скрылась за желтеющими от зноя кустами карагатника.

Манзай размахнулся и бросил подальше от тропы рогатину с капельками змеиногo яда на ней.

– Так спокойнее будет, – сказал он.

Домой возвращались тем же путём. Только от Востока доехали до своей остановки на автобусе, а не шли вдоль реки, а потом по парку. Их лица, шеи, открытые участки рук почернели то ли от солнца, то ли от пыли и пота. Хотелось пить, но несмотря на усталость, в теле появилась необычная лёгкость. Казалось, ноги сами находили место, куда можно было безопасно наступать, и казалось, что ноги сами несли их в город.

У Лёхиного дома Манзай пожал ему руку:

– До завтра?

– До завтра, – ответил Лёха.

Манзай направился в сторону своего дома. Лёха смотрел ему вслед, пока он не скрылся в темной прохладной арке, и подумал:

«А всё-таки молоток Манзай, что отпустил змею».

Евгений ЦУКОВ

Евгений Александрович Цуков – поэт, прозаик. Родился в 1954 году в селе Серебряные Пруды Серебряно-Прудского района Московской области.

Публиковался и издавался в издательствах: «Богородские вести», «Адвокатская палата Московской области», «Вестник» Академии менеджмента в образовании и культуре», «Вестник Шуйского государственного педагогического университета», «Поэтическая газета», «Тюменский адвокат», «Школа-ВУЗ-Академия», «РБП Групп», «Авторитет», «Новая адвокатская газета», «Новая юстиция», «Граница», «Потенциал нации», «Десантники России», «АПКиПРО», «Боргес», «Нефтьгаз», «Модерат», «Пробел».

С 2000 года – член Союза писателей России. Член Совета по науке, культуре и публицистике МГО СП России.

Лауреат ряда литературных премий, в том числе Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», литературно-общественной премии «Универсальный человек» имени М.В. Ломоносова.

Почётный работник общего образования РФ, Заслуженный юрист Московской области, Почётный адвокат России, Доктор юридических наук, Профессор, Почётный доктор Российской академии адвокатуры и нотариата.

Живёт в Москве.

ТРИ РАССКАЗА ПРО ЖЕНЬКУ

УРОК ДИПЛОМАТИИ

Дедушка Женьки по матушке, Ягубичев Григорий Васильевич, более пятнадцати лет отработал судьёй военного трибунала. В последние месяцы войны был контужен и в чине капитана юстиции отправлен на пенсию. Однако в тот далёкий шестьдесят первый двадцатого века для Женьки статус деда ещё ровным счётом ничего не значил. Никто и предположений никаких не строил по поводу будущего рода деятельности подрастающего сорванца, и уж точно сам он ничего о юриспруденции не слыхивал.

Но кто-то и где-то имел по этому поводу более чем предположения, потому и преподносились жизнью необходимые уроки с раннего детства.

Женькина матушка второй раз вышла замуж, когда тому было семь лет. Вскорости после означенного события Женька был отправлен в первый класс.

Жили они на территории Конкурсного птицефабрики, что под Загорском, а в школу приходилось ходить за три... Да нет, не за тридевять земель, столько Иванушек-дурачков не набралось бы в Конкурсном, а за три километра, в дачный посёлок Семхоз. Путь лежал через железнодорожные пути и станцию с одноимённым названием, за которыми сразу же стоял сельмаг. Тогда не было всяких там «маркетов». В сельской местности все магазины назывались сельмагами. Теперь так полагаю, что магазин отапливался автономно, потому что около него находилась огромная куча каменного угля. Сразу оговорюсь, что слово «автономно» поставлено автором при написании рассказа, Женька-то тогда слова такого не знал.

Ни уголь, ни магазин, да пожалуй что и сама железная дорога тут вовсе и ни при чём. Хотя и без них никак не обошлось, совсем бы другая история получилась.

Из школы всегда возвращались большой гурьбой. Сентябрь готовился к исходу. Наряд природы, солнце, свежий воздух – всё несло радость. И радости этой было настолько много, что её просто необходимо было чем-то разбавить, хоть немного чем-то омрачить. Ведь то, чего не знали ребята, знала природа – всё может существовать только при условии равновесия.

Среди возвращавшихся были закадычные друзья: первоклассники просто Женька (это ваш покорный слуга), Витька Миронов и Витька Авдеев, и третьеклассник Женька Макаров.

Просто Женька увидел ранец, болтавшийся за спиной у Женьки Макарова расстёгнутым, и предупредил последнего об этом факте, дабы избежать ненужных потерь ученического инвентаря. Однако Макаров прореагировал на это совершенно непредсказуемо, как-то даже и странно на взгляд обычного первоклассника. Он набросился на Женьку со словами, что личная жизнь его портфеля не должна никак касаться того. От такого выпада приятеля Женька остолбенел. Но ещё больше он был удивлён поведением двух Витек, которые разом, как по команде, набросились на него с двух сторон.

С возрастом Женька стал верить во многое, что выходит за пределы обычного человеческого понимания, в том числе и в возможное переселение душ. Наверное, это переселение и помогло ему в той ситуации, если предположить ещё и то, что в предыдущее воплощение он был воином, что многие мистики пытаются в последнее время втолковать ему. Как бы то ни было, но Женькино тело само выполнило те движения, которым он никогда до этого не обучался. Через несколько секунд все трое обидчиков лежали, а может, и валялись (Женька не приглядывался) в кювете. Выбравшись оттуда, ребята убежали с угрозами отомстить за свою поруганную честь.

Женька со старшей двоюродной сестрой Светкой и одноклассниками Галькой Москвиной, Генкой Синицыным и другими, продолжили неспешно путь домой.

И вдруг у магазина, о котором упоминалось ранее, из-за кучи с каменным углем в них полетели эти самые камни. Такое коварное нападение уже представляло опасность для всех ребят.

Женьке ничего не оставалось, как побежать на прорыв обороны, и Витки с Макаровым были вынуждены ретироваться. Попросту говоря, убежать.

Дома о случившемся Светка рассказала маме Лиде (крёстная и родная тётка Женьки). Женька об этом не знал, как не знал и о многом другом...

Вечером его новый папка пригласил Женьку за стол для беседы. Справедливости ради скажу, что физического насилия он никогда не применял, но ремень на столе между ними во время бесед присутствовал обязательно. Отец сказал, что Женька проштрафился и наказан неделей домашнего ареста. Выход из дома связан только с дорогой до школы, пребыванием там и дорогой обратно. Проштрафился же он тем, что, как оказалось, не только Светка разболтала о случившемся, но и ребята пожаловались Николаю Андреевичу (мы с ним уже знакомы), будто Женька беспричинно их избил.

Женька пытался возражать, говорил, что он Женька, хороший, ребята сами напали на него втроём, что ему на троих нападать было бы просто неразумно, что это он должен был жаловаться на них. В ответ услышал, что он никто и ничто: насколько он хорош, могут говорить только другие. А впредь должен запомнить, что заранее требовать признания своего авторитета и уважения к себе не имеет права, но должен уважать других. Те же, если сочтут нужным, будут уважать его. Если на кого-то пожалуется он, будет наказан. Если пожалуются на него, будет наказан тоже.

Что оставалось делать семилетнему мужчине? Конечно, учиться дипломатии в межличностных взаимоотношениях. Ведь ни давать себя в обиду, ни обижать, пусть даже весьма условно, он не имел права, да и желания тоже. Также не имел права первым не высказать слова приветствия старшим или отказать им в необходимой помощи: это всё были наставления отца. Как уже говорилось ранее, к этому времени Женька уже не мог не думать, и наставления он обдумывал весьма серьёзно.

Через пару дней после случившегося ребята пришли просить отпустить Женьку с ними погулять, на что получили отказ: сами

пожаловались. К чести ребят сказать, ссоры между друзьями ещё, конечно же случались, но они уже никогда не жаловались отцу Женьки.

Урок этот в жизни оказались весьма полезными, а если бы ещё не врождённый максимализм не к месту, с неуёмным желанием выравнять всех под одну, собственную, гребенку... А Женька с раннего возраста был перфекционистом.

ЗДЕСЬ ПРОВЁЛ БЕЗЗАБОТНЫЕ ЮНОСТИ ДНИ

Приехал Женька в деревню Топканово Каширского района Московской области, когда деревья еще были большими, холмы – высокими горами, а километры – длинными, благодаря бесшабашности своих родителей, сменивших Загорск на Глухомань. Хотя истинные причины переезда родителей неведомы Женьке и по сей день.

В первый же день свободного передвижения по деревне, а было это зимой 1961 года, угодил под «рулетку» и разбил нос. Рулеткой тогда называли не то, что сейчас стоит по игорным домам. «Рулетка» – это деревянный щит. К задней его части неподвижно прикреплены два конька, в середине передней – отверстие, а через оное, как бы к рулю, прикреплён один конёк, посредством которого осуществляется изменение направления движения данного транспортного средства, способного передвигаться без приложения посторонней силы только под горку.

Наехали на него, конечно, не случайно, а потому, что был «новенький». Недостаток этот, в смысле «новенький», был скоро устранён.

Сама деревня была удивительно красива. Посредине деревни, вернее, разделяя её на три части, текли две речки. Одна, Суровка, впадала в другую – Большую Смедовку. Под пригорком, на котором располагалась Центральная усадьба птицеобъединения, находился барский пруд. Представлял он из себя большой овал с островом посредине. Остров имел ещё старое, оставшееся

с барских времён, название – «беседка». В стародавние времена там звучала музыка, плавали в танцах красиво разодетые люди, а рядом в воде, и тоже плавали, лебеди. Сейчас же «беседка» заросла огромными тополями и кустарником. По водной глади заиленного водоёма плавали в больших количествах утки и гуси, которых увидел Женька с наступлением весны. В момент же приезда в деревню всё было белым-бело, даже огромные кроны тополей были седыми.

Всё пространство от строений Центральной усадьбы до пруда было покрыто густым кустарником и мелкими деревцами. Только узкие тропки расходились в разные стороны, позволяя пройти к пруду, в школу, либо в какие другие места, кому куда по надобности. Только к клубу и сельмагу с горки от конторы вела накатанная грунтовая дорога.

Речка Суровка – так себе, ручеёк. В иных местах и перепрыгнуть легко. Да и вообще настолько была мала речушка, что её даже и переименовать оказалось легко: теперь она по чьей-то прихоти прозывается Коломенка. Но бежал этот ручеёк среди высоких красивых холмов, имеющих, от обычных пологих, до причудливой формы, очертания. Как сами холмы, так и равнинные места были покрыты воронками от разорвавшихся снарядов.

Большая Смедовка, если не считать впадающей в неё Суровки, основой своей имела родники. Вода в ней даже в самую жаркую пору лета, в омуте, где течение её было минимальным, прогревалась всего до девяти градусов. Измерял сам в самое жаркое лето 1972 года. Поэтому зимой река покрывалась ледяной гладью лишь в декабре, когда окрепший дед Мороз не сдавал своих позиций, а термометр стабильно показывал ниже минус двадцати градусов. Лёд был такой чистый, что деревья, убранные в серебристые одеяния, свешивались с берегов и как в зеркало любовались своей красотой. А когда сильно вымораживало, на льду появлялись, как на стеклах окон, только более живые, джунгли, тайга, диковинные звери, прекратившие своё существование миллионы лет назад. Оторваться от такого зрелища было невозможно.

При этом Большую Смедовку нельзя было назвать рекой действительно большой. В среднем метров десяти шириной, в заводях до восьми – десяти метров глубиной, на перекатах имела воды и по щиколотку: слышно было даже, как вода разговаривает с камушками. Правда, по несмышлёности своей их речь Женька тогда не понимал.

Берега по большей части были высокими и обрывистыми, заросшими ивами, черёмухой и другими деревьями и кустами. С внутренней стороны разворота реки, что ближе к основной массе деревенских домов, вдоль берега стояло несколько домиков у самой воды. При взгляде с любого из холмов, на которых располагалась деревня, Смедовка походила на длинную предлинную змею, извивающуюся с немыслимой гибкостью. Суровка не была так манёврнна.

Вдалеке за деревней и за рекой, летом сине-зелёной, а зимой серебристо-серой полосой выделялся лес.

Занятий в деревне, по тем временам очень глухой, было много. Думаю, возможному читателю будет скучно читать описание кому и сколько из деревенских мальчишек приходилось трудиться по хозяйству, даже если принять во внимание тот факт, что физический труд и облагораживает, и закаляет. Зато от редко выпадавших развлечений удовольствия получали столько, что заряд бодрости остался на всю жизнь.

Не зря говорят, что может тот, кто думает, что может. Пацанята – мы даже не задумывались, что наши развлечения опасны, а спортивные трюки невозможны к исполнению. Ходили в обледенелых валенках по заострённым штакетинам забора, как по канату. Залезали на верхушки молодых деревьев и свешивались вниз. Как бы ни была далеко земля, обратного пути не было, оставалось одно: расцепить руки и лететь вниз. А уж совершенную безголовость, хотя правильнее будет – безмозглость, стали показывать, когда в деревне, в середине шестидесятых, начали строить три двухэтажных дома с плоскими крышами. Играя в «салочки» и убегая друг от друга, прыгали с этих крыш вниз в сугробы. Как-то совсем и не думалось о строительном мусоре, не убранном от недостроенных домов. Впрочем, и мусор этот

был совсем иного свойства, нежели сейчас. Такой мусор, что и упоминать-то о нём не стоило. Потом и вовсе с этих крыш стали нырять «рыбкой» в снег: пример этому по своей глупости показал Женька.

Одним из развлечений почти для всей детворы, но уже школьного возраста, было катание на санях. Сани угоняли из конюшни без цели присвоения или сбыта. Дежуривший сторож, если находился на месте, всегда попадался на одну и ту же уловку; видимо из-за отсутствия необходимого содержимого в голове и не дорос он до других должностей, а может, просто не хотел напрягаться, чувствуя себя и так хорошо, не будем вдаваться в философствования. А уловка состояла в том, что один мальчишка заходил с тыльной стороны конюшни и поднимал там шум. В этом ему начинали помогать и лошади. Сторож отходил посмотреть, что происходит, а в это время ватага мальчишек угоняла сани. А если уж откровенно, то сторож в трезвом состоянии там был чрезвычайно редким явлением.

Катались по наезженной дороге от конторы, стоявшей на горе, до клуба, располагавшегося внизу у той же дороги, но уже обогнувшей половину деревни. Расстояние, примерно с половину километра, вниз всегда казалось меньшим, чем наверх. Дорога была извилистой, а рулить санями за отсутствием необходимых приспособлений дело весьма затруднительное, поэтому случались столкновения с деревьями, каждое из которых нам, ребятишкам, представлялось гигантом. Но при этом значительных повреждений никогда не было. Видно, сани были достаточно крепкими, а под лобной костью у катавшейся детворы отсутствовало содержимое. При хорошей погоде, когда снега на деревьях было много, от удара санями о дерево с последнего соскакивала шапка. Она катилась по веткам, увлекая за собой их снежные одеяния, и уже настоящей лавиной накрывала сани; тут уж веселья было через край.

Прокатившись два-три раза, сани оставляли внизу. Пацаны не задумывались, каким образом они будут доставлены на своё законно отведённое им для отдыха место. По каким-то причинам, ведомым только им, взрослым, «созревали» они только

к концу зимы, и тогда уже устраивали на конюшне засады. Результатом засад становилось только то, что ребята не могли взять сани, сами же поимки всегда избегали.

Были развлечения и не связанные с обязательным отсутствием мозгов. В них принимали участие большее количество ребятишек, и девочки тоже.

В школу, конечно же, тоже ходили. Она располагалась на дальнем от дороги из Каширы в Серебряные Пруды холме.

В отличие от городских школьников, в особо морозные дни деревенским ребятам, видимо, полагая их особо закалёнными, поблажек не делали. Из шести сёл и деревень, через леса и через поля бегали ребятишки в школу за много километров, даже в тридцатиградусные морозы.

Но весной они брали своё. В половодье (для современных городских – весеннее наводнение) вода заливала всё, что можно, и даже то, что с нынешней точки зрения, нельзя. Дружно выходила она из берегов, заливала огромные луга, затопляла дома, стоявшие цепочкой вдоль берега. Огромные льдины ломали всё на своем пути, сметая деревья помельче и кустарники. И лишь огромные древние вётлы спасали от разгрома старые домишки, притулившиеся к берегу. Река ревела страшнее дикой медведицы, у которой украли детёныша.

Доступ в школу прекращался самое малое на две недели; всё зависело от настроения матушки природы. Ребята ликовали и от наступления весны, и от возможности посачковать. Это был самый бездельный период жизни деревенских ребят. В то время как в низинах еще стояла вода, и дороги были непроходимы, пригорки подсыхали, травка радостно тянулась к солнцу. Пространства для игр и забав было предостаточно.

Но как ни лень было учиться в детстве, о школе остались самые тёплые воспоминания.

*В лесу осеннем не услышишь соловья.
Багрянцем осени наряжены деревья.
Лишь в эту пору вспоминаю я
Свою давно забытую деревню.*

*Передо мною ширь полей,
И тополя с желтеющей листвою:
И клин на юг летящих журавлей,
Ведёт возжак усталый за собою.*

*Река парящая видна,
И на пригорке школа дорогая,
А у окна, как прежде, всё одна,
Стоит береза, словно догорая.*

*Природа засыпает. Постепенно
Приносит в сердце нам покой.
Моя родимая деревня,
Ты мне навек запомнилась такой.*

Жизнь скоротечна. Окончена школа, техникум. Предстояла служба в армии. Дорога жизни уходила вдаль и скрывалась за горизонтом.

Но в той красивой местности, где Женька провёл свои «беззаботные» дни, приключались с Женькой и забавные случаи, о которых он вспоминает особо. Давайте и мы узнаем о них.

ХОККЕИСТ, ИЛИ НА КРАЮ ВЕЧНОСТИ

Зимой в деревне развлечений было много, тем более что все дела, связанные с жизнеобеспечением, выполнялись весной, летом и осенью. Из занятий, необходимых к исполнению в обязательном порядке, оставалось только одно, далеко не самое любимое – школа. Сделав вид, что уроки выполнены, все ребята вываливали на улицу. Нынешним школярам только диву даёшься, из дома их не выманишь, нас же невозможно было загнать домой. Сатиновые шаровары, резинку которых натягивали на валенки, что бы не засыпался снег, отмокали быстро, так как надеты были на голые ноги, и при остановке на несколько минут становились ледяным панцирем. Но это случалось только при

подходе к дому, во время игры возможности леденеть у них не было, поскольку они постоянно находились в соприкосновении с вечным обогревателем. Не знаю, какой вид энергии делает тело человеческое печкой, но что оно является таковым, знают или догадываются все.

Как уже отмечалось, развлечений было множество. Катание с гор на санках, санях, «рулетках», лыжах. Но эти развлечения были всеобщими, а вот в хоккее играли только ребята, и то мелкота (это дошколята) не допускалась. Клюшки делали из кривых веток больших кустов. В основном бегали по плохо вычищенному льду в валенках. Были и такие, кто на валенки при помощи верёвок и палочек прикрепляли коньки. Коньки на ботинках в деревне были большой редкостью, и обладатели их считались счастливыми.

В один из зимних дней таким счастливым стал и Женька. Отец, бывший по делам служебным в районном городе под названием Кашира, привёз оттуда ему коньки, и не просто коньки, а на ботинках – это был подарок к его десятилетию, но до дня рождения Женька терпеть не мог. Женька, будучи эмоциональнее любой девчонки, испытал прилив дикой радости и тут же нацепил коньки. Тренировка началась с ходьбы по коридору, и почти в тот же миг закончилась. Матушка, услышав грохот, выглянула из кухни и устроила Женьке головомойку, разъяснив при этом, что подождать до выходного легче, чем делать капитальный ремонт полов.

Три дня уроки не хотели делаться, дни тянулись как хорошая жевательная резинка, о существовании которой, правда, Женька тогда ничего не знал. Но как бы ни противился порядок вещей быть порядком вещей, воскресенье всё же настало: нынешние школяры не знают, что мы учились и по субботам.

Почти всю ночь Женька не мог уснуть, представляя, как под общий восторг ребят выйдет он на лёд на коньках. Встал с постели в половине шестого утра, нацепил коньки и сквозь темень пошёл на пруд, даже не попив чая, так не терпелось ему испытать коньки, себя на коньках, пока никто не видит.

Лёд был таким, как всегда, холодным и скользким. Коньки двигались в нужных им направлениях, слабо подчиняясь Женьке. Несколько раз он выходил на тропинку и передвигался по утоптанному снегу, что получалось лучше, чем на льду. Когда рассвело, решил, что уже достаточно овладел техникой передвижения на коньках, и отправился за Колькой Коцюбой на «хохляцкий» посёлок: так называлась особнячком стоявшая часть деревни. Однако родители Кольки сказали, что нормальные люди ещё спят, а часам к десяти Колька на пруд подойдёт.

Времени же было, как оказалось, половина восьмого, да и рассвело ещё не то чтобы совсем. До дома было не очень далеко, но идти туда не хотелось, как не хотелось и есть, что в обычное время, то есть безконьковое, показалось бы очень странным.

На дворе стоял конец января. Стоял он, конечно, не только на дворе, но так принято говорить, буду так выражаться и я. Речку красавицу Большую Смедовку наконец-то сковал мороз. Под прозрачным льдом была видна шумная жизнь воды. По берегам, все выряженные в серебристые одеяния, стояли плакучие ивы. Простоволосые, склонялись они к самой воде, схватившей их льдом за седые волосы. Поседели они, как тогда думалось Женьке, от вестей, которые из года в год приносили с собой весенние паводки. Он уже знал, что от печальных вестей и у людей седеют волосы.

Женька прошёл, пока еще прошёл, на реку. Прокатился по её извилистому, змейкой, руслу, огибавшему деревню, и через пару часов вернулся на пруд. Там уже начинали собираться ребята. Долго обсуждались качественные составляющие коньков. Потом, когда народа собралось достаточно много, начали играть в хоккей. Играли, могу вас уверить, с большей отдачей, чем взрослые на больших чемпионатах, как могут только дети.

Одни ребята уходили на обед, приходили другие, и снова кто-то уходил, а Женька все продолжал играть. Когда стемнело, на льду остались только Женька и двое его друзей с «хохляцкого» посёлка, оба Кольки: второй носил фамилию Гундров, о первом уже было сказано. Почему посёлок так называли, по

крайней мере из детей, никто не знал. Это как бы хуторок стоял чуть в стороне от центральной усадьбы, выходящий огородами к берегу реки. Возможно, что первыми его заселили именно выходцы с Украины.

Женька проводил ребят в посёлок. Они расстались, чтобы завтра встретиться в школе. Никто из них не знал, что если бы не был Женька любимчиком и баловнем, до поры до времени, своей Судьбы, не встретиться бы им не только завтра, но и никогда.

За ребятами закрылись двери их домов, а Женькины ноги отказывались нести его домой, так наломал он их, непривычных к конькам, за день, но осознал это в полной мере только сейчас. Голеностопные суставы ломило невыносимо, а стопы он не ощущал вообще. Собрав в один комок и силы и волю, коих оставалось не так и много, медленно побрёл он в сторону дома. Идти было меньше километра, но больше вечности. Не пройдя и половины пути, упал. Почему-то голова уже не соображала, он не мог додуматься снять коньки и без них добежать до дома. Голод и усталость, видимо, сказывались и на работоспособности соображалки.

Полз из последних сил. У коновязи, располагавшейся почти напротив конторы, и в каких-нибудь ста метрах от дома, и последние силы покинули его. Женька лежал на снегу. Тонкий месяц, повернувшись к нему рогами, с недоумением разглядывал его. Дым из печных труб будто столбами подпирал небо, что само за себя говорило о крепком морозе. Слёзы обиды и бессилия катились из глаз. Он замерзал, замерзал глупо, в ста шагах от дома. Мысли были тупыми и бесформенными, так как жизнь его только-только начиналась, и груз знаний и памяти не отягощал его. А может быть, жизнь проносится перед глазами в одно мгновение в других ситуациях, а не тогда, когда медленно замерзают. Одно он понимал бесконечно отчётливо, что находится на краю вечности.

Сколько времени лежал он у коновязи, теперь уже не знает никто. Услышал вопрос, кто это здесь лежит, с трудом поднял веки и понял, что разговаривают с ним, и пока что не предста-

вители «того света». Увидел соседа по дому, старшекласника Славу. Но никакие ощущения не дали себя обнаружить. Они, ощущения эти, были крепко заморожены.

Дома, сгружая Женьку со своего плеча, Слава сказал его родителям:

– Получайте своего орла, случайно заметил его, лежал под коновязью.

Теперь мы знаем, что слова про орла оказались в некоторой степени пророческими: летать Женьке судьбою была предоставлена возможность, но немного позже. Впереди предстояла очередная жизнь.